Радек

Международная политика

I

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
EH 161
M 388

КАРЛ РАДЕК

335.02
Р163

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Том I.

ОБОЗРЕНИЕ ЗА 1924 ГОД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925

ЕН 161
М 388

КАРЛ РАДЕК

X

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

1,

ТОМ ПЕРВЫЙ

ОБОЗРЕНИЕ ЗА 1924 ГОД

ПЛАН ДАУЭСА. РАБОЧЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В АНГЛИИ. ЛЕВЫЙ БЛОК ВО ФРАНЦИИ. КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. СУЩЕСТВО И ИТОГИ ТАК-НАЗЫВАЕМОЙ ЭРЫ ДЕМОКРАТИИ И ПАЦИФИЗМА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1925 ☆ ЛЕНИНГРАД

1ЭКЗ

К.

ЕН161
М388

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
980
25
5023 с.1
сф
9395
1058798

Главлит № 38.215. Гиз. № 9666. АП. № 193. Тираж 5 000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“, Москва, Пименовская, д. 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

I.

В этой книге собраны мои основные статьи, посвященные анализу внутренне-политических и внешне-политических событий 1924 года. Я выпускаю их, как первый том обозрений международной политики, которые будут появляться ежегодно. Статьи, появляясь вслед за событиями, дают читателю возможность контролировать, подвергли ли последующие события анализ автора критике. Я считаю, что этого не было, и, собирая статьи, не сделал никаких изменений по существу. Приходилось только выглаживать шероховатости стиля.

События 1924 г. заставили нас говорить о вопросах стабилизации капитализма. Существует ли такая стабилизация, является ли она окончательной, т.-е. устанавливается ли равновесие капитализма на значительный исторический срок, пока с восстановлением капитализма не возродятся его противоречия в настолько расширенном масштабе, что они породят новую войну или новую волну революций? Вот вопросы, которые волнуют широкие круги рабочего класса. Я пытался доказать во всех своих статьях, что нет основания для утверждения, что стабилизация капитализма является сколько-нибудь окончательным фактом. Маркс мог в 1851 году сказать точно и ясно: революция кончена до следующего экономического кризиса. Мы теперь так вопроса ставить не можем, хотя не подлежит сомнению, что революционная волна 1918 и 1919 гг. уже схлынула. Но сказать, что революция 1918 и 1919 гг. кончена,—мы это сказали официально уже в 1921 г., неофициально некоторые из нас раньше,—это не то же самое, что заявление Маркса 1851 г., что революция кончена.

Революция 1848 г. была революцией на очень узком участке мира. Она на деле подняла на ноги массы только в трех стра-

нах: Германии, Франции и Австрии. Она вряд ли могла иметь более обширный радиус влияния. Революция, начавшаяся в Петербурге в феврале 1917 года, означала начало потрясений во всем мире. И когда мы теперь ставим вопрос о стабилизации капитализма и отвечаем, что волна революции 1918 и 1919 гг., которая последовала после русской революции, схлынула, то это не исчерпывает вопроса о судьбе мировой революции. Мир теперь не тот, что в 1848 г. Он действительно мир, а не только тот западно-европейский уголок, который 70 лет тому назад можно было с известным основанием называть миром. Насколько теперь мир представляет, в противоположность старым временам, действительно весь земной шар, насколько события на всех континентах связаны друг с другом, влияют друг на друга,—это лучше всего чувствуешь, когда возьмешь в руки Диккенса „Заметки об Америке" или читаешь историю тайпингского восстания. Диккенс смотрел на Соединенные Штаты Америки, как на смешную провинцию, развитие которой мало влияет на судьбы Европы. Европа и мир—это была Англия, все прочие страны—это были иностранцы, постольку заслуживающие внимания, поскольку Англия снабжала их штанами и фуфайками. Сегодня от учетного процента американских банков зависят судьбы великой английской империи. Восстание тайпингов охватывало территорию со 100 миллионами населения. В нем принимали участие десятки миллионов людей. Оно стоило жизни полмиллиону людей. Но даже Маркс и Энгельс, смотревшие на мир с самой высокой башни, которая тогда существовала, не обратили достаточного внимания на эту величайшую крестьянскую войну, ибо она тогда очень мало влияла на отношения капиталистического мира.

Теперь борьба китайских военных генерал-губернаторов является одним из выражений борьбы великих мировых хищников между собою и влияет, со своей стороны, на соотношения этих хищников. Как само собой понятно, состояние революционной борьбы в Западной Европе имеет громаднейшее значение для хода событий во всем остальном мире. Но положение в Западной Европе является все-таки положением на одном из участков мирового фронта революции.

Другое отличие между положением в 1849 году и теперешним—то, что мы не имеем налицо общего капиталистического подъема, который в 1849 г., преодолев экономический кризис, породивший революцию, создал экономическую базу для полной победы контр-революции. Линия экономического

развития в разных странах за последнее время колеблется, мировая буржуазия не может сказать: я перешагнула Рубикон и победила. Если она к концу прошлого года была полна оптимизма, то первые четыре месяца этого года значительно уменьшили у нее чувство самоуверенности. Достаточно прочесть речь сэра Роберта Горна, бывшего казначея Англии, о перспективах английской промышленности весною 1925 г., чтобы убедиться в этом. Эта речь рисует положение в черных красках. Срывы стабилизационных тенденций совершенно возможны уже в ближайшие годы. Пролетариат может в ближайшие годы стать в ряде стран перед непосредственно-революционной ситуацией.

Третье отличие теперешнего положения от положения в 1849 г. состоит в том, что первые две волны революции 1917 г. оставили два громадных фактора: первый — это существование и укрепление СССР, первого государства рабочих и крестьян. Это означает ни меньше ни больше, как брешь в капиталистической государственной системе; второй—это массовое рабочее движение, которое под влиянием попыток стабилизации будет только обостряться, ибо эти попытки делаются за счет рабочих масс. Возврата к „спокойным" предвоенным временам нет. После же революции 1849 г. наступило везде время черной реакции.

II.

О чем же в таком случае речь? Откуда разговоры о стабилизации?

Разговоры эти имеют, кроме политических, ряд и материальных причин. Буржуазия сумела отбить атаки пролетариата, штурм его на твердыни капитализма не удался. Она везде пытается восстановить полностью свою власть. Наиболее ярким выражением этих стремлений является победа консерваторов в Англии и выборы Гинденбурга в президенты Германской республики, происшедшие 26 апреля этого года. Опираются ли эти попытки только на психологические факторы, на усталость рабочих масс, как утверждают некоторые? Нет. Эти попытки имеют под собой известные новые экономические факторы, в первую очередь — экспорт американского капитала в Европу. Не видеть этих новых экономических факторов означало бы закрывать глаза на важный элемент действительности, рисковать оказаться безоружным перед лицом новых важных фактов, которые могут определить ход событий на ряд лет. Если

бы тенденции к восстановлению капитализма успешно продолжали свое действие в продолжение 5—10 лет, то не подлежит сомнению, что на их почве может создаться международное положение, которое будет требовать соответствующих мер и от коммунистических партий Запада, и от СССР,—не закрывать глаза на действительность является здесь простым требованием политической осторожности.

Нас спросят: могут ли эти тенденции удержаться в продолжении 5—10 лет? Не означало бы это конца мировой революции? Мы отвечаем: если бы даже они удержались так долго, то это совсем не означало бы конца революции. В статье своей о том, как Ленин учил нас понимать эпоху мировой революции, я уже в мае прошлого года (она перепечатана во 2-м томе сборника „5 лет Коминтерна", изд. „Красная Новь") указывал на то, что Ленин учил, что победа пролетариата может явиться только как результат длинного периода поражений и побед, периода, который в мировом масштабе займет жизнь не одного поколения борцов. Ленин не связывал победы международного пролетариата ни с каким определенным сроком. Он учил нас только, что эпоха империализма является одновременно эпохой социальной революции. Этот взгляд, являющийся основой ленинизма, как единственно возможной теории мирового революционного движения пролетариата, вытекал из его анализа противоречий, порождаемых империализмом.

Монополистическому капитализму, являющемуся основой империализма, тесно в рамках одного государства. Он вызывает поэтому бешеную конкуренцию и борьбу капиталистических держав между собой и делает международную организацию производственных сил — сверх-империализм — невозможной. Одновременно монопольный капитализм, т.-е. капитализм, организованный в тресты, картели, означает растущее обострение классовых отношений между пролетариатом и буржуазией. Наконец, стремясь к захвату капиталистических стран, он пробуждает народы Востока, создавая растущее противоречие между западно-европейской и американской трестированной буржуазией и сотнями миллионов крестьян на Востоке. Эти три основных противоречия являются источниками мировой революции. Временная стабилизация капитализма в Западной Европе не только не устраняет этих источников, но усиливает их дей-

ствие. Но разве из этого следует, что эта стабилизация на ряд лет невозможна? Нет никаких теоретических причин для такого утверждения. Встречаясь с подобными утверждениями, не обоснованными ничем другим, кроме желания, Ленин обыкновенно говорил: „Это невероятно, но нельзя сказать, что это невозможно, и поэтому такое утверждение теоретически неправильно".

Стабилизация капитализма—это есть стремление его сил к известному равновесию. Сохранение этого известного равновесия на ряд лет кажется некоторым невозможным. Почему? Ведь, оно создалось за последние годы—устойчивое, неустойчивое, но создалось, иначе революция бы победила. Почему оно не может продолжаться еще несколько лет? Три может, а пять нет? Почему? Где есть теоретическая основа для утверждения, что число „три" представляет сакраментальное число? Omne trinum perfectum!—говорят любители крепких напитков, но даже и в этих торжественных случаях количество „три" никого не останавливает. Теоретические аргументы, выдвигаемые против стабилизационного периода, охватывающего ряд лет, состоят в указании на уменьшение рынков сбыта, на растущую конкуренцию и порождаемые ею империалистические противоречия. Но это совершенно неосновательные аргументы.

Рынки сбыта не исчезли, и насколько дело идет об аграрных странах, то они очень скоро восстанавливаются. Капитал может пытаться разрешить этот вопрос. Вопрос о рынках поэтому является теперь центральным объектом борьбы империалистических держав. Этот вопрос решится только в ряде схваток. Невероятно, чтоб он решился больше в пользу капитализма, но что касается колониальных стран, то это не невозможно на известный переходный период. Капиталистическая конкуренция обостряется, но где сказано, в какой срок она должна привести к новой империалистической войне? Задача марксиста состоит не только в том, чтоб видеть растущие империалистские противоречия, но и в том, чтоб видеть, что в данный момент на ближайшие годы очень неправдоподобна международная война, что империалистические державы к ней не готовы ни военно, ни экономически, ни политически. А речь идет именно о ближайших годах, ибо 5—10 лет представляют, с точки зрения развития, очень короткий срок.

Некоторые выдвигают, как аргумент против даже такой короткой капиталистической передышки, растущее противоречие между Соединенными Штатами Америки и Европой. Во-первых, что такое Европа? Германия пока-что ничего

больше не жаждет, как быть изнасилованной через импорт американского капитала. Польша, балканские страны, страны бывшей австро-венгерской монархии буквально обивают пороги американских банкиров, выпрашивая всякий миллион долларов. Буржуазия половины Европы ищет зависимости от американского капитала, как средства восстановления и развития своих хозяйственных отношений. Острая конкуренция существует пока-что между Америкой и Англией, и она будет расти, но надо игнорировать такой простой факт, как то, что наиболее капиталистически развитые страны, т.-е. страны-конкуренты, представляют друг для друга самый емкий рынок, чтобы этот факт растущей конкуренции являлся доказательством невозможности политической кооперации двух стран. В моей статье „Об итогах эры демократии и пацифизма" я отвечал уже на подобную аргументацию т. Бухарцева, который из факта англо-американской конкуренции делает вывод, что англо-американская кооперация является только выдумкой или, в крайнем случае, техническим использованием аппарата английских банков американским капиталом. Повторение аргументации тов. Бухарцева тов. Пепером не составляет оснований для продолжения дискуссии. Мои оппоненты бессознательно исходят из теории империализма Розы Люксембург, неправильность которой теоретически очень хорошо разъяснил тов. Бухарин в своей книге об империализме и аккумуляции, а практическими примерами пояснил тов. И. Литвинов в № 11 „Вестника Коммунистической Академии". Мировая война не была вызвана конкуренцией в вывозе товаров, а конкуренцией в экспорте капитала. Англия теперь не в силах вести эту конкуренцию, она подчиняется и известное время будет еще подчиняться американскому капиталу, переходя пока-что практически на позиции младшего партнера. Указание на экономические завоевания Соединенных Штатов Америки в Канаде говорит против авторов этого указания. Их вывод, что завоевание Канады американским капиталом увеличивает англо-американские противоречия, заставляет меня сказать: ну, увеличивает, а что из этого следует? Какие имеет Англия средства противодействовать этому? Попытка оградить Канаду от Соединенных Штатов привела бы к отпадению Канады от английской империи.

Но это ставит Европу в тупик, — говорят нам. Мы отвечаем словами Ленина, что нет безысходного положения для буржуазии, кроме победы пролетариата. Часть европейской буржуазии принуждена искать притока американского

капитала. Для нее зависимость от Америки не тупик, а спасение. Так дело обстоит с балканскими странами, странами бывшей австро-венгерской монархии, с Германией, отчасти и с Францией. Зависимость от Америки является тяжелой обузой в первую очередь для Англии. Но Англия теперь не в состоянии воевать с Америкой. Противоречия с Америкой могут довести до мировой войны, но до этого еще очень далеко. Значительно ближе может оказаться война коалиций капиталистических государств против восстающего Востока и СССР. Это указание является одновременно ответом тем из критиков моих статей, которые делают из моего анализа вывод о моем переходе на почву пацифизма. Я не буду указывать на то, что с пацифизмом Каутского я начал бороться раньше, чем все мои критики, взятые совместно, ибо уже под 1911 годом интересующийся читатель может найти эти статьи в первом томе моей книги „Германская революция", где уже под 1912 годом дана критика взглядов Каутского на сверх-империализм. Отвечая по существу, я могу только сказать, что смехотворно считать революционными перспективами предсказывание близкой англо-американской войны, а пацифизмом считать признание более вероятною близости англо-американской коалиции против революционного Востока.

Основные взгляды, развитые в этой книге, на международное положение, являются не результатом какой-то теоретической, предвзятой схемы, а результатом применения теории марксизма к исследованию перемен, происходящих в международной политике. Если марксистский анализ новых фактов заставит меня констатировать, что эти отношения изменяются в направлении перехода от англо-американской кооперации к англо-американской войне, то я не только не буду иметь никаких теоретических причин игнорировать этот факт, но смею уверить, что такой поворот очень бы меня обрадовал, ибо он был бы рычагом ускорения мировой революции. Но пока-что задача марксиста состоит не в выдумывании того, чего нет, а в анализе того, что есть. Результат этого анализа состоит в установлении, что стабилизационные тенденции усиливаются. Этот факт является основой целого ряда изменений в тактике коммунистических партий, которые должны, как правильно было сказано, по-новому учиться завоевать большинство рабочего класса, но и известных перемен в политике СССР. Все эти перемены будут иметь почву под ногами, когда они будут базироваться не на

менее или более сходных аналогиях прошлого, аллегориях и других средствах ораторского искусства, а на учете объективных изменений, хотя бы только переходных, хотя бы только несколько лет существующих. Более чем когда-либо тактика коммунизма должна избегать одновременно двух опасностей: опасности застыть в фатализме, в социал-демократическом убеждении о постепенности, и опасности выжидания только радостных дней. Если первая ошибка в значительной мере способствовала октябрьскому поражению в Германии в 1923 г., то вторая мешает воспитанию рабочих-передовиков в том убеждении, что рост авангарда надо себе завоевать тяжелым трудом в самое трудное время революционного отлива.

Карл Радек.

Москва, 28 мая 1925 г.

I.

Барометр выборов.

За последние шесть месяцев пущена была в движение демократическая машина проверки политических тенденций по всей буржуазной Европе. Шестого декабря выбирала Англия, за ней последовали Германия, Франция, Италия, Прикарпатская Русь и Болгария. Выборы являются, вопреки демократической теории, несовершенным барометром настроений и стремлений народных масс. Выборная механика, социальный нажим,—все это представляет ряд помех для выявления фактического положения дел. Но все-таки, если учесть эти помехи, то выборы дают картину, позволяющую подсчитать, систематизировать и обобщить наше знание о политическом положении в Европе. В этой статье мы пытаемся дать это обобщение. Ее можно дополнить оценкой выборов в Японии, где мы видим тот же исторический процесс, который происходит в Европе, на другом конце мира. Выборы в Соединенных Штатах Америки, которые должны состояться в ноябре, позволят, со своей стороны, закруглить картину до мировых размеров. Мы разбиваем нашу статью на основе результатов нашего анализа на три группы:

1) Выборы в Англии и Франции дают картину провала попытки крупной буржуазии при помощи политики сильной руки обеспечить развитие капитализма и решение его противоречий.

2) Выборы в Германии и Италии дают картину усиления политики спасения капитализма при помощи усиления нажима на народные массы.

3) Выборы в Прикарпатской Руси и Болгарии дают картину формирования новой силы, до сего времени не играющей решающей активной роли, а именно—картину активизации крестьянских масс.

1. Бесплодность империалистско-консервативного режима.

Начнем с Англии. Английские выборы декабря 1918 года были первыми „демократическими“ выборами. До 1832 года участие в выборах принимало только 3% населения. Выборная реформа

этого года повысила число избирателей до 4,5%; в 1867 году Дизраэли повысил это число до 9%, в 1882 г. Гладстон довел его до 16%. „Совокупность избирателей, которые через своих представителей приняли вызов Германии в 1914 году и были, таким образом, ответственны за вступление Англии в самую кровопролитную и разорительную войну, когда бы то ни было ею веденную, представляла лишь одну шестую часть всего населения, или около одной трети взрослой его части. Общая воинская повинность обратила внимание страны на несправедливость такого положения. Миллионы были вынуждены рисковать своей жизнью в силу политики, в направлении коей они не принимали никакого участия. Миллионы женщин перенесли бесконечные бедствия и муки за своих близких, более жуткие, чем сама смерть; эти муки вызваны той же политикой, а между тем, ни одна женщина не имела права высказать свое мнение при избрании правителей, которые ответственны за эти жертвы. Эта несправедливость настолько ощущалась населением, военная экзальтация коего довела его до высших ступеней понятия справедливости, что оно добилось исправления несправедливости. Таким образом, появился на свет величайший из „освободительных актов", акт 1917 года, который впервые обратил английский государственный строй в демократию".

Так говорит великий мастер черной демократической магии, Ллойд-Джордж, в статье от 19 марта 1923 года („Мир ли это?", Ленинград 1924 г., стр. 167). Мы не будем ссориться с ним насчет того, насколько массы английских избирателей были ответственны за вступление Англии в войну. Всем известно, что правительство Асквита, к которому принадлежал Ллойд-Джордж, путем тайных переговоров министра иностранных дел лорда Грея и генерального штаба поставило не только страну, но и парламент перед совершившимся фактом. Мы увидим еще, как выглядит демократия, введенная Ллойд-Джорджем в 1917 году. Но факт налицо, что в 1918 году, скоро после окончания войны, 22 миллиона взрослых мужчин и женщин имели право высказать свое мнение об участии Англии в войне, о том, велась ли она в интересах рабочих масс. Все мужчины и замужние женщины старше 25 лет, и незамужние старше 30 лет (не знаем почему Ллойд-Джордж считал предпосылкой выборных прав для женщин обладание семейным контрактом), получили выборные права. Как же они ими воспользовались? Половина избирателей совсем не принимала участия в выборах. Этот факт бросает яркий свет на существо режима буржуазной демократии. Четыре года потрясала война весь мир. Англия израсходовала (мы говорим только о чистых государственных издержках) 100 миллиардов зол. руб. Англия потеряла два миллиона людей. Вся картина мира изменилась. Англия стала перед рядом вопросов, таких сложных, каких не разрешал еще ни один парламент. Половина населения,—населения, живущего в тягчайших условиях, не принимала участия в выборах, заявляя этим, что ей все безразлично,

что она ничего не хочет и ни во что не верит. Причины этого понимает Ллойд-Джордж не хуже нас. В статье, посвященной выборам, которые привели к власти Рабочую партию в декабре 1923 года, он пишет: „С каждым днем в мозгах и сердцах народных масс росло возмущение против тех социальных условий, которые освещают радужным светом жизнь маленькой части народа, но которые оставляют громадные массы в грязной темноте. Я всегда удивлялся, что народ так долго выносил эти условия. Почему же он их выносил? Шелли уже век тому назад знал правду и прозглашал ее: „Вас столько, а их так мало!“ Но укоренившаяся вековая привычка, привычка рабства и гнета прижимала массы, по крайней мере, их большинство. Кроме того, действовал еще другой фактор, который задерживал и уничтожал намерения и стремления реформаторов. Всякий раз, когда народ требовал улучшений, он наталкивался на стену приобретенных прав, у которой обрывалось его стремление, умирала его сила раньше, чем сделан был хотя бы один шаг вперед. Начинались разочарование и усталость, и народ возвращался на старые рельсы и проклинал своих вождей, которым не удалось сдержать своих обещаний об улучшении жизни. Приобретенные права предъявляют по сегодняшний день свое влияние. В обеих партиях действуют силы, не дающие пионерам новой жизни свободы действий. Кирка в руках этих пионеров была так слаба, что не могла устранить тяжелых препятствий на своем пути. Я никогда не забуду моего собственного опыта с земельными податями 1909 года, не забуду, как притупилась и сломилась моя кирка, благодаря внешним и внутренним препятствиям. Маленький шаг вперед был сделан при громадной затрате сил. Внесение этого закона в парламент требовало больше времени, чем внесение какого бы то ни было другого. И когда, наконец, предложения попали в парламент, они были исковерканы, если не уничтожены“.

Хорошо пишет историю английской демократии господин Ллойд-Джордж. Он ее пишет даже со слезой и автобиографической меланхолией. Но это не полная история. Когда английский народ вставал на борьбу за демократию и преобразование жизни, ему выбивали кирку из рук преследованиями, которые были не меньше тех, каким подвергалось революционное движение в России. Штык и пуля против демонстрирующей массы, виселица для героев народного движения, каторга и ссылка для его вождей,— это были средства, при помощи которых английская буржуазия гарантировала себе, что рост процента избирателей с 4,5% до 9%, с 9 до 16% и т. д. потребует десятилетий. А как же выбирали эти 10 миллионов, которые пришли к выборным урнам в декабре 1918 года? Ллойд-Джордж стал во главе коалиции консерваторов и правых либералов. Пресса Нортклифа и Бивербрука работала с ним рука-об-руку. Выборы шли под лозунгом: „Кайзер будет повешен, Германия уплатит все, а герои войны получат дома“. Несмотря на все, Ллойд-Джордж не получил большинства голосов для коалиции. 5.096.233 голоса были отданы за коалицию,

2.375.202—за Рабочую партию, 2.218.674 получили левые либералы и другие фракции. Но меньшинство получило громадное большинство мандатов благодаря особенностям английского выборного права, которого Ллойд-Джордж не изменил: оно без перебаллотировки отдает мандат тому, кто получает сравнительное большинство голосов. 50 депутатов было выбрано без того, чтобы им были противопоставлены другие кандидаты, 213 вошло в парламент, представляя меньшинство избирателей. Таким образом, опираясь на 5 миллионов из 22 миллионов избирателей, Ллойд-Джордж завоевал твердое большинство в парламенте и приступил к решению задач, поставленных перед Англией и миром. Первым его делом был ряд военных мер на случай рабочих движений. Приготовив свинец против рабочих, демократ Ллойд-Джордж прибег одновременно к другому испытанному средству современной демократии. Когда углекопы требовали национализации шахт и рудников, отказываясь работать на герцога Нортумберландского, владеющего ими только на той основе, что ему отдал эти земли 15-летний король в XVI столетии, Ллойд-Джордж заявил: почему нет? И назначил комиссию для исследования дела. Комиссия признала правоту углекопов, но Ллойд-Джорджу нехватило времени для проведения в жизнь ее решения. „Приобретенные права" герцогов Нортумберландских оказались сильнее. За это Ллойд-Джордж состряпал совместно с Клемансо и Вильсоном Версальский договор,—эту великую хартию порабощения народов. Обеспечив таким образом условия внешнего и внутреннего мира, Ллойд-Джордж приступил к войне против Советской России, понятно, с тяжелым чувством, ибо понимал трудность этой затеи. Но приобретенные права Уркартов не позволили ему следовать за голосом разума. Мало того: нельзя поработить центральную Европу, сделать ее колонией и присматриваться спокойно, как на востоке Европы растет и укрепляется мировая держава освобожденных рабочих и крестьян. „Если хотите мира, то надо брать Петроград и Москву", говорил Ллойд-Джорджу Клемансо. И Ллойд-Джордж пошел брать Петроград и Москву и—обжегся на этом. С того момента начинается крушение политики Ллойд-Джорджа,—политики коалиции английских промышленников, финансового капитала с помещиками, военщиной, дипломатическими отравителями и бандой спекулянтов, которая составляла специальную гвардию великого демократического реформатора Ллойд-Джорджа. Германию ограбили по всем правилам искусства средневековых разбойников, которых Ллойд-Джордж так красочно разрисовал в своих речах в 1909 г., когда боролся за социал-реформаторский бюджет. Угнали из нее столько коров, лошадей, вагонов, паровозов, кораблей, сколько было возможно, захватили у нее на 10 миллиардов золотых марок фабрик, заводов, предприятий за границей, но вдруг оказалось, что недостаточно отнять у человека рубаху и штаны, чтобы он стал покупателем нового платья. Средняя Европа в руинах, восток Европы окружен кольцом блокады. Гром победы, раздавайся! Но последствием

явился мировой экономический кризис 1920 года. Англия очутилась вдруг с двумя миллионами безработных, и Ллойд-Джорджу пришлось выискивать методы для покрытия миллиарда золотых рублей, которые из года в год затрачивались на содержание безработных. Ллойд-Джордж решил менять политику. Он выступил с планом уменьшения бремени репараций для Германии, заключения сделки с Россией, которая позволила бы сделать эту страну рынком сбыта. Это должно было привести к уменьшению вооружений. Но Ллойд-Джордж и на этом просчитался. Те социальные силы, на которые опирался он, были неспособны к такой политике. Они были бы не прочь „пощадить" Германию, которой уж не боялись и от которой им немного следовало, но их союзники, короли железа и угля во Франции, отвечали: уменьшить бремя тяжести Германии очень хорошо, но тогда уменьшите вы нам бремя наших долгов, которые мы приняли в Лондоне во время войны. Это означало необходимость громадного увеличения налогов на буржуазию в Англии. Этот путь был забаррикадирован для Ллойд-Джорджа: ему снова стали поперек дороги „приобретенные права". А сделка с Советской Россией? Это должна была быть сделка приговоренного к повешению с веревкой. Советская Россия отказалась от удовольствия оплачивать долги царя и русской буржуазии. Ллойд-Джордж убеждал наших представителей, что если он провалится, то нам худо будет, ибо он—наш друг, а его сменят наши враги. Из Генуи Ллойд-Джордж вернулся мертвецом. Но когда этот мертвец затеял еще войну с Турцией, и когда в этой войне его наемник, греческий король, сломил себе шею, и Ллойд-Джордж чуть ли не привел к непосредственной войне между Турцией и Англией, он полетел. Пришли выборы 1922 года.

На этих выборах принимает участие 14,5 миллионов людей,—на 4 миллиона возросло число голосующих. Опыт политики Ллойд-Джорджа, который доказал, что означают обещания буржуазного правительства, подействовал больше, чем война. Число избирателей, голосующих за Рабочую партию, удвоилось: 4.202.516 голосов пало на кандидатов Рабочей партии. Обе либеральные партии получили 4.130.613 голосов, но и консервативная партия увеличила число своих голосов,—5.546.480 голосов было отдано ей. Разорвав с Ллойд-Джорджем, она сбросила с себя ответственность за его политику. Понятно, его политика была ее политикой, и факт, что 5 миллионов избирателей дали себя таким образом обмануть, показывает, какие гарантии для обмана дает буржуазная демократия. Но все-таки консерваторы получили только 38,7% голосов, против них голосовало 60% избирателей; но, несмотря на то, благодаря чудесам избирательного права, они получили 56% мандатов, Рабочая партия, получившая 29,3% голосов, получила всего 22,4% мандатов. Расколотые на две партии, либералы получили 28,8% голосов, но, благодаря взаимной драке, только 19,1% мандатов. 8 миллионов избирателей высказалось против правительства, 5—за. Бонар-Лоу взял власть, и консерваторы могли показать, что они

одни сумеют. Освободившись от шарлатанства Ллойд-Джорджа, они выдвинули новый план: внутри — быть по сему. Эта политика была очень облегчена. Свирепствовала безработица, число членов профсоюзов начало падать с 6,5 миллиона в 1920 г. до 5,1 миллиона в 1922 г., до 4,3 миллиона в 1923 г. Рабочие пытаются защищать заработную плату, но проигрывают одну забастовку за другой. С 1921 года падала заработная плата на 140 миллионов золотых рублей в неделю. Число членов Рабочей партии, которое в 1920 году равно было 4,3 миллиона, уменьшилось в 1921 году до 4 миллионов, в 1922 году—до 3,3 милл. В рабочих массах царствовало уныние, всякий боялся за кусок хлеба. Так выглядело спокойствие, которое консервативный премьер-министр Бонар-Лоу сделал своим девизом. Но это спокойствие было спокойствием неустранимой безработицы, спокойствием ослабления связей империи, спокойствием, при котором росла мощь С. Штатов Америки и угроза Франции. Бонар-Лоу должен был согласиться на уплату процентов по долгам, заключенным в Нью-Йорке. 300 миллионов золотых рублей в год обязалась победоносная Англия уплачивать Америке, не получая ни копейки ни от Франции, ни от Германии, не говоря уже о грешной Советской России. Политика решения репарационного вопроса кончилась походом Франции на Рур. Тогда выдумал лорд Керзон план, который должен был обеспечить победу хотя бы на восточном участке. Он решил делить, чтобы господствовать. Заключил мир с Турцией и предъявил ультиматум Советской России. После отклонения этого ультиматума должен был начать развертываться новый поход против Советской России, при помощи вассалов Франции и Англии. И одна, и другая затея кончились банкротством. Лозаннская конференция не решила ни вопроса о долгах Турции, ни вопроса о моссульской нефти. Поэтому никакой дружбы с Турцией она дать не могла. Разрыв с Советской Россией не удался, ибо английские промышленники испугались этого скачка в неизвестное. Консервативная буржуазная Англия осталась без всякой программы, без всякого выхода. Болдуин, ставший у руля на место Бонар-Лоу, выдвинул программу, которая состояла в уходе из Европы и в попытке спасения английской империи, ее развития при помощи усиления связи с доминионами. План Болдуина был чистейшей авантюрой. Центральная Европа имеет сто миллионов жителей, восточная—150 милл. жителей, английские доминионы, самоуправляющиеся белые колонии, имеют не больше, чем 20 миллионов жителей. Самый большой доминион—Канада с каждым днем все более вступает в связь с Соединенными Штатами Америки. Что касается цветных колоний, Индии и Египта, то в них выросла со времени войны промышленность. Само по себе это не должно бы являться препятствием к росту английского экспорта, но молодая колониальная буржуазия пытается защитить свою промышленность при помощи покровительственных пошлин. Мало того: если бы Англия попыталась дать привилегии аграрному вво-

зу своих колоний в ущерб других земледельческих стран, снабжающих ее хлебом, мясом, шерстью, то в результате эти страны сузились бы как рынки сбыта для Англии. Программа Бонар-Лоу, которая представляла собой обгрызанную и скомканную программу Джоэ Чемберлена, была актом отчаяния, была выражением абсолютного отсутствия творческого плана у английских консерваторов. Если они рассчитывали, что при выборах 6 декабря 1923 года им поможет неосведомленность масс, финансовое ослабление Рабочей партии, то выборы показали, что они ошиблись.

Масса торговой буржуазии, буржуазии, представляющей экспортную индустрию и находящей свое выражение в либеральной партии, которая на этих выборах выступала сплоченным фронтом, видела во всяком переходе к политике покровительственной связи с колониями угрозу своему и так уже пошатнувшемуся положению на мировом торговом рынке. Для массы же рабочих, для массы служащих, насколько они вообще принимают участие в политической жизни, политика Бонар-Лоу означала вступление на путь искусственного повышения цен средств к жизни. Английская мелкая буржуазия удержалась до этого времени только благодаря свободе торговли. Дешевизна предметов широкого потребления, „дешовый завтрак" являлись с 1846 года главным завоеванием английского рабочего и мелкой буржуазии. Таким образом, консерваторы с трудом удержали число полученных голосов. Оно даже уменьшилось с 5.554 648 до 5.527.522. Рабочая же партия увеличила число своих голосов с 4.202.516 до 4.506.935, объединенная либеральная партия увеличила незначительно число полученных голосов: с 4.130.613 до 4.278.428. В общем можно сказать, что соотношение сил при выборах в декабре 1923 года осталось то же, что и в 1922 г. Но благодаря тому, что либералы выступали объединенно, исчезло разделение либеральных голосов, консерваторы не получили старого относительного большинства и потеряли не меньше 88 мандатов.

Что означает этот исход выборов в социальном смысле?

1) 8 миллионов избирателей не принимало участия в выборах. Это, в первую очередь, рабочая беднота. Они еще не втянуты в политическую жизнь. И это имеет место в наиболее богатой, наиболее просвещенной и наиболее демократической стране Европы!

2) Громадные массы рабочих голосовали еще и за либералов, и за консерваторов.

3) Несмотря на то, что Рабочая партия имеет в своем распоряжении только одну ежедневную газету, с тиражом в 300.000 экз., что сеть еженедельных рабочих газет очень мало развита, что число брошюр, пущенных в агитацию, незначительно,—5 миллионов английских рабочих отдали свои голоса Рабочей партии, следуя голосу своего пролетарского инстинкта.

4) Ни одна из буржуазных партий не может, опираясь только на собственные силы, руководить страной, а так как коалиция обеих кончилась в 1922 г. громадным крахом, то они должны

были пока-что оставить власть Рабочей партии, утешаясь, что Рабочая партия не способна ни к какой революционной политике, не только потому, что у нее нет большинства ни в населении, ни в парламенте, но и потому, что она боится революционной политики.

Если прислушаться к политическим дискуссиям в Англии после выборов, то можно сделать еще один вывод: либеральная партия еще менее, чем консервативная, способна вернуться к власти. У нее совершенно отсутствуют какие бы то ни было перспективы решения стоящих перед Англией и Европой задач. Это приводит к бегству интеллигенции из ее рядов в ряды Рабочей партии и к передвижению капиталистических элементов к консерваторам. Либеральную программу, как ее воплощал во время борьбы за бюджет в 1909 году Ллойд-Джордж, воплощает теперь Рабочая партия. В Англии называли бедных людей людьми „из вторых рук“ (second hand people), ибо они покупали поношенные костюмы. Политика Рабочей партии есть, по выражению одного из тончайших английских политических публицистов, „либерализм из вторых рук“. Она пока-что имела успех в области иностранной политики, она решила ликвидировать наиболее безнадежную глупость консервативной партии, политику угроз по отношению к Советской России. Но признание Советской России есть признание факта. На очереди теперь вопрос об отношении к этому факту. В момент, когда пишутся эти строки, Лондонская конференция представителей английского рабочего правительства и советского правительства еще не кончена, но мы боимся, что она не двинет вперед наиболее важного для Англии и России вопроса, вопроса об экономических отношениях обеих стран. Так же, как Ллойд-Джордж не был в состоянии преодолеть сопротивления „приобретенных прав“, так же Рамзей Макдональд выступает защитником прав английских капиталистов, пострадавших от русской революции. Разница только та, что Ллойд-Джордж имел больше влияния на господ из Сити, чем Макдональд. Что касается второй победы рабочего правительства, которая открывала, как казалось, выход из международного тупика, то ею является падение Пуанкаре. Пришедши к власти, Макдональд оттягивал переговоры с Францией до ожидаемого падения Пуанкаре, забавляясь пока-что перепиской, полной дружбы и любви к французскому народу. Не без помощи английских банков произведено было падение франка. „После мантии падает герцог“, — с франком пал Пуанкаре. Доклад комиссии экспертов, т.-е. условия, продиктованные банковской фирмой Моргана, на которых американский капитал заявляет свою готовность вернуться в Европу, будет принят и союзниками, и Германией. Но это открывает только виды на медленное выколачивание платежей из Германии, но не перспективу на экономическое возрождение центральной Европы. „Пацифистская“ политика Макдональда окажется так же бессильной, как оказалась пацифистская политика Ллойд-Джорджа. Макдональд сам это предчувствует и поэтому ни на один день

не прекращает постройки воздушных флотилий. Его жест с отсрочкой постройки морской базы в Сингапуре очень дешево стоит, ибо, благодаря землетрясению, Япония выбита из колеи на пять лет. А как выглядит внутренняя программа правительства Макдональда, как выглядят перспективы внутреннего развития Англии под руководством Рабочей партии? Внутренняя политика рабочего правительства есть политика выжидания и маленьких подачек рабочему классу. Правительство Макдональда и Рабочая партия объясняют свое поведение тем, что у нас, мол, нет большинства в парламенте, и поэтому мы должны очень медленно продвигаться. Одна консервативная газета так же объясняет политику правительства, заявляя, что, когда чорт был болен, он был очень смирный. Но мы думаем, что прав либеральный журнал „Nation", который говорит, что не отсутствие большинства, а отсутствие желания борьбы со стороны Рабочей партии обеспечивает Англию от „экспериментов". На это указывает не только отсутствие пропаганды больших социальных реформ со стороны английского рабочего правительства, но и то, что оно не делает и того, что могло бы делать. Позиция, занятая английским рабочим правительством по отношению к ряду забастовок, доказывает, что оно боится нарастания той силы, без которой оно ни в коем случае не сможет бороться. Нельзя сказать, чтобы эта политика вызвала уже сильное разочарование в массах. Когда английский рабочий видит своих вождей, снятых рядом с королем, то у него преобладает еще чувство: смотри, наши людьми-то стали! Маленькие улучшения, как уменьшение пошлин на сахар, и то принимаются с благодарностью. Но одновременно уже видно и другое последствие рабочего правительства. Рабочие думают хитро: не имея большинства, наш Мак немногое может сделать, но в обиду нас не даст и поэтому начинает понемножку напирать на буржуазию. Учащающиеся забастовки являются доказательством того, что правительство Макдональда самым фактом своего существования усиливает надежды рабочих масс, будирует их. Боясь этого, трэд-юнионисты, стоящие за Макдональдом, уже натягивают вожжи. На этой почве начинает расти левое течение в профсоюзах, начинают расти стихийные забастовки; на этой же почве начинает расти недовольство и либералов, и консерваторов. „Я за рабочее правительство, ибо оно лучшее консервативное правительство", — заявлял умница Гарвин в „Observer'e". Ллойд-Джордж восхваляет либеральный характер бюджета Сноудена. Но это все заявлялось в начале романа с рабочим правительством. Теперь и консерваторы, и либералы начинают подготовлять наступление. Это пока-что предварительная бомбардировка, но не подлежит ни малейшему сомнению, что, когда либеральные и консервативные капиталисты подтянут свои ослабленные организации, они перейдут в наступление в парламенте, дабы провалить Макдональда на вопросах, на которых они могут собрать вокруг себя буржуазию. Макдональд думает продержаться на вопросах иностранной политики до весны будущего года и

дать тогда бой на вопросе о бюждете. Этот бюджет должен содержать ряд изменений в пользу рабочего класса. Мы очень сомневаемся, удастся ли Макдональду до этого времени продержаться. Всякая крупная забастовка может сделаться для рабочего правительства Англии камнем, о который оно споткнется. Дальнейшее развитие в Англии зависит от того, на какой почве произойдет столкновение между рабочим правительством и буржуазными партиями. Если оно произойдет на почве классовых интересов пролетариата, то рабочее правительство может, вопреки своей воле, сделаться исходным пунктом для серьезной борьбы. Пока-что можно сказать одно: оно не в состоянии дать этого мира и спокойствия, который по очереди обещали Ллойд-Джордж и Бонар-Лоу, и что так широко и громогласно обещает рабочее правительство.

* * *

Судьбы рабочего правительства Англии теснейшим образом связаны с судьбами развития французской политики, которая переживает по существу тот же процесс разжатия бесплодной политики империалистского кулака. Очень важно понять существо французского кризиса, ибо победа левого блока не является его завершением, а только его началом. Франция вышла из войны с громадным приростом источников экономического возрождения. Лотарингская руда совместно с рудой департамента Мозеля делает ее руководящей страной европейского капитализма. Победа усилила веру в будущность свою у французской буржуазии. Но она не сняла с нее страха перед опасностью социальной революции и возрождения Германии. Русская революция и германская революция вызвали во французской буржуазии животный страх, что она может оказаться побежденной именно в тот день, когда получила в Версале рычаг для завоевания гегемонии в Европе. Выборы 1919 года прошли под знаком страха перед революцией. „Комитет объединения экономических интересов", организация всех капиталистических союзов во Франции, выбросил сотни миллионов на то, чтобы мобилизовать страх мужика и городского рантье перед коммуной в пользу капитализма. Клемансо облегчил победу национального блока, представляющего интересы тяжелой промышленности и банковских акул, при помощи выборного права, которое, называясь пропорциональным, является чудовищным извращением идей пропорциональности. Пропорциональное выборное право служит защите меньшинств. Во Франции под видом пропорционального права даются привилегии крупным партиям или блокам партий. Вся Франция разбита на ряд выборных округов, выбирающих от 3 до 14 депутатов. Список, получающий абсолютное большинство хотя в один голос, получает все мандаты округа. Ежели нет абсолютного большинства, тогда список сравнительного большинства и так в громадном выигрыше. Допустим, что департамент, в котором подано 120.000

голосов, выбирает 8 депутатов. Конкурируют 4 списка. Список *а* получил 59.000 голосов, список *б*—28.000, список *в*—20.000, список *г*—13.000. Тогда число отданных голосов делится на число депутатов. Это так-называемый коэффициент 120.000:8 равняется 15.000. Таким образом, список *а* получает сначала 3 мандата, список *б* и *в*—по одному мандату, список *г*—ни одного мандата. Оставшиеся 3 мандата причисляются к списку со сравнительным большинством, значит—к первому. Три последних списка, имеющие в совокупности больше голосов, чем первый, обобраны начисто,—имеют только два мандата. Объединение всех буржуазных партий при выборах 1919 года дало национальному блоку громадное большинство. Он оказался полным хозяином положения и приступил к работе под двумя лозунгами: Германия уплатит все, а революцию свернем в бараний рог.

Сначала дела шли великолепно. После военного истощения промышленность начала оживать, безработицы не было, сельское хозяйство начало подниматься. Мало того: Германию грабили, брали то, что плохо лежало. Все предостережения даже буржуазных экономистов, что капиталистическая страна не может брать дань от другой капиталистической страны без того, чтобы не вывозить эквивалентов, т.-е. что в больших размерах вообще дань невозможна, все нравоучения буржуазных экономистов, что Германия может платить дань только с превышения экспорта над импортом,—все это было гласом вопиющего в пустыне, ибо пока-что в первые годы после войны можно было грабить Германию, отнимать коров, паровозы, уголь, находящееся за границей имущество и т. д. По очень трезвым расчетам американца, профессора Мультона, автора лучшей книги по репарационному вопросу (What Germany can pay? New-York 1923), союзники награбили у Германии на 26 миллиардов золотых марок. Но в 1921 году, когда в Лондоне был принят план германских платежей в 132 миллиарда золотых марок и навязан при помощи ультиматума Германии, пришло время проверки. Чтобы уплатить первые взносы, германское правительство должно было закупать доллары и фунты. Выброшенные на денежные рынки громадные массы бумажной марки сначала нашли большой сбыт. Нашлись миллионы дураков во всех странах, которые считали, что, покупая за $^1/_{10}$ стоимости германскую марку, наживут на ней, когда она поднимется, миллионы. Но само собой понятно, что скоро марка начала бешено падать. Германия должна была попросить моратория, а господин Бриан, которому нельзя отказать в остроумии, держа за узду рысака победы, заявил с юмором обреченного на повешение: прекрасный рысак, но дохлый. Господин Бриан умеет делать выводы из изменившегося положения. Он начал подумывать над тем, как бы подороже продать своего дохлого рысака. Если Германия могла торговать гнилой маркой, почему Франции не торговать дохлой победой? Господин Бриан предложил Англии и Америке, что он готов смириться и пожалеть Германию при двух условиях: 1) что пожалеют и его, что Франция

будет Англией и Америкой освобождена от долга, который вырос до $6^1/_2$ миллиардов долл.; 2) он требовал, чтобы Англия заключила с Францией договор, гарантирующий границы Франции. Как известно, такой договор предвиделся в Версале взамен отказа Франции от рейнской границы. Но Америка отказалась от ратификации этого договора, после чего и Ллойд-Джордж оглох на оба уха. В момент торгов господин Бриан получил от национального блока пинок. Его сменил господин Пуанкаре, этот отчаянный герой поневоле, герой из дрожащего страха. Франция ударила бронированным кулаком по столу Европы, схватилась за Версальский договор и закричала: это мое право.

Что представлял собой Пуанкаре? Пуанкаре рисуется в глазах современников как железный человек, представляющий интересы магнатов железа и стали. Но история будет более снисходительна к господину Пуанкаре. Господин Пуанкаре—эльзасец, полный ненависти к Германии и полный страха перед ней. Французский долг равнялся в 1914 году 30 миллиардам франков. В 1924 году он равен 367 миллиардам франков, не считая иностранного долга, стоимость которого во франках определяется в 200 миллиардов. В то время Германия освободилась, благодаря падению марки, от своего внутреннего долга. Если ее не ограбить, то, ведь, она скоро будет сильнее, свободнее в экономическом смысле, чем Франция. Население Германии не только больше на 15 миллионов, но и, по старой германской привычке, более способно увеличиваться, чем французское. Германию обезоружили. По ней шныряют сотни контрольных комиссий, ищущих оружия, но господин Пуанкаре—того же мнения, что один остроумный критик книги генерала Бернгарди об уроках войны, который сказал, что уроки войны пишутся всегда на основе последней войны, а когда приходит новая война, то оказывается, что за это время условия настолько изменились, что, во-первых, дело выходит иначе, а во-вторых, хуже, чем думали. Если Германия будет развивать свою промышленность, то она этим создает, как добавочный продукт своего экономического развития, громадную военную способность, она накопляет дисциплинированные массы фабричных рабочих, этот основной базис в современной войне, она развивает химическую промышленность, дающую все основы для военной химии, она получает средства для развития, хотя бы за границей, громадной авиации. В Германии революция еще не победила, гражданская война, поляризирующая общество, выдвигает в качестве правителей Германии впредь до победы пролетариата во главу нации старый господствующий класс юнкеров, главарей тяжелой промышленности, старое офицерство. Господин Пуанкаре видел глазами своей души возможность военного союза не только между победившей германской революцией и Советским Союзом, но даже и военного союза белой Германии с Советской Россией, ибо и по отношению к Советской России он имел громадный счет, ибо и против Советской России он вооружал ее соседей. Враг моего врага — мой друг, в борьбе берем в союзники не только

чорта, но и его бабушку. Господин Пуанкаре начал стонать от кошмара коалиции, который не давал когда-то спать Бисмарку, и он решил быть неумолимым. Но легче решить быть неумолимым, чем найти поприще для проявления этой неумолимости, т.-е. выход из положения. Господин Пуанкаре стал в фокусе всех противоречащих решений репарационного и вообще германского вопроса.

Главная масса избирателей во Франции—это мужик, который покупал государственную ренту, рантье, помещающий свое состояние в государственные бумаги. Для них пришли плохие времена. 5-процентная бумажная рента, купленная за 95 франков, в марте 1924 года имела стоимость 6,5 золотых франков. Пуанкаре предчувствовал эту опасность, он видел за собой хор массы избирателей, которые кричали: восстанови франк, дабы мы не потеряли на нашем доверии к правительству. Для нас не подлежит сомнению, что Пуанкаре по существу представлял то течение во Франции, которое добивалось от Германии денег. Но так как денег не получал, то надо было, по его мнению, нажать на Германию. На основе Версальского договора французские войска стали над Рейном. Перешагни Рейн, и перед тобой лежит Рурская область. Там находится уголь и металл, сокровища германской тяжелой промышленности. Стать твердой ногой в Рурском бассейне—это означает ни больше ни меньше, как схватить за горло германских капиталистов, властелинов германской демократии, Стиннесов, Круппов, Клекнеров, Рехлингов, и заставить их платить. Как, чем,—господин Пуанкаре не знал. Этого не знали и его эксперты по репарационному вопросу. Господин Седу вырабатывал каждые два месяца новый план германских платежей. Ни один из них не решал вопроса, как может Германия, которая балансировала перед войной свой ввоз и вывоз только благодаря тому, что имела 40 миллиардов золотых марок, вложенных в заграничные предприятия,—как она сможет платить требуемую от нее дань, после того, как потеряла вложенный за границей капитал, как увеличилась ее нужда в заграничном хлебе благодаря потере Западной Пруссии, и в заграничной руде благодаря потере Лотарингии, после того, как не только катастрофически пал ее вывоз, но как вообще уменьшилась емкость заграничного рынка. Это вовсе не касалось господина Пуанкаре. Немец выдумал обезьяну, пусть он выдумает и платежный план. Французские войска заняли Рур. Вокруг Пуанкаре началась бешеная борьба. Часть тяжелой промышленности толкала его в Рур с совершенно другими целями. Ей начхать на германские платежи, они ей прямо опасны. Целый ряд господ из тяжелой индустрии великолепно понимает, что Германия может платить только вывозом. Товары ее, брошенные во Францию, убьют французскую промышленность, брошенные на заграничные рынки—будут представлять там громадную конкуренцию для Франции. А Франция теперь—страна, которой вывоз нужен до-зареза. Она великая индустриальная страна, страна, которой нельзя развиваться без иностранных

рынков. Но господа тяжелой промышленности не только потому боятся германских платежей. Крупные германские платежи могут поднять франк. Это означает ухудшение условий экспорта. Инфляция манит, ибо она сулит громадные прибыли. Не денег германских нужно Франции, а нужен ей германский кокс. Его надо обеспечить сделкой с германскими промышленниками. Но как ни тянет брачное ложе, французские промышленники боятся силы и умелости германской тяжелой промышленности. Сделка при равных условиях могла бы дать перевес немецким акулам в стально-угольном тресте. Поэтому господа тяжелопромышленники хотели оставаться в Рурском бассейне так долго, пока под давлением французских штыков не будет заключен договор, дающий им перевес. Но и третья группа пыталась под флагом Пуанкаре определить направление его рурской политики. Это—группа военных, которые убеждены, что Франция не будет вне опасности, пока Германия не будет расчленена. Генерал Фош требовал рейнской границы уже в Версале. За чечевицу англо-американских обещаний, которые не были выполнены, Клемансо отказался от рейнской границы. Франция оккупировала Рейн только на 15 лет. А что будет дальше? Надо держаться за Рур, пока Германия не согласится на потерю рейнских провинций, надо поддерживать из Рура и из Рейна баварский сепаратизм, надо отдать полякам Восточную Пруссию: тогда Франция будет господствовать в Европе. Среди этих противоречивых тенденций стоял Пуанкаре, повторяя судорожно: дайте денег, тогда уйду. И пришел момент его великой победы: Германия потеряла второй раз войну. Она капитулировала перед Пуанкаре, и германские промышленники бежали вперегонки к генералу Дегуту, чтобы подписывать свои предательские договоры. Один из хороших знатоков кулис французской политики, господин Агенен, представитель репарационной комиссии в Берлине, вернувшись после капитуляции из Парижа, куда ездил к господину Пуанкаре с компромиссными предложениями Германии, разводил руками в кругу приятелей и заявлял: „Пуанкаре теперь—святой человек, к нему нельзя приближаться". Но судьба приблизилась. В январе 1924 года началось катастрофическое падение франка. 9 марта фунт стерлингов достиг 120 франков. Так подвела международная биржа итоги победы господина Пуанкаре.

Падение франка имеет очень сложные причины. Экономическое развитие Франции поднялось значительно за последние годы. Достаточно назвать несколько основных цифр. Продукция пшеницы, которая в 1913 году равнялась 86.919 милл. квинталов, которая в 1919 г. пала до 49.653 милл., выросла в 1923 году до 79.054 милл. квинталов. Продукция каменного угля, которая в 1913 году равнялась 40.051.000 тонн, а в 1919 году пала до 21.567.000, поднялась в 1923 г. до 37.714.395 тонн. Продукция железной руды, которая с 21.918.000 тонн в 1913 году пала до 9.430.000 в 1919 г., выросла в 1923 г. до 23.428.160 тонн. Потребление хлопка, которое с 268.000 тонн в 1913 г. пало до

201.000 в 1919 г., выросло до 234.000 тонн в 1923 г. Вывоз автомобилей, который с 258.000 центнеров в 1913 г. пал до 59.000 в 1919 г., вырос до 407.000 в 1923 г. Экспортный дефицит, который в 1919 г. равнялся около 24 миллиардов франков, упал в 1923 году до 2 миллиардов. Таким образом, экономический рост Франции за послевоенное время не подлежит ни малейшему сомнению,. но половина французского бюджета расходуется на оплату процентов по долгам, хотя Франция еще не приступила к уплате процентов по внешним долгам. Вторая половина уходит в преобладающей своей части на армию. Больше 100 миллиардов франков израсходовала Франция на восстановление северных областей, покрывая эти расходы внутренними займами, которые должна покрыть в будущем Германия. Но Германия—это понял теперь весь мир—не в состоянии будет платить даже десятой части ожидаемой дани. Поэтому пал франк. Пуанкаре очутился на краю пропасти. Он был принужден, несмотря на предстоящие выборы, увеличить на 20% подати. Он имел перед собой растущую дороговизну. В январе 1923 года индекс оптовой торговли равен был 418, в момент победы над Руром, в январе 1924 года, он равен был 505. Дороговизна начала расти. Пуанкаре пришлось обратиться за помощью к английским и американским банкам. Это означало глубочайшее его поражение. Когда Пуанкаре отказывался принять первый доклад экспертов, он заявил в своей речи, что он не позволит мировым банкирам решать интересы Франции. Поход его на Рур был не только походом против Германии, но и походом против Англии и Америки. Он захватывал производственные залоги, дабы иметь в своих руках инициативу не только в отношении Германии, но и в отношении Америки и Англии. Теперь он принужден был обратиться к ним с просьбой о помощи. И Морган, и Норман дали эту помощь от имени Уолстрита и Сити. Но они дали эту помощь на основе доверительного сообщения Франции, что она примет предложение экспертов, что значит—согласится на интернационализацию эксплоатации Германии и откажется от территориальных затей по отношению к ней. Хребет Пуанкаре был сломан. Выборы только добили его.

Эти выборы состоялись без всяких драматических сцен, можно сказать, при молчании избирателей, хотя 85% их приняли в них участие. Мужику, торговцу, маленькому рантье, рабочему надоела политика больших жестов, военных походов, военных союзов. Самое удивительное то, что внешняя политика Франции играла минимальную роль в выборной кампании. Настроение, при котором состоялись выборы, имело то последствие, что представители мелкой буржуазии, левые республиканцы, так-называемые радикальные социалисты (они так называются потому, что они не социалисты и не радикалы), которые в 1919 году пошли на блок с самыми реакционными партиями, которые не смели голосовать против рурской политики господина Пуанкаре, набрались мужества, пошли на соглашение с социал-демократами и свалили Пуанкаре. Выборный французский закон обернулся теперь про-

тив национального блока. Левые мелкобуржуазные партии совместно с социал-демократами, с которыми блокировались в 48 округах, отняли у Пуанкаре больше 100 мандатов. Национальный блок вернулся с 274 мандатами против 272 мандатов левого блока и 29 мандатов коммунистов. Поражение Пуанкаре не выражается с достаточной ясностью в этих цифрах, ибо самое важное не то, что он потерял 100 мандатов после своей рурской победы, а то, что партии, идущие за Пуанкаре, не смели выдвинуть старой боевой программы его. Они шли с разбитым хребтом.

Сдвиг налево выражается в усталости народных масс во Франции. Они перестали быть базой для политики авантюр, в чем главное значение выборов. Но кто думает, что эти выборы принесли какое бы то ни было решение, тот коренным образом ошибается.

Орган левого блока „Эвр" следующим образом формулировал его выборную платформу: 1) мы хотим мира, 2) мы хотим репараций, 3) мы хотим дешовых средств жизни, 4) мы хотим устойчивых денег, 5) мы хотим податной справедливости, 6) мы хотим господства демократии над спекулянтами, 7) мы хотим свободы совести, 8) мы хотим свободы профессиональных союзов, 9) мы хотим реставрации разрушенных областей, 10) мы хотим 8-часового рабочего дня и социального законодательства. Это очень хорошая программа, но левый блок похож здесь на барышню, которая заявляла, что она бы хотела еще раз быть в Ницце. А когда ее спросили: вы уже были в Ницце?—она ответила: я уже один раз хотела! Левый блок уже много раз хотел всех этих 10 хороших вещей и даже еще больше. Левый блок хочет мира, но первое, что сделал г. Эррио после своей победы, он начал уверять старых вассалов Франции, сторожевых псов Версальского мира, натравливаемых Пуанкаре то на Германию, то на Советскую Россию, что Франция остается их другом, как была. Это его заявление вызвало известное недоверие в Польше и Румынии, но мы думаем, что это недоверие не обосновано. Разжатие империалистской политики во Франции усилит, а не ослабит германский национализм, ибо Франция Эррио будет требовать от Германии если не столько, сколько Пуанкаре, то во всяком случае столько, чтобы сделать еще Германию своей колонией. Рост германского национализма поставит Францию перед вопросом: или полный отказ от политики грабежа, или же усиление германского национализма, усиление опасности для Версальского мира. Мы убеждены,—господин Эррио уже выбрал путь, отдавая военное министерство в руки генерала Нолле, человека, который опутал Германию сетью шпионских организаций, ненавистника Германии. Вивиани, Пенлеве вздыхали о мире и перед войной, но Франции от войны не удержали. Правительство Эррио хочет удешевления жизни. Это требует в первую очередь уменьшения податей. Но разве прави-

тельство Эррио пойдет на уменьшение военных вооружений, разве оно пойдет на уплату процентов по государственным долгам маленьким держателям за счет тяжелой промышленности, за счет банковских спекулянтов? Оно никогда на это не решится. Мелкобуржуазные радикалы любят очень много говорить о борьбе с плутократией, но нигде она не опутала так государство, как в стране мелкобуржуазной демократии, во Франции. О социальных реформах при таком бюджете даже не приходится говорить. Историческая роль победы левого блока во Франции состоит в том, что он ослабит базу французского империализма в массах, ослабит поневоле его систему международной связи и откроет путь для борьбы между складывающимся только французским фашизмом и рабочим классом.

С этой точки зрения громадное значение имеет результат выборов в рабочих массах. Нельзя установить точно соотношения сил между коммунистами и социал-демократами, ибо социал-демократы шли в 48 округах на совместных списках с мелкобуржуазной демократией. Но основные факты налицо. Во Франции десять миллионов рабочих промышленности, ремесла и деревни. Коммунисты получили только 900.000 голосов. Прочие голоса разделились между национальным и левым блоком. Большинство их отдано было левому блоку. В округах, где социал-демократы выступали самостоятельно, они получили 700.000 голосов. Мы назовем несколько очень показательных цифр. В Париже мы одержали блестящую победу: получили 300.000 голосов. Столица Франции подняла высоко знамя революции. На 1 миллион парижских рабочих 300.000 высказались за коммунистическую партию. Но как же выглядело в целом ряде неслыханно-важных для нас округов? В Северном департаменте мы получили 64.000 голосов, социал-демократы, идущие здесь самостоятельно,—161.000, в Паде-Кале, угольном районе, мы получили около 20.000 голосов, социал-демократы—84.000. В промышленном районе, на фабриках в Крезо, Монлюсоне, Шалоне, победа за социал-демократами. На оружейных заводах Шнейдера в Крезо национальный блок получил 3.200 голосов, социал-демократы—5.200, а мы—около 500. Во всем округе мы получили 6.400 голосов против 67.000 социал-демократов. Товарищ Трен правильно замечает, что рабочие массы отвергли политику Пуанкаре, которая была политикой империалистских внешних авантюр и политикой порабощения внутри страны. Но в большинстве своем рабочий класс еще полон реформистских иллюзий. Он воображает себе еще, что может всего достигнуть, благодаря добродетели левого блока, социал-демократов и Лиги Наций, на парламентском пути в пределах существующего общества. Во всей Франции профессиональные союзы насчитывают 700.000 членов. Если французской коммунистической партии не удастся скоро и энергично закрепиться в главных индустриальных районах, если ей

не удастся создать массовые пролетарские организации, то при предстоящих боях она не сумеет сыграть той роли, которую она должна сыграть, чтобы Франция не сделалась заново центром контр-революции, более умелой, более энергичной, чем та, которую олицетворял Пуанкаре.

И Франция, и Англия—это доказали выборы—находятся в процессе глубокого брожения. Контр-революционные силы в них очень ослабли, но силы революции только-что начинают организовываться. В Англии этот процесс еще не вышел из стадии самых предварительных шагов, во Франции он уже дальше подвинулся. Мы там уже имеем массовую партию—60.000 членов партии и 900.000 голосов; это во французском масштабе уже большая организованная сила; эта партия возмужала за последние годы и месяцы умственно, политически и идейно, но она есть еще партия десяти процентов пролетариата. Она не имеет массовых организаций в качестве базы. А ждут ее громаднейшие задачи.

2. Фашистский вал против пролетариата.

Победа фашизма в Италии летом 1922 года представляет собой то новое в буржуазной политике, что дало послевоенное время. Белый террор не представляет ничего нового. Он следовал по стопам всякой побежденной революции, всякой победоносной контр-революции. Новым не является тоже факт, что после победы победивший класс накладывает все тяжести на класс побежденный. Так как господствующим классом в капиталистическом мире является буржуазия, то победа ее должна выразиться в попытке укрепления основ буржуазного строя за счет рабочего класса. Так как в современных капиталистических государствах перевес имеет тяжелая промышленность, то неудивительно, что ее интересы являются господствующими при победе контр-революции. Тов. Гвидо Аквила в своей великолепной брошюре о фашизме совершенно правильно указал на то, что фашизм ликвидирует преобладание в итальянской буржуазной политике помещиков, что он является первым правительством промышленной буржуазии. Но если это представляет новое явление с точки зрения развития Италии, то не эта черта является специфически новой в фашизме с точки зрения международной. Специфически новым в фашизме является то, что победа крупной буржуазии, победа интересов тяжелой промышленности происходит при помощи широких мелкобуржуазных масс, против интересов которых она направлена. Формы, в которых мелкая буржуазия помогает крупному капиталу набросить себе на шею петлю, будут различны в различных странах, как мы это увидим, когда перейдем к положению в Германии. Но сущность вопроса в том, что крупный капитал укрепляет свою власть руками мелкой буржуазии. В чем причины этого явления? Революция и контр-рево-

люция во всякую историческую эпоху связаны той же самой почвой исторического процесса, составляющего содержание данной исторической полосы. Современный консерватизм начинается книгой Эдмунда Бёрка, направленной против французской революции. Бёрк мобилизует английское общественное мнение Англии конца XVIII века против французской революции. Но критический анализ содержания его знаменитой книги показывает, что целый ряд основных элементов революционного переворота уже ассимилирован Бёрком. Так же обстоит дело с фашизмом. Он отрицает буржуазную формальную демократию, которая в Италии обанкротилась, которая привела не только к полной парламентской коррупции, но и к полному бессилию буржуазного государства перед лицом широчайшего революционного движения рабочего класса, посягающего на власть. Он провозглашает диктатуру контр-революционного меньшинства, возглавленного вождем не божьей милостью, а вождем—гением контр-революции. Он прокламирует, что фашистская диктатура подчинит все классовые интересы интересам возрождения нации. Но процесс капиталистического распада вызвал к жизни громадное движение народных масс. Не только рабочий класс поднялся, но поднялся и разоренный войной мужик, расшевелилась многообразная масса лавочников, ремесленников, учителей, резервного офицерства. Всех их разбудил гром войны. Все они страдают от ее последствий. Все думают над тем, что будет дальше. И нет такого волшебного жезла контр-революции, который мог бы приказать этим массам вернуться в состояние исторического небытия. Фашизм базируется на этом разнообразном народном движении, он пытается сделать это движение средством спасения капитализма. В продолжение многих лет рабочие демонстрировали против капиталистического общества, бастовали, сражались с полицией, летом 1920 года чуть не захватили власти. Благодаря своей слабости они не завершили победы. Капитал начал наступать, на рабочих сыплются преследования, среди них вспыхивает паника, начинается разложение. Фашизм говорит рабочему классу: ты шел неверным путем, отдайся моему руководству, ты не будешь больше бастовать, будешь работать, но я заставлю капитал считаться с твоими интересами, я делаю тебя соучастником нового коллективного творчества. Он апеллирует к его отвращению к демократическо-парламентской болтовне, обещая ему создание сильной, энергичной власти. Он находит источники даже национальных чувств у итальянского пролетариата. Миллионы итальянских рабочих нужда заставляет эмигрировать. Они являются навозом капитализма во Франции, в Северной и Южной Америке, в Северной Африке. Италия должна быть сильна, чтоб позаботиться о них. И фашизм создает свои профсоюзы, в которые вгоняет позже, при помощи нажима капиталистов, тех рабочих, которые добровольно не поддались его соблазну. Мужик боится коммуны, страдает от податей, от бюрократии; фашизм говорит ему: я создам сильную власть, которая будет охранять твои поля

от рабочего, ворующего твою картошку, я удалю бюрократический нарост, образовавшийся на теле государства, ты не будешь стоять часами перед окошком в податном учреждении, где ленивый чиновник чешет себе затылок. Я устраню господство парламентских клик, выращивающее бездельников-бюрократов из-за кумовства. Государство откажется от управления железными дорогами, почтой, амуниционными заводами, которые капиталист из-за прибылей дешевле сорганизует. Государство будет дешевое. С войны вернулся учитель, аптекарь. Он был маленький человек в городишке: крутил пилюли, обучал детей грамоте, в воскресенье читал газету. На войне он командовал. Чем больше выбывало кадровое офицерство, тем больше росло его значение. К нему держали речи министры, он учил других геройству. Вернулся с войны и должен сосать лапу в своем захолустье. Долой дармоедов, придворных офицеров! Долой бюрократическую знать с громадными окладами! Герой войны спасет отечество!—Так звал его фашизм под свои знамена. И фашизм рос в силе. Когда опасность рабочего переворота оказалась реальной, крупный капитал, не доверяя разбитой государственной машине, трещащим по швам старым буржуазным партиям, обратился за помощью к фашизму. Фашизм получил деньги на агитацию, оружие для черноблузников, грузовики для их переброски. Фашизм сделался силой. Опираясь на массовое движение мелкой буржуазии, не встречая достаточного отпора в рабочем классе, он объявил себя претендентом на власть. Старая власть подумала на момент о сопротивлении, но войска ее были разложены фашизмом. Организации капиталистов требовали от короля примирения с фашизмом, сдачи ему власти. Король призвал Муссолини, в громадном смотре своих сил в Неаполе показавшего, что взять власть он сможет. Фашизм стал у власти. В выборах в мае месяце он дал отчет за полтора года своего хозяйничанья. Мы не собираемся писать отчет о деятельности фашистского правительства за минувшие годы. Его найдет читатель в обозрении, написанном для V съезда Коминтерна тов. Гвидо Аквила. Мы остановимся только на нескольких решающих пунктах, чтоб показать, как выглядит на деле финансовая и экономическая политика фашизма. Сотрудник „Манчестер Гардиан“ устроил анкету среди выдающихся представителей итальянской буржуазии. В этой анкете заявляет сенатор Конти, председатель объединения итальянских акционерных обществ: „Финансовая и экономическая политика фашистского правительства — это именно та политика, которой в продолжение многих лет добивались итальянские фабриканты и деловые люди перед приходом к власти фашизма. Вы можете это проверить на основе речей, которые держали в сенате и парламенте я и другие представители делового мира. По существу это—возвращение к здоровой либеральной политике Кавура, который создал современную Италию. Политический метод фашизма может быть суровым и неконституционным, но положение страны было таково, что требовало самых энергичных мер. Я повторяю: фашист-

ское правительство является с экономической точки зрения либеральным правительством, и оно проводит политику, которой всегда добивалась либеральная партия, но которую не в состоянии была проводить в жизнь". Это последнее замечание указывает на то, что в предвоенной Италии промышленная буржуазия не была в состоянии проводить свою экономическую политику в чистом виде, ибо правительство находилось в руках помещиков. Фашизм, по свидетельству сенатора Конти, является, таким образом, в глазах промышленной буржуазии завершением ее господства. А как смотрят на его господство представители других классов? Центральный орган, примыкающий к католической партии „Пополяри", партии, которая теперь, после ухода католической крупной буржуазии к фашизму, является партией исключительно мелкобуржуазной, „Il Domani d'Italia", в № от 11 ноября 1923 г. следующим образом подводит итоги фашистского режима:

„Перед захватом власти фашизмом говорили, что источником хозяйственных затруднений мелкой буржуазии является высокая заработная плата рабочих, поэтому перешли мелкобуржуазные элементы в массах на сторону фашизма. Но теперь заработная плата понижена до минимума, рабочее время очень продлено, рабочие семьи еле-еле имеют самое необходимое для жизни. Но положение мелкой буржуазии не улучшилось ни на гран. Одновременно с тем, как пролетариат катится к голоду и мелкая буржуазия впадает в растущую нищету, выигрывает крупный капитал и крупный помещик".

Партия „Пополяри" помогла, под руководством католической буржуазии, Муссолини взять власть, не запретив своим членам принять участие в его первом правительстве. Ватикан, организатор этой партии, связал ее по рукам и ногам в ее борьбе с фашизмом, получая взамен от Муссолини клерикализацию школ. Масса членов партии „Пополяри" — это мелкая буржуазия, которая теперь начинает понимать, что фашизм обманул ее надежды, что он представляет интересы крупной буржуазии, что он выдает крупной буржуазии с головой мелкую. Но какое же настроение среди самих фашистских масс? Мы не знаем мнения фашистских рабочих. Но для оценки начинающегося банкротства фашизма вполне достаточно послушать мнение вождей фашистских профсоюзов. Оно, наверно, отстает от радикализма настроения фашистских рабочих. Секретарь фашистских профсоюзов Туринской провинции пишет в апреле 1924 года: „Промышленники говорят о сотрудничестве классов только для того, чтобы обмануть рабочих. С ними надо говорить языком силы и энергии. Они ведут классовую борьбу против рабочих, рабочие будут защищаться. Нельзя толковать сотрудничество классов, как это делают промышленники, как сотрудничество господ и рабов,—мы за сотрудничество равных с равными". Месяцем позже, объясняя, почему рабочие севера Италии не голосовали за фашистов, тот же самый фашистский профессионалист говорит представителю фашистской газеты „Nuovo Paese": „Рабочие и служащие симпатизируют фашист-

ским профсоюзам, но они ожидают от них дел,—не слов. Когда они видят, с какой решительностью предприниматели ведут свое наступление против рабочих и служащих, безразлично, идет ли дело о рабочих—социалистах или фашистах, когда они видят, что уничтожаются их материальные и моральные завоевания, то они дезориентируются. Когда они видят, что не только фашистские профсоюзы, не только вмешательство правительства, но даже вмешательство самого Муссолини не в состоянии удерживать предпринимателей от их безудержного антирабочего курса, то они сомневаются в возможности классового сотрудничества, и если не возвращаются к красным, то, во всяком случае, уходят от фашизма и ждут лучших времен. Массы идут с более сильными. Они пришли к нам, когда думали, что мы сильны, но когда они увидели, что союз фабрикантов сильнее нас и хочет нас задушить, то они уходят от нас".

Эти несколько цитат указывают ярко на направление развития фашизма, на пружины его развала. Фашизм ухудшил по всей линии положение рабочих, крестьян и мелкой буржуазии. Он выдает в руки крупной буржуазии железные дороги, почту. Но это никоим образом не означает уменьшения податей, а, наоборот, увеличивает эксплоатацию масс. Он не устранил старой бюрократии, но прибавил к ней массу жадных до наживы фашистских спекулянтов, которые злоупотребляют властью для личных целей. Результатом этого является начало развала фашистского режима. Этого развала Муссолини не может задержать террором. Он его не мог прикрыть при помощи избирательного права, которое даст партии, получившей при выборах 25% голосов, 75% парламентских мест. Состоявшиеся 6-го апреля выборы дали очень интересную картину положения, если их сравнить с выборами 1921 года. Фашистско-либеральный блок получил в 1921 г. 3.500.000 голосов, теперь, после трех лет бешеного террора, массовых убийств коммунистов и социалистов, число голосов, поданных за список фашистского блока, равно 4.200.000. Это больше, чем ожидал Муссолини. Это — 65% поданных голосов (Италия насчитывает 12 милл. избирателей, голосовало $7^1/_2$ милл.). Самое интересное—это распределение фашистских голосов. Фашистский список получил большинство голосов в деревнях и маленьких городках Средней и Южной Италии, где население не могло противостоять напору и нажиму фашистской администрации. Это великолепно показывает ряд цифр, подобранных тов. Террачини из выборной статистики. Так, напр., в Тиволи поданы были за фашистов все 2.100 голосов, вообще поданных, хотя в той же местности в 1921 году большинство получили социалисты. В городке Лястра а Сагно подано было 2.653 голоса, из них за фашистский список 2.646 голосов. В Лоретто а Прутино подано 96%, и все за фашистов. В Каппаро подано 5.417 гол.; из этого за фашистов—5.397 и т. д., и т. д. Другой оборот приняло дело в городских и промышленных центрах. В Пьемонте и провинции Ломбардия-Венетто фашисты оказались в меньшинстве. В Лигу-

рии фашисты получили 102.000 голосов, а оппозиция—100.000. Пройдем поочереди главные промышленные центры: в Милане—фашисты 61.831, оппозиция 96.824 гол.; в Турине—фашисты 28.934, оппозиция 50.174 г.; в Венеции—фашисты 35.446, оппозиция 43.500 и т. д., и т. д. Промышленные центры Италии голосовали против фашистов. Из каких элементов состоит оппозиция? Партия „Популяри": число ее голосов упало с 1921 к 1924 г. с 1.300.000 до 645.000, благодаря предательству Ватикана и отходу католической буржуазии к фашистам. Социал-демократы получили в 1921 г., перед своим расколом, 1.632.000 гол.; в 1924 г., разбитые на две партии, они получили 790.000, при чем открыто-реформистская партия Туратти получила 408.000 гол. Значительная часть ее избирателей принадлежит к мелкой буржуазии. Но и итал. соц. партия, партия центра, оказалась еще, вопреки ожиданию, значительной величиной. Самым неожиданным был исход выборов по отношению к коммунистам. Несмотря на полную нелегальность нашей партии, несмотря на громадные ошибки, совершонные партией, несмотря на отсутствие в ней твердого руководства, она получила больше 300.000 голосов, т.-е. не только удержала, но даже увеличила рабочие кадры итальянского коммунизма. В 1921 году партия находилась везде в меньшинстве по отношению к социалистам, в этом году она получила перевес против социалистов в Пьемонте, Лигурии, Тоскане, Венеции-Джулия и округе Публио.

Что говорят нам итальянские выборы? Они говорят, что фашизм держится, в первую очередь, террором, направленным против деревни и мелких городов, что во всех промышленных центрах он теряет почву не только среди рабочего класса, но и среди мелкой буржуазии, что народные массы понимают его неспособность к решению задач, стоящих перед Италией. События, разыгрывающиеся в Италии в момент, когда мы пишем эти слова, в связи с убийством социалист. депутата Маттеоти, уяснили только разложение фашизма и растущее против него возмущение народных масс. Одновременно выборы показали силы, направленные против фашизма. Это—силы рабочего класса, мелкой буржуазии города и деревни. Если где, то в Италии положение требует властно энергичного, систематического применения единого фронта в рабочем классе и тактики союза с мелкой буржуазией города и деревни против крупного капитала, идущего под знаменем фашизма. От того, сумеет ли наша партия применить эту тактику с размахом, с энергией, зависит, кончится ли кризис фашизма возвращением Италии к режиму буржуазно-якобы-демократическому, или пойдет она вперед по пути пролетарской диктатуры.

* * *

Если в Италии уже начался процесс распада фашизма, то в Германии еще не завершился процесс его консолидации. Ни одна страна Европы, кроме России, не пережила таких социальных перегруппировок, как послевоенная Германия. Перед войной в Германии господствовала крупная буржуазия руками поме-

щичьего класса. Германские помещики, в свою очередь, представляли, несмотря на свою первобытную грубость, очень современный капиталистический слой. Специальная их роль в политическом строе Германии была результатом того, что, благодаря особенностям германской истории, они имели все навыки, необходимые для держания в ежовых рукавицах народных масс в то время, когда буржуазия в Германии непосредственно никогда не господствовала. В экономическом смысле помещики опирались на два фактора: на покровительственную политику государства, обеспечивающую юнкерам высокие цены на хлеб, и на приток дешовой рабочей силы с востока, в первую очередь из Польши и Украины. Революция 1918 года подорвала все позиции юнкеров. Пошлины на хлеб отпали; наоборот, для борьбы с революцией правительство было принуждено расходовать громадные суммы на удержание цен хлеба ниже уровня мировых цен. Не только кончился приток иностранных сельскохозяйственных рабочих, что само по себе уже передвинуло соотношение сил на рабочем рынке в пользу германских сельскохозяйственных рабочих, но сами сельскохозяйственные рабочие, охваченные революцией, перешли в наступление на юнкеров. Из позиций своих в администрации юнкера в значительной мере вытеснены ноябрьской революцией. В промышленной, финансовой и торговой буржуазии война вызвала целый ряд крупнейших перегруппировок. Перед войной намечалось подчинение промышленного капитала финансовому, банки сделались господствующим элементом хозяйства. Три Д. банка (Дейтше Банк, Дрезднер Банк и Дисконто Гезельшафт) чуть ли не сделались хозяевами германской промышленности. Во время войны с ее громадными потребностями в металле разбухла тяжелая промышленность за счет государства в таких громадных размерах, что не только старые руководящие промышленные концерны освободились от преобладающего влияния банков, но возникли новые гигантские концерны, как Стиннесовский и Вольфовский, которые сами начали закупать себе банки. В то время как в руках банков очутились бумажки, подлежащие обесценению, в руках концернов оказались растущие реальные ценности. Версальский договор, который отнял у Германии Эльзас-Лотарингию, торговый флот, принудил одновременно германское правительство уплатить возмещение своим капиталистам. Одновременно они были принуждены продать целый ряд крупных предприятий, находящихся за линией аннексий и оккупаций, и получили таким образом в свои руки громадные средства, которые позволили им расширить свои промышленные владения в Германии, модернизировать их технически, реорганизовать, построить новый торговый флот. На Германию пала тяжесть версальской дани. Дабы только приступить к ее уплате, надо было решиться на финансовую реформу, которая на место частных трестов поставила бы государственные тресты и отдала бы в руки государства, на его платежные нужды, половину прибыли. Короли промышленности саботировали эту финансовую реформу. Тогда осталась как выход

только инфляция. Даже неслыханное обременение рабочих и мелкой буржуазии рядом прямых и косвенных податей играло чистоподсобную роль по сравнению с инфляционной податью. Беспрерывное падение ценности денег означало не только экспроприацию находящихся в руках мелкой буржуазии денежных запасов, внутренних германских займов, но и экспроприацию реальных ценностей, находящихся в руках мелкой буржуазии. Как бы ни повышала мелкая буржуазия цены продаваемых ею товаров, она была принуждена покупать их, если хотела дальше заниматься торговлей, ремеслом и т. д., по еще высшим ценам. Мелкая буржуазия в Германии, в самом широком смысле этого слова, подвергалась экспроприации в пользу крупного промышленного и спекулятивного капитала. Экспроприированы были мелкая торговая и промышленная буржуазия. Крестьянство, которое нажилось за счет города во время войны и первых лет революции, не только потеряло накопленные бумажки во время инфляции, но попало с началом 1923 года, благодаря росту цен на промышленные изделия, в тяжелейший кризис. Интеллигенция, чиновничий мир, все, что зависело от заработка,—все эти элементы попали в неслыханное бедствие, были культурно отброшены. Эти экономические процессы создали, совместно с опасностями полного национального порабощения Германии, основы германского фашизма.

В 1919 году для борьбы против пролетарской революции буржуазии удалось мобилизовать только студенчество. Капповский путч в 1920 г. повис в воздухе благодаря отсутствию поддержки мелкой буржуазии. Для этого состояния очень характерны цифры исхода выборов в учредительное собрание. На этих выборах обе социал-демократические партии получили около 14 миллионов голосов. Католический центр и демократическая партия получили 11 миллионов голосов. Если сосчитать голоса помещичьей партии и партии крупной промышленности (т.-е. немецко-национальной и немецко-народной партии), то они получили не больше $4^1/_2$ милл. голосов. Если сосчитать голоса соц.-демократии, центра и демократов, то можно сказать, что при выборах в учредилку 25 милл. рабочих и мелких буржуа высказались за политику демократии, за политику далеко идущих социальных реформ, против режима старых господствующих классов. Уже выборы в рейхстаг в 1920 г. дают значительный сдвиг направо. Обе соц.-демократические партии получают только 11 милл. голосов, центр и демократы—6 милл. голосов, т.-е. совместно 17 милл. голосов вместо 25 милл. Партии юнкеров, крупной промышленности плюс менее контр-революционные партии, как баварская народная партия, получили больше 10 милл. голосов. Сдвиг направо несомненный. Но полным ходом он пошел с момента бешеного роста инфляции.

Ошалевшие от крушения всех своих демократических и пацифистских иллюзий мелкобуржуазные массы города и деревни начали искать спасения от гибели. Кто виновник? Во-первых, Антанта с Францией во главе. Пацифизм уступает место дикому национализму, мечте о реванше. Но есть и внутренние враги. Это

евреи. Они не занимаются честным трудом, а спекулируют на бирже, зарабатывают на падении марки, вырывают все национальное богатство из рук трудолюбивого мелкого буржуа. Почему рейхстаг бессилен против них? Потому, что социал-демократы им помогают, а соц.-демократов создал еврей Маркс. „Марксисты" кричат против господства капитала, но за кулисами обделывают свои дела с еврейскими королями биржи. Эти короли держат в своих руках и демократическую партию. Разве ее вождь, главный вдохновитель политики выполнения обязательств по отношению к Антанте, Ратенау, не еврей? Разве он не написал черным по белому, что 300 человек, находящихся в родственной связи, руководят мировым хозяйством? А отец Веймарской конституции Прейс,—разве он не еврей? „Марксисты", евреи и католический центр губят страну. Почему это делает католический центр, что он имеет общего с евреями? Рим—исконный враг протестантской Германии, он хочет расчленить ее, создать из Австрии и Баварии новое католическое государство на юге, он хочет усилить католическую Польшу за счет протестантской Пруссии. Интересы Рима совпадают с интересами Парижа, потому центр идет с лакеями Антанты. Долой рейхстаг! Долой демократию! Да здравствует национальная диктатура!

Так создалась струя германского фашизма. Это был именно фашизм, ибо германская контр-революция пыталась опереться на мощную волну потока мелкой буржуазии, двигающегося направо. Кормили этот фашизм в первую очередь не помещики, а короли тяжелой промышленности. Значительная часть денег шла от Стиннеса через его директора Фоглера. И когда южно-германские фашисты подготовляли государственный переворот, то одним из трех двигавших ими диктаторов являлся Мину, б. фельдфебель кайзерской армии, которого директор Круппа Витфельд выдвинул из писарей городской управы в директора газовых предприятий гор. Эссена, и которого, перехватив, Стиннес поставил во главе своего финансового правления.

Германский фашизм должен был уничтожить остатки буржуазной демократии в Германии, отдать управление государством в руки представителей военщины и тяжелой промышленности для того, чтоб, сломив сопротивление рабочего класса, принудить его работать столько, сколько сможет вывозить товаров германская промышленность, покончить с умирающей уже инфляцией (доллар стоил уже 10 миллиардов) и найти ряд финансовых мер, позволяющих задержать Германию над краем пропасти. Эти меры состояли, в первую очередь, в продаже железных дорог представителям тяжелой промышленности, которые смогли бы сократить наполовину железнодорожных рабочих, уничтожить жел.-дорожный дефицит. Эти меры должны свестись к уничтожению 8-часового рабочего дня, уменьшению заработной платы, дабы путем удешевления производства не только открыть новые источники податной силы государства, но одновременно сделать возможным увеличение экспорта. Фашистская диктатура должна была собрать в один кулак силу Германии и, демонстрируя ее, заставить

Антанту итти на уступки. Это были цели крупно-капиталистических руководителей фашизма. Мелкобуржуазные массы, идущие за ними, прельщались другими надеждами. Они надеялись, что фашистская диктатура будет охранять труд мужика и ремесленника, охранять их от новой финансовой кабалы (Zinsknechtschaft), будет поддерживать мелкобуржуазные кооперативы, создаст новое государство труда. Это расхождение целей нашло свое выражение в двух особых штабах фашизма. Один из них состоял из представителей помещиков и тяжелой промышленности, из главарей немецко-национальной и немецко-народной партий. Другой—из Гитлера, Людендорфа и Греефе. Один опирался на организации прусского офицерства и унтер-офицерства—на „Стальной Шлем", другой—на военные организации национально-социальной партии. Но это разделение не исчерпывало разногласия в лагере фашистов. Вне нелегальных организаций фашизма стоял рейхсвер,—главная вооруженная сила германской контр-революции. Не подлежит ни малейшему сомнению, что генерал Сект и стоящие за ним капиталистические круги вполне разделяют всю социальную программу фашизма. Но Сект великолепно понимал: во-первых, международное положение не позволяет в данный момент итти на монархический переворот в Германии, ибо восстановление монархии означает для Запада, в первую очередь для Франции, победу политики реванша; во-вторых, фашизму тем легче удастся провести свою программу, чем легальнее он проведет переворот; в-третьих, разгром рабочего движения должен явиться предпосылкой, а не последствием победы фашизма; в-четвертых, только оттягивая решение вопроса о монархии, можно избегнуть борьбы между претендентами на престол, между Гогенцоллернами и Виттельсбахами, которая, разгоревшись, поставила бы под знак вопроса самую победу фашизма. Стратегия ген. Секта выражает то, что отличает германский фашизм от итальянского, она учитывала все затруднения, стоящие на пути германского фашизма и вытекающие из внутреннего и международного положения Германии.

Отрицая парламентский выход из кризиса, фашизм выдвинул лозунг переворота. Он надеялся, что государственная власть, представляющая партии средней буржуазии, капитулирует перед ним, как капитулировал перед Муссолини итальянский король и итальянская буржуазия. Фашизм не ошибся: германская буржуазия капитулировала; но она имела выбор между фракциями фашизма. Она́ имела выбор между претендентами в Муссолини. Она капитулировала не перед тайными фашистскими организациями, находящимися в беспрерывной драке друг с другом, а перед рейхсвером и генералом Сектом, дающим гарантии, что фашистская политика будет проведена с учетом международного и внутреннего положения. Генерал Сект не меньше националист, чем генерал Людендо́рф, но, зная военную слабость Германии, имея перед собой картину развала Антанты, генерал Сект не выдвигал лозунга разрыва Версальского мира. Он умел ждать. Генерал Сект — враг демократии не меньше Людендорфа и Гит-

лера, но человек холодного расчета. Сект не считал необходимым ломиться в открытые двери и вырывать власть, которую ему Эберт и Штреземан добровольно отдавали. Генерал Сект — враг социал-демократии, не потому, что боится ее социализма, который давно улетучился, а потому, что может вычистить из государственной администрации социал-демократов, в которых видит так же самых ненадежных слуг контр-революции, как они были ненадежными слугами революции. Но Сект ничего больше не боится, как единого фронта пролетариата, и, поскольку можно, он хотел разрушить социал-демократию по частям. Нападение на красную Саксонию при поддержке социал-демократических министров в центре открывало надежды на такое разложение социал-демократии вообще, что вторая операция — устранение из прусского правительства и прусской администрации — обещала быть безболезненной.

Переход власти к Секту и его отказ объединиться и с северными, и с южными нелегальными фашистскими организациями привел к банкротству их попыток захвата власти. На севере дело кончилось хуже, вспышкой в Кюстрине, на юге — столкновением Гитлеровской организации с рейхсвером и ее крупным поражением. Единственная ошибка в расчете Секта состояла в том, что ему не удалось разгромить рабочее движение в открытом бою, благодаря тому, что коммунистическая партия, видя раскол единого рабочего фронта с социал-демократами и несравнимое превосходство вооруженной силы противника, уклонилась от боя. Отсутствие открытой победы над рабочим классом и его развала, который был бы неминуемым последствием военного разгрома, наличие живой силы противника, хотя и находящегося в отступлении и отчасти деморализованного отступлением без боя, не позволили генералу Секту, несмотря на полноту власти, находящейся формально в его руках, провести рядом обще-государственных актов программу фашизма. Фашизм был принужден отнимать у рабочих 8-часовой день, понижать заработную плату путем частичных боев, но он создал при помощи введения рентной марки базу для фашистской финансовой реформы, сваливающей все тяготы на рабочий класс. Предложение экспертов, дающее переходную передышку Германии, одновременно создает условия для полного осуществления фашистской программы.

Выборы, состоявшиеся после этих не разыгранных до конца классовых боев, дали следующую картину: рабочий лагерь, который при выборах в учредилку получил 14 милл. голосов (социал-демократы большинства и независимые), который при выборах в 1920 г. получил $11^1/_2$ милл. голосов (из них полмиллиона—коммунисты), получил при выборах 4 мая 1924 г. $9^1/_2$ милл. голосов (5.973.770—социал-демократы и 3.712.001—коммунисты). Лагерь буржуазии, стоящий формально на платформе существующей конституции (центр, немецко-народная партия), получил 8 милл. голосов; партии фашизма, т.-е. немецко-национальная партия, баварско-народная партия, немецко-социальная партия и нацио-

нально-социалистическая партия, получили 9 милл. голосов. Но если смотреть на разделение сил не с точки зрения формальной, а с точки зрения фактической, с точки зрения политики партии, то лагерь революции, лагерь рабочего класса, насчитывает около 4 милл. приверженцев, лагерь мелкобуржуазной демократии — $11^1/_2$ милл., лагерь же фашистов, к которому надо добавить немецкую народную партию, насчитывает тоже $11^1/_2$ милл. Если бы политика состояла в подсчете голосов, то можно было бы об этих выборах сказать, что они представляют собой неразрывную партию, но ни центр, ни демократы, ни социал-демократия не представляют собой плотину против фашизма. Они это доказали в октябре месяце, когда сдали власть генералу Секту. Социальная борьба между ними и фашизмом будет итти только об известных облегчениях для перерабатывающей промышленности и мелкой буржуазии, но простой факт, что рамки этой борьбы создает доклад экспертов, который руководители фашистов отклоняют на словах, но через который на деле перепрыгнуть не могут, показывает безвыходность положения мелкой буржуазии. Понимание этой безысходности только усилится, если принять во внимание два факта: мелкобуржуазные партии центра, демократов и социал-демократии не в состоянии заключить блок против фашизма с революционной частью рабочего класса. В Германии, даже на переходное время, неправдоподобна такая комбинация сил, которая создалась во время наступления Корнилова в России, когда победа Корнилова угрожала существованию Советов, и поэтому на момент сомкнулся мелкобуржуазный и пролетарский фронт; мелкобуржуазная же демократия в Германии настолько выхолостила все свое содержание, в такой мере предала формы даже буржуазной демократии, так бесстыдно ликвидировала все завоевания рабочего класса, что нет никакой почвы для совместной борьбы мелкобуржуазной демократии и рабочего класса. Существо положения в октябре состояло именно в том, что невозможна уже была защита мелкобуржуазной демократии, которая, понятно, представляет собою более удобную почву для борьбы за власть, чем фашистский режим, но недостаточно еще было сил революционного пролетариата для борьбы за диктатуру пролетариата. Второй факт, представляющий собой маховик германского фашизма,— это экономическое положение Германии. Проф. Мультон оценивает стоимость того, что Германия должна ввозить для прокормления своего населения и для работы своих фабрик, в 14 миллиардов золотых марок. Так как Германия потеряла доходы от инвестированного за границей капитала, то она должна для покрытия этого ввоза вывозить товаров по крайней мере на 14 миллиардов зол. марок. Но германский вывоз в лучшее время инфляции, т.-е. когда германская промышленность могла конкурировать демпингом, дешевизной своих товаров, не равнялся даже половине этой суммы. Мы не говорим ничего уже о суммах, которые нужны для уплаты дани союзникам, предписанной докладом

экспертов. Германия перед войной, когда мировой рынок был на $^1/_4$ больше, вывозила только на 10 миллиардов золотых марок. Это положение является безысходным, если в ближайшее время не начнется громадный экономический подъем, для которого теперь не видно никаких предпосылок. Но, даже при существовании громадного экономического подъема, фашизм может взяться за решение этой задачи, отбросив германский пролетариат в положение китайских кули. Уже сегодня германские рабочие зарабатывают в лучшем случае половину довоенной заработной платы. Таким образом ясно, что бои на жизнь и смерть предстоят только впереди.

Это требует внимательнейшего отношения к той картине соотношения сил в рабочем классе, которую рисуют выборы. Обе рабочие партии, социал-демократия и коммунисты, получили на выборах 9.727.943 голоса. Буржуазные партии получили 19.529.173 (при предыдущих исчислениях мы нарочно не указали ряд мелких буржуазных партий). Промышленный пролетариат и пролетарские элементы города и деревни насчитывают около двадцати миллионов. Таким образом, половина их голосовала за буржуазию. А если взять соотношение сил между социал-демократией и коммунистами, то оно показывает, что из той половины, которая отдала свои голоса за рабочие партии, 6 милл. пошло за социал-демократию, а только около 4 милл.— за коммунистическую партию. Таким образом, 10 милл. пролетарских элементов голосовало за подчинение буржуазии, 6 милл. голосовало за соглашение с ней, и только 4 милл.—за борьбу против нее. Не зачем утешаться, что социал-демократия не чисто-рабочая партия, ибо если принять, что часть мелкой буржуазии голосовала за социал-демократию, то надо было бы сказать, что прямо за буржуазные партии голосовало еще больше, чем 10 милл. рабочих и пролетарских элементов. На деле социал-демократия потеряла мелкобуржуазных попутчиков, которые ушли к фашистам. Передовики-рабочие перешли к коммунизму. 6 милл. рабочих осталось за социал-демократией. Коммунисты завоевали большинство рабочего класса в решающих промышленных центрах оккупированных областей, Верхней Силезии и Берлина. Но эти центры не могут прокормиться ни одной недели, если мы не завоюем рабочих и батраков Мекленбурга, Померании и Восточной Пруссии. Предстоят громадные бои, для которых мы не завоевали еще главного оружия — большинства рабочего класса.

В странах наиболее потрясенного капитализма — в Италии и Германии, фашизм или вполне и формально победил, или же определяет содержание политики правящих классов. Но в Италии мы присутствуем уже при сумерках богов, в Германии находимся перед решающей окончательной схваткой. Ни тут, ни там фашизм не в состоянии решить проклятые вопросы истории перед народными массами. Только пролетарская революция в состоянии их будет решить.

3. Новый фактор.

В странах, о которых мы до этого времени говорили, крестьянство не сыграло никакой самостоятельной роли. В Англии оно представляет вообще незначительную силу. В Италии на него именно обрушился весь террор фашизма. Во Франции оно разбилось между национальным блоком и левым блоком. В Германии, захваченное аграрным кризисом, оно голосовало за фашистские партии, которые ему обещали покровительственные пошлины. Ни в одной старой капиталистической стране пролетариату не удалось перетянуть на свою сторону значительных масс крестьянства. Коммунистические партии даже не подошли еще к вопросу о постановке массовой работы среди крестьянства. Эта работа требует не только признания на словах необходимости союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, т.-е. признания на словах ленинизма. Эта задача требует применения его на деле, т.-е. создания программы, отвечающей интересам порабощенных крестьян, как и борьбы пролетариата за эту программу. Без решения этой задачи, без подхода к ее решению западно-европейские коммунистические партии еще не ленинские партии. Крестьянский вопрос, не выдвинувшийся еще как самостоятельный вопрос в западно-европейских капиталистических странах, встал перед пролетариатом в Чехо-Словакии и Болгарии самым наглядным образом.

Так-называемая Карпатская Русь оторвана в 1919 году Чехо-Словакией от тела Советской республики Венгрии; это—страна мелких крестьян, ремесленников, еврейской бедноты. Чехо-словацкая буржуазия не допускала никаких выборов в этой стране, надеясь вытравить из нее всякое воспоминание о венгерской революции, надеясь задавить всякую самостоятельную мысль крестьянства при помощи бешеного нажима бюрократии и жандармов. В продолжение четырех лет страна находится в клещах этого режима. Первые буквы названия „Чехо-Словацкая республика“ (Ч.-С. Р.) крестьяне Карпатской Руси переводят: „чех словака рабит“ (порабощает). Наконец, 16 марта 1924 г. состоялись, после такой подготовки, в первый раз выборы в чешский сейм от Карпатской Руси. Агитация чехо-словацкой коммунистической партии была неслыханно затруднена не только трудностями сообщения, безграмотностью населения, но и невиданным, даже в Карпатской Руси, террором. Если добавить еще конкуренцию чешских, словацких, еврейских и венгерских националистов, то, казалось бы, не было никаких шансов на победу. Несмотря на то, из 240.000 поданных голосов 100.000 подано за коммунистическую партию, которая получила из 9 мандатов в сейм 5, из 4 мандатов в сенат 3.

Еще более наглядную картину дают выборы в окружные правительственные советы Болгарии. 1923 г. был годом тяжелейших

поражений народных масс Болгарии. Крестьянская партия, так-наз. земледельцы, находящаяся с момента окончания войны у власти и представляющая собой на 90% организацию мелкого, бедного крестьянства, на деле проводила политику кулаков. Благодаря этой политике, она принуждена была вступить в бой с деревенской беднотой, ремесленниками, рабочими, группирующимися вокруг коммунистической партии. Порвав с этими единственными элементами, на которых Стамболийский мог опираться в городе, отклонив многократное предложение коммунистов за создание союза рабочих и крестьян, Стамболийский не был в состоянии удержать власти. Немногочисленные, но влиятельные круги буржуазной интеллигенции и старого офицерства смогли, при помощи македонской эмиграции, оттолкнутой от Стамболийского политикой примирения с Сербией за счет независимости Македонии, путем военного заговора сбросить правительство Стамболийского. Правительство Цанкова взялось сразу за создание в стране „спокойствия". Оно разгромило легальные организации коммунистической партии, конфисковало ее имущество, взялось беспощадно за истребление крестьянского движения. Этим оно спровоцировало осенью прошлого года рабоче-крестьянское восстание, в котором погибло много тысяч рабочих и крестьян. Немедленно после ликвидации восстания проведенные выборы дали союзу коммунистов и земледельцев 186.000 голосов, т.-е. 26% всех поданных голосов. В мае этого года мы имели вторую проверку: выборы в областные советы, в которые число голосов, отданных за разгромленную коммунистическую партию, идущую в блоке с земледельцами,—31% всех поданных голосов. Значение этого результата выборов определяет орган национал-либеральной партии „Независимость" следующими словами:

„Самым существенным результатом выборов является не тот факт, что правительство удержало большинство, а тот, что блок рабочих и крестьян усилился и укрепился. 4-го мая поднялась в стране снова коммунистическая волна. Ее считали разбитой. Она теперь еще более сильна и объединена. Партии правительственного большинства пытаются скрыть, что они застигнуты врасплох, они успокаиваются тем, что коммунисты и крестьянская партия в прошлом еще больше голосов получили, но они не в состоянии скрыть своего беспокойства за будущее страны. Для всякого, кто ответственен за будущее Болгарии, исход выборов в Болгарии означает предупреждение, что мы стоим перед новыми потрясениями, и что неустойчивость является постоянным признаком нашей политической жизни. Единый фронт коммунистов и крестьян не есть переходное явление".

Буржуазная болгарская газета вполне права. Единый фронт рабочих и крестьян является не переходным не только для Болгарии. Он вырос в Болгарии не из специальных условий жизни болгарских крестьян, которые принадлежат к западно-европейскому типу капиталистического мелкого хозяйства,—он вырос в Болгарии благодаря слабости болгарской буржуазии, которая

позволила крестьянству посягнуть на власть. На Западе по мере роста капиталистического распада, по мере роста силы коммунистических партий, по мере ухудшения положения крестьянства будет расти и среди рабочих, и среди беднейших крестьян стремление к союзу, который определит окончательно участь буржуазии.

4. Что же дальше?

Картина, которую развернули выборы в целом ряде стран Европы, содержит все краски, все тона, но в ней отсутствует — спокойствие. Военный хаос (как говорят либеральные писатели) не улегся. Но „военный хаос" — это слово без содержания, выражающее только испуг буржуазии перед тем, что она сама создала. Мировая война,—выражение громаднейших противоречий капиталистического строя, самая острая форма конкуренции, обострила до высшей степени классовые противоречия, доводя их в ряде стран до гражданской войны и революции. Из бурного океана повоенной истории вынесли подземные взрывы русский советский остров. За русской пролетарской революцией последовали революции в Германии, Австрии и Венгрии. Наше скоропреходящее время скоро забывает самые капитальные факты. Кто помнит, что в Берлине была советская власть? Правительство Шейдемана, Эберта, Дитмана и Гаазе получило власть от Советов Рабочих и Солдатских Депутатов Берлина и именовалось правительством народных уполномоченных. Война, которая была высшим проявлением диктатуры капитала, выдвинула антитезис этой диктатуры — диктатуру пролетариата не только в России, но и в Германии.

Правительство рабочего класса в Германии не было разгромлено силой контр-революции, как это имело место в Венгрии: оно сдало власть буржуазии с согласия громадного большинства рабочего класса, который надеялся этим путем купить для себя возможность возврата к тихой и спокойной жизни предвоенных времен. Все усилия мировой буржуазии уничтожить Советскую Россию, повернуть колесо истории назад до предвоенных времен, когда существовала международная система только буржуазных государств, кончились крахом. Международной системе буржуазных государств противопоставляется первое пролетарское государство, которое, разбив старую централизованную империю Романовых и создав Союз Советских Республик, является началом новой международной государственной системы. Мозг многоуважаемых европейских буржуа не признает ни рабочего, ни союзного характера нового государства. Буржуазия боится нашего Союза, но она еще не понимает и не верит в то, что он является началом новой исторической эпохи. Революции уже бывали в мире, революционные меньшинства захватывали власть не раз. Советское правительство является для мировой буржуазии именно таким революционным государством, в котором революционная интеллигенция и революционные рабочие захватили власть над крестьянством,

как это много раз в истории делала буржуазия. Но из этого, по их мнению, ничего не может выйти другого, кроме нового буржуазного строя. Союзный характер революционного государства является для буржуазии простым прикрытием старой централистической России. Но в то время, как она утешается, что на востоке Европы, мытьем ли, катанием ли, все вернется к старому, самой-то центральной Западной Европе нет возврата к старому. За эти шесть лет после окончания войны европейская буржуазия испробовала все методы, которые получила от прошлого, и выдвинула новый послереволюционный метод — фашизм. Все они не в состоянии вернуть классы к старому предвоенному быту. Обанкротились в Англии методы либерального управления Ллойд-Джорджа, как и консервативного—Бонар-Лоу и Болдуина. Обанкротились во Франции методы Пуанкаре, и уже совершенно ясна будущая линия развала блока мелкой буржуазии и части рабочего класса. Они обанкротятся на том, что не посмеют взвалить тяготы войны на крупную буржуазию и восстановят против себя мелкую, когда попробуют прижать ее. Обанкротилась до последнего германская мелкобуржуазная демократия, она уступила власть фашизму, которого социальную политику она проводит, оставаясь формально у руля правления. В Италии обанкротилась демократическая политика Нитти, и перед банкротством стоит Муссолини. „Фашизм выступил в качестве доктрины, собирающейся заменить те принципы, на которых зиждется политический режим современных стран... Муссолини многократно бросал вызов принципам 1789 г., т.-е. и английским принципам 1686 г., и американским принципам 1776 г., и бельгийским 1830 г., и германским принципам 1848 г. Пусть он не удивляется, что весь мир теперь смотрит на него",—заявляет парижский „Тан", орган меняющихся правительств и бессменной биржи. А „Оссерваторе Романо", орган того же самого Ватикана, который пошел охотно на сделку с Муссолини, заявляет с глубокой меланхолией: „nihil violentum durabile" (ничто, созданное насилием, не устоит). „Дни" Керенского, верные заветам демократии, заявляют по поводу выступления „Тан" и „Оссерваторе Романо" с радостью, что даже органы самых умеренных кругов в Европе высказались против фашизма. Но эти так-называемые умеренные круги, в отличие от демократических дурачков, не плюют в колодец, из которого им, наверно, еще придется пить. Буржуазия могла бы отказаться от политики открытого насилия над народными массами только в том случае, если бы волна хозяйственного расцвета сделала существование капитализма для широких масс мелкой буржуазии и мелкобуржуазного пролетариата совместимым с их скромными потребностями. Но никаких видов на этот экономический подъем нет, и поэтому чередование фашистского и демократического режима — все это судороги истории, все это попытки спасения капиталистического общества при помощи средств, вытекающих эмпирически из данной обстановки: сегодня так, а завтра иначе. В то время, когда в недрах общества выковывается сила, представляю-

щая новую систему — господство труда, на поверхности должна царить бессистемность господствующего еще капитала, не умеющего уже создать новый порядок. В этой обстановке даже такие явления, как правительство рабочей партии в Англии, которое связано всем своим прошлым с буржуазной системой и не сумеет толкнуть историю вперед, глубоко симптоматичны. Оно представляет собой тень, которую бросают на экран истории будущие крупные классовые схватки. Макдональды не принесут никакого ущерба буржуазии, но они обогатят опыт английского рабочего класса и заставят его мобилизовать свои силы против буржуазии. Никогда не было так наглядно, как теперь, что буржуазная Европа живет еще только потому, что европейский пролетариат, в десять раз материально более сильный, чем русский, не осознал своей силы. Барометр выборов во всей Европе указывает не только на неустойчивость политической погоды, но указывает и на то, откуда грянут бури. Неизвестно только, какие сроки нужны для накопления электричества в атмосфере.

Июль 1924 г.
(Журнал „Красная Новь").

II.

Доклад Дауэса[1]).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Этот очерк состоит из статей, появившихся в „Правде“ перед и во время Лондонской конференции союзников, посвященной новому решению репарационного вопроса. Статьи эти подверглись только самым необходимым сокращениям и расширениям.

Очерк этот представляет собой продолжение моего доклада, сделанного IV конгрессу Коминтерна в октябре 1922 года и изданного под заглавием: „Ликвидация Версальского мира“. Этот доклад перепечатан во втором томе моей книги „Пять лет Коминтерна“, изданной „Красной Новью“.

В нем читатель найдет предыдущую историю репарационного вопроса, как и вопроса о междусоюзных долгах.

Два года назад я высказывал убеждение, что то соотношение сил, которое легло в основу Версальского договора, уже ликвидировано ходом событий. „Когда проф. Кейнс и тысяча других маленьких Кейнсов провозглашают необходимость пересмотра Версальского договора, когда об этом же говорила международная социал-демократия, представители II и $2^1/_2$-ного Интернационала, то они рисовали картину, как Франция, этот злой гений Версаля, откажется от безумной политики разрушения, и как тогда начнется новая эпоха мира и всяческих других благ. В настоящее время пересмотр договора не является больше объектом спора, потому что договор уже ликвидирован. Но ликвидация Версальского договора означает только новую группировку сил внутри европейского капитализма, новые международные конфликты, в которых Германия является объектом, а не субъектом борьбы“.

Так я писал в октябре 1922 года. Начертав в заключительной части этого доклада эти нарастающие новые конфликты, при чем руководящую роль в них уже тогда приписывал С. Штатам Аме-

[1]) Перепечатано без изменений из вышедшей отдельным изданием брошюры.

рики, я говорил: „Германия и Австрия стали объектами мировой политики, и поэтому предстоящее развитие, начавшаяся перегруппировка соотношений между державами не откроют им выхода из создавшегося положения, разве только если в Германии победит пролетарская революция и сделает страну активным фактором политики. Перегруппировка соотношений европейских капиталистических держав может изменить лишь направление, откуда сыплются удары на германскую буржуазию. Фактором мировой политики может быть лишь тот, кто обороняется. Германская буржуазия связана по рукам своей борьбой с германским пролетариатом и не может думать об активной обороне против Антанты. Она может только менять форму зависимости".

Ход событий только подтвердил мои тогдашние выводы. Франция, которая пыталась захватом Рура повернуть колесо истории назад, лишь попала под это колесо. Но германская буржуазия, проигравшая из-за своего классового своекорыстия второй размировую войну—в Рурском бассейне, попала под ярмо диктатуры англо-американского финансового капитала и, как соседа в новой упряжи, нашла Францию.

Что ликвидация Версальского мирного договора не означает ликвидации порабощения Германии, а только замену французского ярма английским и американским,—это доказывает история Лондонской конференции, которую я пытаюсь изложить вкратце в настоящем очерке. Лондонская конференция представляет собой самый наглый разбой, какой знает история финансового капитала. Что этот разбой может итти под флагом демократии и пацифизма,—это является делом и „заслугой" II Интернационала. Если эта попытка закабаления германского народа английскими и американскими банками не будет скоро сорвана ходом событий, то через два года германский и международный пролетариат почувствует на собственной шкуре, что́ означает „демократия и пацифизм", защищаемые II Интернационалом. Я говорю: через два года, ибо разбойничий Лондонский договор так построен, что все его прелести дадут себя почувствовать народным массам только по истечении известного времени. Это время надо заполнить массовой пропагандой и агитацией, разоблачающей лондонский обман. Эта работа будет одновременно самой лучшей подготовкой на возможный случай срыва событиями созданного в Лондоне компромисса. Если этот срыв наступит, рабочий класс окажется непосредственно в центре нового международного кризиса, требующего ясного понимания новой роли социал-демократии, как агента англо-американского финансового капитала. Если же пролетариату придется пройти через все страдания, которые ему сулит Лондонский договор, то для мобилизации рабочих масс тем более необходимо понимание всех уловок нового пацифистски-демократического обмана.

Но борьба наша не может состоять в пропаганде коммунизма и разоблачении диктатуры англо-американского финансового ка-

питала. Ближайшие годы будут и в случае проведения в жизнь Лондонского соглашения годами тяжелой массовой борьбы против ухудшения положения рабочего класса.

Коммунистические партии сумеют только тогда дать бой социал-демократическим защитникам англо-американской диктатуры, если сумеют стать во главе защитительной борьбы пролетариата и, таким образом, открыть ему не на словах, а на деле перспективу будущих революционных боев.

Москва, 8-го сентября 1924 года.

---

1. Исход борьбы за Рур.

16-го июля соберутся в Лондоне представители союзников, дабы определить свое отношение к докладу экспертов и решить ряд мер, вытекающих из этого доклада. В ноябре 1923 г. репарационная комиссия согласилась на расследование экономического положения Германии комиссией экспертов, в которой решающее влияние имели представители американских банков. 13-го апреля 1924 г. комиссия экспертов представила репарационной комиссии свой доклад, который встал в центре европейской политики в продолжение последующих месяцев. Не подлежит ни малейшему сомнению, что эта конференция представляет собой новый этап к ликвидации соотношения сил, нашедшего свое выражение в Версальском договоре. Как бы Франция ни цеплялась за этот договор, как бы правительство „левого блока", с господином Эррио во главе, ни присягало на верность этому памятнику победы „демократии и пацифизма", и как бы господин Макдональд ни клялся, что Версальский договор остается ненарушенным,—все эти политические зигзаги, вызванные боязнью мелкобуржуазной демократии называть вещи по имени, не могут ничего изменить в том капитальном факте, что Версальский мир хоронится, хотя без помпы и без торжества.

Мы сказали, что мы имеем дело с новым этапом ликвидации Версальского договора, ибо уже захват Рура представлял собой попытку такой ликвидации. Разница только в том, что 11-го января 1923 года господин Пуанкаре попытался изменить Версальский договор в пользу французской буржуазии, а теперь Англия и Америка принимаются за эту ликвидацию в ущерб французской буржуазии. Для того, чтобы понять все изменение положения, происшедшее за последние месяцы, надо сначала установить, какие цели преследовал французский империализм, занимая Рур. Это вопрос очень сложный. В популярной нашей литературе, излагающей историю рурской экспедиции господина Пуанкаре (см., например, очень хорошую брошюру тов. Е. Солнцева: „Германия и рейнско-рурская проблема", издан-

ную на-днях „Красной Новью"), цели Франции представляются в очень упрощенном виде. Франции приписывается исключительно стремленье навязать германским угольным и железным королям договор, обеспечивающий французской тяжелой промышленности перевес в будущем угольно-стальном синдикате. На деле политика Франции была в десять раз более сложной, благодаря тому факту, что влияли на эту политику решающим образом не только „Комите де Форж", организация тяжелой промышленности, но и целый ряд других факторов. Мы обращаем внимание читателей, которые хотят познакомиться с этим переплетом тенденций, на работу тов. П. Лапинского: „Рурская победа господина Пуанкаре и развал Европы" (изданную в библиотеке „Социалистического Хозяйства" „Красной Новью"), работу, которая дает лучшее из существующих в литературе (не только русской) представление о борющихся во французской политике противоречивых тенденциях. Можно указать на три тенденции в послевоенной политике Франции по отношению к Германии. Первая тенденция — это стремление французской военщины раздробить побежденную Германию. Боясь перевеса Германии в населении, боясь, что германская промышленность революционизирует военную технику и сможет доставить Германии, несмотря на теперешнее разоружение, лучшие средства для войны реванша, боясь, что новые группировки в международной политике облегчат Германии выступление в будущем в качестве военной силы, эти военные круги добились захвата левого берега Рейна не только на время, предписанное Версальским договором (15 лет), но как постоянной гарантии господства над Германией. Они пытались путем поддержки сепаратистского движения в Баварии и Палатинате подготовить отрыв от Германии ее юга, по линию Майна. Для этих кругов вторжение в Рур было в первую очередь средством вызвать суматоху, которая бы позволила осуществить эти планы. Вторая группа — это французская мелкая буржуазия, которая одолжила государству 100 миллиардов франков на воссоздание Северной Франции и теперь добивается того, чтобы Германия платила проценты по этому долгу, которая дальше боится падения франка, новых тяжелых налогов в случае отсутствия германских платежей. С этой мелкой буржуазией связаны французские депозитные банки, которые размещают государственные займы. Третья группа — это тяжелая промышленность, которая стремится к тому, чтобы навязать германской тяжелой промышленности договор, дающей ей перевес в германско-французском стальном и угольном тресте, обеспечивающий ей привоз германского кокса и вывоз в Германию французской железной руды. Не добившись этих целей путем переговоров с германскими промышленниками, эта группа попыталась добиться их, приставив штыки к груди германских промышленников.

Все эти три тенденции существовали уже во время мирных переговоров. Притязания военной группы, представляемые марша-

лом Фошем, натолкнулись на сопротивление Англии и Америки, которые видели в осуществлении этих стремлений установление французской военной гегемонии в Европе. (См. Ллойд-Джордж, „Мир ли это?", Ленинград, 1924 г., изд. „Пучина", стр. 23—40). Стремления французской тяжелой промышленности к установлению экономической гегемонии над континентом, само собой понятно, уже в Версали вызвали сопротивление Англии, которая в случае их осуществления попала бы между двумя огнями мощной американской и франко-германской конкуренции. Версальский мир по существу означал отклонение союзниками военной и хозяйственной гегемонии Франции. Он устанавливал дань, которую должна была уплачивать вся Германия, оставаясь одним целым, хотя бы обрезанным организмом. Одновременно Версальский договор обещал Франции гарантию безопасности против германского реванша. Но, как это бывает всегда при компромиссах, отклоненные французские притязания нашли свое выражение в статьях договора, которые позволяли Франции на определенное количество лет остаться на левом берегу Рейна. Эти статьи сделались исходным пунктом новой попытки Франции добиться своих целей, когда оказалось, что Версальский мир, по словам Бриана, прекрасный, но мертвый рысак. Во-первых, Америка не ратифицировала заключенного Вильсоном договора о гарантировании французской безопасности, Англия же одна отказалась брать на себя такую ответственность. Это дало новые силы военным тенденциям к захвату Рейна. Во-вторых, оказалось, что Германия не может уплатить дани, наложенной на нее майским ультиматумом 1921 года. Союзники сумели назначить громадную дань, но, несмотря на всех своих экономических экспертов, не призадумались над тем, что́ станется с Германией, если она будет эту дань уплачивать. Германия могла получить валюту, необходимую ей для уплаты дани, форсируя свой экспорт, но этот путь был ей закрыт состоянием мирового рынка и собственной экономической слабостью, — ей осталось только последнее средство: печатать и продавать марку.

Таким образом, произошло крушение марки. Тогда Пуанкаре решил добиться от своих союзников согласия на переход к так-называемым территориальным залогам. Смысл этих залогов лучше всего выразил председатель финансовой комиссии французского парламента Дарьяк в своем тайном докладе, опубликованном в „Манчестер Гардиан" летом 1922 года.

„Рурская область,—пишет он,—в особенности та ее часть, которую мы занимаем (Рурорт, Дуисбург, Дюссельдорф с примыкающей к нему территорией), составляет главный элемент богатства Германии. Большая часть германских крупных консорциумов образовалась здесь, имеет здесь свой главный штаб и свои предприятия. 10—12 промышленников, стоящих во главе их, прямо или косвенно, но во всяком случае абсолютно, держат в своих руках судьбы Германии (металлургия,

уголь, химические краски, удобрительные вещества, кораблестроительные компании, ввоз и вывоз сырых и готовых продуктов). Это, главным образом, Стиннес, Тиссен, Крупп, Ганиель, Клекнер, Функе, Маннесман и еще три-четыре других. Их значение аналогично тому, какое имеют в Америке Карнеджи, Рокфеллер, Гарриман, Вандербильд и Гульд. Однако, эти немецкие магнаты играют роль в политике, о которой и не снилось американским миллиардерам (!). Они уже предложили заменить собой германское государство в уплате репараций, но их условия пока еще остаются неприемлемыми".

Путем нажима на властелинов Рурского бассейна Пуанкаре надеялся принудить их кончить с налоговой политикой, которая делала Германию неплатежеспособной, а королей железа и угля обогащала. Эта политика, являющаяся одним из элементов невозможности уплаты дани, требуемой союзниками, представляла в глазах Пуанкаре совокупность проблемы. Главари французской тяжелой промышленности понимали очень хорошо, что нельзя принудить промышленную страну, нуждающуюся в громадных массах заграничного сырья, давать товары (а чем бы ни уплачивалась германская дань, она в последнем счете состояла в вывозимых товарах), не получая взамен никакого эквивалента. Но тяжелая промышленность Франции толкала Пуанкаре на захват Рура, считая, что именно, когда будет ясно, что этим путем нельзя добиться уплаты значительной дани, то Пуанкаре будет принужден проводить в жизнь политику „Комите де Форж", — политику не взимания дани, а создания франко-германского угольно-стального синдиката. „Комите де Форж" знал великолепно, что Пуанкаре представляет в первую очередь политику мелкой буржуазии, стремящейся к получению возмещений, но французские короли железа и угля надеялись, что, не получив ничего, он должен будет схватиться за их программу. Военные круги, со своей стороны, надеялись, что логика борьбы заставит его решительно стать на почву расчленения Германии. Раз она не платит и платить не может, то надо хотя бы вырезать из ее тела живые куски и раз навсегда освободиться от германской опасности. Пуанкаре, боясь изоляции, пытался сначала втянуть союзников в политику территориальных залогов, но когда на конференции в Париже он убедился, что союзники, понимающие не хуже французских военных или „Комите де Форж", что, благодаря географическим условиям близости Германии и Франции, территориальные залоги означают захват их французами, отклоняют эту политику, он решился на самостоятельную оккупацию Рурского бассейна. Его политика была, таким образом, направлена не только против Германии, но и против Англии и Америки [1]). Это

[1]) В известном французском журнале „Revue des deux Mondes" Рене Пинон, известный франц. писатель по вопросам внешней политики,

была попытка самостоятельной ликвидации Версальского мира в пользу Франции. Пуанкаре не знал, останется ли он в Руре, или уйдет из него, добившись германских платежей, или же продаст Рур за освобождение от долгов по отношению к Англии и Америке, которые он чувствовал постоянно на своей шее, как петлю, могущую быть затянутой во всякий момент.

Пуанкаре победил по всей линии. После восьми месяцев бешеного сопротивления, которое уничтожило германскую марку, Германия 25 сентября 1923 г. капитулировала. Германская капитуляция представляла собой вторую потерянную войну. Пуанкаре был на вершине своей победы. Вопрос только был для него теперь, как ликвидировать экспедицию в Рур, какие конкретные требования предъявить Германии. Но от апогея победы до глубочайшего поражения был только один шаг. Если Германия потеряла войну 1914—18 годов, переоценив свои силы, если Германия потеряла рурскую войну, благодаря тому, что переоценила свою силу сопротивления и недооценила французской выдержки, то Пуанкаре потерял рурскую войну после своей победы над Германией, недооценив издержек этой войны, недооценив последствий экономического напряжения. За победой в Рурском бассейне последовало падение франка.

2. Падение франка.

„Случилось то, чего ожидали. И осуществилось настолько точно в такой форме, как предсказывали, что мы поражены".

Дж. М. Кейнс, в лондонской „Нейшен" от 13-го марта.

С момента саботажа конференции в Каннах, которая открывала перспективы улажения репарационного вопроса, с момента падения Бриана и начала политики Пуанкаре франк падал медленно, но постоянно. В начале 1923 года, в начале рурской экспедиции, фунт стерлингов стоил 67 франков, к концу рурской затеи—80 франков, т.-е. франк имел одну четвертую часть своей стоимости. Начало 1924 года увидело фунт стерлингов на высоте 87 франков, 18-го февраля он стоит 100 франков, чтобы в половине марта дойти до 125 франков. Это означало начало катастрофы для широчайших кругов мелкой буржуазии и рабочих, падение стоимости всех государственных бумаг, находящихся в руках мелкой буржуа-

---

пишет: „Битва в Рурском бассейне была направлена не только против Германии, но и против Англии. Французская инициатива с 11-го января обеспечила господствующую позицию в европейской политике франко-бельгийской группе. Что же мы видим теперь? В Лондоне Франция не руководит больше. Она следует за другими, она извиняется, она принимает решения, которые не она подготовляла".

зии, т.-е. экспроприацию значительной части их достояния, и растущую дороговизну. Правительство, стоявшее перед выборами, должно было во что бы то ни стало задержать падение франка. Оно взяло займы под залог золота больше 100.000.000 золотых рублей у английских и американских банков, дабы задержать падение франка, выбрасывая на рынок иностранную валюту и покупая франк. Мы в дальнейшем увидим, какие моменты дали толчок этому падению франка. Но раньше надо остановиться хотя бы вкратце над вопросом об экономическом и финансовом положении Франции, как источнике падения франка.

Экономическое положение Франции сравнительно благоприятнее, чем других континентальных стран, принимавших участие в войне, несмотря на то, что война Францию более разорила, чем другие страны. Французское земледелие к концу 1922 года было только на 23 проц. ниже довоенного времени. В 1923 году мы видим еще дальнейшее улучшение, как это показывает статистика сбора:

Единицы.	1913 г.	1919 г.	1923 г.
Пшеница 1000 квинт.	86,919	49,653	79,054
Рожь „ „	12,714	7,299	9,376
Ячмень „ „	10,437	4,999	10,231
Овес „ „	51,826	24,935	54,790
Картофель „ „	135,860	77,308	95,340
Свекла „ „	59,400	12,800	32,220
Вино 1000 гектолитр.	44,172	34,353	57,164

Положение промышленности можно наилучше охарактеризовать, приведя следующие данные об основных ее отраслях:

Продукция угля (в тоннах).

Годы.	Каменный уголь.	Бурый уголь.
1913	40,051,000	793,000
1919	21,567,000	909,757
1923	37,714,305	851,882

Железоделательная промышленность.

(Продукция в тоннах).

Годы.	Железная руда.	Чугун.	Сталь.
1913	21,918,000	5,311,000	4,635,000
1919	9,430,000	2,412,000	2,186,000
1923	23,428,160	5,300,000	4,977,000

Потребление сырья (в тоннах) в текстильной промышленности.

Годы.	Хлопок.	Шерсть.	Шелк.
1913	268,000	249,000	15,400
1919	201,000	177,000	12,000
1923	234,000	277,000	13,200

Вывоз автомобилей (в центнерах).

1913 г.	1919 г.	1923 г.
258,000	59,000	407,000

Вывоз химических продуктов (в центнерах).

Годы.	Хим. продукты.	Парфюмерия.
1913	11,126,000	514,000
1919	4,019,000	302,000
1923	16,463,000	658,000

Эти цифры указывают на постепенное воссоздание французской промышленности. Одним источником этого являются работы над восстановлением разрушенной Северной Франции, которые французская промышленность ревниво охраняла от иностранной конкуренции, что было одной из причин саботажа ею немецких репарационных поставок натурой. Какое значение для восстановления французской промышленности имели эти работы, — можно видеть из данных о восстановлении северных областей. До конца 1922 года было построенно 554.000 жилых домов, 152.000 временных построек, 19.967 фабрик, 50.700 вновь построенных, 75.000 ремонтированных земледельческих помещений, отстроено 2.400 километров главных железнодорожных линий, 1.523 километра местных железных дорог, 1.050 километров каналов, приведено в порядок 3 миллиона гектаров земли. Внешняя торговля Франции поднялась в значительной мере, как это показывает следующая таблица:

Внешняя торговля Франции (в милл. франков).

Годы.	Импорт.	Экспорт.	Дефицит.
1913	8,421	6,808	1,541
1919	35,709	11,879	23,920
1920	49,904	26,894	23,010
1923	32,608	30,431	2,177

До войны Франция покрывала свой торговый дефицит процентами от помещенного за границей капитала: 40 миллиардов помещенных за границей капиталов давали 2 миллиарда процентов в год. Теперь этот источник дохода на $^4/_5$ исчез, а торговый дефицит является одним из источников падения франка. Но общий вывод этих данных состоит в том, что, хотя Франция не достигла еще довоенного экономического уровня, она находится ближе к этому уровню, чем какая бы то ни было европейская капиталистическая держава. Не в области производства лежит поэтому в данный момент источник слабости Франции. В будущем, несомненно, Франция стоит перед крупнейшими затруднениями в этой области. Ей придется решить вопрос о том, где найти рынки для своей гро-

мадной металлургической промышленности, работающей пока только частью своих сил. Но в данный момент центр французских затруднений лежит в области французских финансов. Дать картину этих финансов, хотя бы приблизительно соответствующую фактическому положению, очень трудно, по той простой причине, что само французское правительство не знает, как обстоит тут дело. Случилось же недавно, что французский министр финансов де-Ластери с радостью сообщил в палате, будто Франция имеет на 6 миллиардов франков меньше долга, чем он думал. Во всяком случае, государственный долг Франции еще достаточно велик. Французский государственный долг равен был до войны 30 миллиардам франков, при окончании войны — 170 миллиардам. Но с того времени этот долг вырос до 400 миллиардов. По вычислениям французского правительства, напечатанным в „Журналь Офисиель" от 28 июля 1923 года, эта сумма долгов равна 290 миллиардам, но, как указывает немецкий статистик Кучинский, занимающийся постоянно с группой французских экономистов изучением экономических взаимоотношений Германии и Франции, иностранный долг Франции вычислен в 35 миллиардов франков. Но дело в том, что это — золотые франки. И если считать доллар в 20 франков, то эта сумма дает в итоге 100 миллиардов франков; кроме того, французский правительственный список не содержит еще целого ряда займов („Виртшафтсдинст", 11 апреля 1925 г.). Французский экономист Жид тоже высчитывает французский государственный долг в 400 миллиардов. (См. „Германия и Франция, их политика и хозяйство в 1923—24 году", сб. статей, изданных Кучинским, стр. 90). Каким образом покрывает французское правительство свой бюджет? Французский бюджет распадается на две части: на бюджет внутренний и на бюджет расходов, которые должна уплатить Германия. Внутренний бюджет удалось в 1923 году свести без дефицита: доходы равнялись 23,979 мрд. фр., расходы 23,402 мрд. фр. Бюджет же, который идет на покрытие расходов по восстановлению разрушенных областей, на уплату пособий вдовам солдат и т. д., покрывается внутренними займами. С каждым годом растут затруднения Франции при покрытии этих займов. Так, к концу 1922 года 6-миллиардный выпуск казначейских билетов дал такой результат, что только два миллиарда составляли новый капитал, а 4—конверсию прежних займов. Кратковременный 6-процентный заем, выпущенный в январе 1924 года, был, несмотря на высокое ажио, очень плохо принят. Причина этого явления несложна. Перед войной французские сбережения равны были 4—5 миллиардам золотых франков в год. Они размещались в первую очередь среди мелкой буржуазии. Громадная часть французских рантье обанкротилась благодаря тому, что Россия, Австрия, Турция перестали уплачивать проценты по займам, что внутренние военные французские займы, покупаемые в золоте, имеют теперь в лучшем случае одну пятую часть стоимости. На войне обогатились фабриканты, купцы, зажиточные крестьяне за

счет экспроприированной мелкой буржуазии. В их руках сконцентрировались сбережения французского народа. И так как им не приходится жить за счет этих сбережений, то государство на известное время находило в них мощный источник для своих заемных операций. Краткосрочные казначейские займы пользовались у них специальными симпатиями, ибо они гарантировали их от потерь на падении ценности денег. Но экспроприация мелкой буржуазии, уменьшая внутренний рынок, затрудняла даже этим зажиточным слоям „поддержку" государства деньгами. С 1920 года Франция уже не в состоянии выпускать долгосрочных займов.

Эти затруднения при размещении займов вызывают не только беспокойство правящей клики насчет того, что будет дальше, но они порождают недоверие у массы покупателей займов к финансам государства. При этом поколебленном доверии громадную роль играет наличие в руках у иностранцев значительной массы франков. Делези высчитывает в своем балансе французского хозяйства, что в руках иностранцев находится 10 миллиардов бумажных франков, которые они накопили, принимая их за продаваемые Франции товары в надежде на то, что франк поднимется. Само собой понятно, что они могут эти массы французских денег выбросить на рынок, когда будут считать это полезным для себя.

Вот потенциальные моменты, которые должны были привести к падению франка, даже если не считать, какую роль тут сыграл дефицит торгового баланса. После победы Пуанкаре в Руре стало ясно, что она не может в ближайшее время дать Франции источников для покрытия громадного бюджетного дефицита. Ведь, марка была уничтожена; для восстановления немецкой денежной системы Германия сама нуждалась в финансовой поддержке заграницы.

Период стабилизации марки означал громадный экономический кризис в Германии, первые предвестники которого она переживает. Яснее ясного, что во время этого кризиса никто не может навязать ей никаких платежей, а наоборот, что без моратория этот кризис будет смертельным кризисом. Эти соображения толкнули французского мелкого буржуа на скупку английской и американской валюты. Таким же образом повлияло положение на иностранных держателей французских денег. Они достаточно обожглись на падении марки, чтобы рискнуть с франком. Это положение, несомненно, использовали финансовые круги Англии и Америки для того, чтобы сломить шею Пуанкаре, чтобы вырвать у него из рук будущие результаты победы в Руре. Факт налицо, что источником главных толчков к падению франка являются иностранные биржи. И если господин Кейнс так сильно удивляется, что все совершилось, как можно было ожидать, то мы думаем, что господин Кейнс мог бы рассказать не только о том, как ожидали падения франка, но и как ему содействовали. Что и немецкие банки принимали в этой опе-

рации участие, — тоже не подлежит сомнению. Они накопляли франк, когда он был сравнительно устойчив. С момента введения в Германии суррогатов устойчивых денег в форме рентовой марки и золотого займа они начали через оккупированные области выбрасывать франк на рынок.

Падение франка рассеяло весь туман, которым Пуанкаре окутывал действительное положение дел во Франции. Понятно, оставаясь в Рурском бассейне несколько лет, он смог бы многое выжать, ко многому принудить германских капиталистов, но он не мог там оставаться бесконечно, ибо если английский и американский финансовый мир сегодня бросает франк на рынок, то завтра он может затянуть петлю на шее Франции, предъявляя требование уплаты процентов с 35 миллиардов золотых франков, которые Франция должна союзникам. Франция нуждалась в том, чтобы интернационализировать немецкие обязательства, чтобы добиться для Германии иностранных займов, которые бы частью пошли в карманы Франции и помогли заштопать дыру в ее бюджете. Не подлежит сомнению, что и Морган, и директор Английского банка Норман, которые в марте месяце помогли задержать падение франка, получили уже от Пуанкаре обязательство принять условия экспертов, итти на те уступки по отношению к Германии, без которых финансовый мир Америки и Англии не рискнет дать взаймы. Но мелкобуржуазные массы Франции стали перед вопросом не только о том, как избавиться от необходимости повышения податей для уплаты процентов по займам для восстановления северных областей,— они стали и перед вопросом о том, как вообще уменьшить расходы государства, половина которых идет на вооружение, а половина — на уплату процентов по государственному долгу. Перед этими массами встал вопрос не только о сделке с Англией и Америкой, не только об уступках Германии, — одним словом, не только вопрос о внешней политике Франции, но не меньше и вопрос о внутренней политике, вопрос о том, как разделить тяготы, которые война оставила Франции. Кто должен их уплачивать,—мелкая буржуазия, или же крупный капитал? 88 проц. доходов государства поступают, по вычислению Делези, от косвенных налогов, в то время, когда подоходный налог не приносит даже полумиллиарда золотых франков. Этот вопрос внутренней политики привел к падению Пуанкаре и вынес к власти в лице левого блока представителей мелкой буржуазии, которая готова отказаться от многих притязаний французского империализма, которая устала от дипломатической игры и военных авантюр. Это положение пытается использовать английская буржуазия для того, чтобы исправить Версальский договор в свою пользу.

3. Политика рабочего правительства Англии.

„Если Рабочая партия придет к власти, то она получит наследство прошлого. Она не возьмется за работу с детским убеждением, что может начать все заново. Мы примем мир таким, каким его найдем".

Макдональд в „Сендай Таймс" 21 октября 1923 г.

Политика рабочего правительства Англии в репарационном вопросе стремится к тем же целям, к которым стремились кабинет Ллойд-Джорджа и кабинет Болдуина. Ее целями являются: стабилизация европейского капитализма для воссоздания рынков сбыта, уменьшение расходов на вооружения, ограничение возможности возникновения сильной германской конкуренции, устранение опасности экономической и военной гегемонии Франции. Политика рабочего правительства очень мало отличается в своих методах от политики предшествующих буржуазных кабинетов. Но и та разница в методах, которую приходится в ней подчеркнуть, объясняется не тем, что в министерстве иностранных дел в Лондоне место Керзона занял Макдональд, а тем, что Макдональд пришел к власти в момент ослабления Франции и известного перелома в С. Штатах Америки.

Для оценки внешней политики Англии надо припомнить основные факты хозяйственного положения Англии. Оно значительно улучшилось за последние годы. Добыча угля последнего года равна 278 миллионам тонн, она отстает только на 11 миллионов от добычи 1913 года; добыча железа равна 7,04 миллиона тонн, в то время как в 1913 году она равнялась 10 миллионам. На текстильной промышленности еще тяготеет кризис. Это наиболее ясно видно из того, что в то время как в 1913 году Англия ввозила 19 миллионов центалов хлопка, она в 1923 году ввозит только около 13 миллионов. Ввоз шерсти, который в 1923 году равен был 21 миллиону центалов, в 1923 году равен только 7,04 миллиона. Ввоз льна, джута и т. д. упал от 600 тысяч тонн до 265.000. Английская внешняя торговля, высчитанная по индексу цен 1913 года, дает следующую картину („Виртшафтсдинст", Гамбург, № 11, от 14-го марта 1924 г.):

	Индекс. цены в милл. фунт.			В проц. в сравн. с 1913 г.	
	1923 г.	1922 г.	1913 г.	1923 г.	1922 г.
Ввоз	735,7	659,4	768,7	93	85,8
Британск. вывоз	404,4	361,8	525,1	74,5	68,9
Транзитн. вывоз	94,0	89,8	109,6	81,3	81,5

Как известно, дефицит своего торгового баланса Англия покрывала всегда процентами от капитала, помещенного за гра-

ницей, доходами от пароходства, банковым посредничеством и т. д. В отличие от Франции, она не потеряла большинства своего капитала, вложенного за границей. Этот баланс так-наз. скрытого вывоза по данным „Борд оф Трэд Джорнал", от 31-го января 1924 г., выглядит следующим образом:

	1913 г.	1922 г.	1923 г.
Доходы от помещ. за границей капитала в милл. фунт.	210	175	150
Доходы от пароходства.	94	110	110
Услуги	35	40	40
Сумма скрытого экспорта	329	315	300
Превышение ввоза	158	170	203
Активн. платежн. баланса	181	155	97

Если высчитать, что фунт стерлингов потерял благодаря росту цен 42 проц. своей стоимости, то активность баланса уменьшилась на 124 миллиона фунтов. Все эти данные не дают точного понятия об экономическом состоянии Англии. Английский экономист профессор Боули считает, что в 1923 году Англия производила только 87 проц. продукции 1913 года. „Экономист" оспаривает эти данные и думает, что Англия производит 95 проц. довоенного. Кейнс („Нейшен", от 12-го апреля) соглашается с этим предположением, но указывает на то, что население Англии возросло на 2 миллиона. Трудности всех этих исчислений лучше всего видны из того, что цены сырья возросли на 50 проц., цены предметов широкого потребления—на 78 проц., цены экспортируемых товаров—на 90 проц. Очень трудно на основе этих основных факторов весьма различного уровня развития дать общую картину. Что Англия не достигла еще довоенного уровня промышленности,—лучше всего доказывает факт наличия миллиона безработных, даже если принять во внимание,— на что правильно указывает редактор „Экономиста" Лейтон в дискуссии об экономическом положении Англии (лондонская „Нейшен", от 3-го мая),— что среднее число безработных в Англии и перед войной равно было 400.000. Но английская буржуазия не утешается этим улучшением экономического положения. Она, во-первых, спрашивает: что будет, если будет восстановлена экономическая сила Германии? Уже в прошлом году говорил Ллойд-Джордж: „Допустим, что завтра вы урегулируете репарационный вопрос и будете иметь в Европе действительный мир. Даст ли вам это благосостояние? В момент, когда в Европе восстанавливается мир и стабилизируется валюта, вы окажетесь лицом к лицу с настоящим соперничеством и конкуренцией. Франция колоссально усилила производство именно тех продуктов, которые мы продаем на внешних рынках. В Германии произошло то же самое, она вполне подготовлена к ши-

рокому развитию, которое будет осуществлено, когда отношения будут урегулированы" („Обсервер", 25-го ноября 1923 г.). К этому вопросу Ллойд-Джордж возвращается в статье в „Нейшен", от 12-го апреля, которая дала повод к упомянутой дискуссии об экономическом положении. „Месячные обозрения торговли показывают улучшение, и число безработных уменьшается. Но может ли разумный человек рисковать своим достоянием в расчете, что в ближайшие пять лет вернутся нормальные условия?.. Если будут окончательно установлены мирные отношения и наступит стабилизация, то мы станем лицом к лицу с конкуренцией наций, улучшивших свои производственные машины и вычеркнувших свои долги".

Английская торговля удержалась за последние годы на уровне, на котором она теперь находится, благодаря росту экономических отношений Англии с ее колониями. В то время как ввоз из Европы с 1913 года упал с 41,6 проц. до 34,01 проц. в 1923 г., участие английских колоний во ввозе возросло с 24,08 проц. в 1913 г. до 29,07 проц. в 1923 г. В то время как участие Европы в английском вывозе упало с 36,09 проц. в 1913 году до 35,02 проц. в 1923 году, участие колоний возросло с 37,2 проц. в 1913 году до 39,2 проц. в 1923 году. Но это было достигнуто в первую очередь благодаря тому, что вывоз английского капитала направляется преимущественно в колонии. В 1913 году Англия вывезла на 200 миллионов фунтов капитала, в 1922 году на 150 миллионов фунтов, а в 1923 г. — на 130 миллионов фунтов („Статист", от 5-го января 1924 г.). Данные о размещении этого капитала следующие: в 1913 году Англия вывозила 98 миллионов фунтов в другие страны, 99 миллионов в собственные колонии; в 1922 году иностранные займы поглощают на 20, в 1923 году на 30 миллионов фунтов меньше, чем колониальные займы. Если Англия хочет теперь принять участие в восстановлении европейского хозяйства, то ей придется уменьшить вывоз своего капитала в колонии, уменьшить, таким образом, и их покупательную силу. Одновременно она должна считаться с тем, что растет промышленное производство ее колоний, и, таким образом, уменьшается перспектива беспрерывного роста их, как английского рынка сбыта.

Исходя из этих фактов, английская буржуазия отказалась в последних выборах от утопии консерваторов уйти из Европы, опереться в первую очередь на колониальные рынки, поскольку консерваторы вообще всерьез об этом думали. Английская буржуазия, которая с момента рурской экспедиции Пуанкаре присматривалась, не проявляя активности, к событиям в Европе, пытаясь только за кулисами подстрекать Германию к сопротивлению, решила вернуться активно в Европу. Ее роль зрителя во время рурской затеи была только вынужденной, ибо чем же она могла удержать Францию, взявшую в свои руки самостоятельное решение репарационного вопроса? Она не только не могла рисковать войной,

от ударов которой еще не вылечилась, но она даже не могла рискнуть остро противопоставить свою политику французской, ибо это обозначало бы разрыв Антанты. Но как же могла Англия решиться на разрыв с Францией, когда у нее нет ни одного союзника в Европе, и когда она не знает, каковы будут в будущем отношения С. Штатов Америки к ней?

Оставалось ждать, что Пуанкаре сломит себе шею на немецком сопротивлении, или что он даже в случае победы над Германией истощится. Последнее и сбылось. Пришло время английского вмешательства. Первой его формой было участие Англии в биржевых махинациях, направленных к понижению курса франка. Это привело Францию к признанию проекта экспертов. Теперешняя задача состоит в том, чтобы заставить Францию уйти из Рурского бассейна. Это обеспечит, во-первых, равные условия для Англии и Франции в попытках сделки с германскими королями угля и железа, устранит опасность создания франко-германского угольного и железного треста, во-вторых, уменьшит давление Франции на Германию вообще, уменьшит престиж Франции в Польше, Чехо-Словакии, Румынии и Югославии, где в последнее время Англия начала очень успешно противодействовать французскому влиянию. Если будет проведен заем для Германии в 400 миллионов золотых рублей, половину которого должна дать Америка, а половину—английские банки, то это сделает зависимой от англо-саксонского капитала не только Германию, но и Францию. Проведение в жизнь проекта экспертов интернационализирует германские обязательства. Германия не должна быть должником Франции. Ее место должна занять международная биржа. Тогда Франция не будет в состоянии держать Германию под ударом, дезорганизовывать ее хозяйство и сокращать таким образом английский рынок сбыта. Раз дела станут на эти рельсы, то возникает сильный толчок для уменьшения французских вооружений. Вот расчеты английского капитализма. Франция требует взамен своего согласия на такие решения отказа Англии от долгов, которые Франция имеет по отношению к ней. Английское правительство не соглашалось и не соглашается вычеркнуть французский долг. Макдональд уклонился до сего времени принять какие бы то ни было обязательства в этом направлении, и он их, наверное, не примет без уступок Франции в вопросах иностранной политики и в вопросах вооружения. Франция добивается, чтобы Англия согласилась на гарантию территорий, захваченных Францией, и обязалась совместно с Францией выступить с карательными мерами против Германии в случае неисполнения обязательств, принятых Германией. Англия пытается избавиться от этого последнего обязательства, отнимая у репарационной комиссии право установления германских упущений. Это право должно принадлежать банкам, которые дадут заем. Таким образом, Англия хочет взвалить вину за пощаду Германии

на Америку, без помощи которой нельзя финансировать займы. Макдональд, припертый к стене в Париже, выдумал переходную формулу участия в решении вопроса о вине Германии представителя Америки, являющегося агентом комиссии экспертов. Он надеялся, что ему удастся при помощи Америки еще на Лондонской конференции добиться более ясных решений, уничтожающих возможность французского саботажа предложения экспертов. Что же касается гарантирования французской безопасности, то от него Англия отбояривается всеми силами.

Активность политики Макдональда является, таким образом, результатом ослабления позиции Франции и возвращения Америки в Европу, ее участия в решении репарационного вопроса. Мы приходим, таким образом, к вопросу о том, почему С. Штаты Америки, которые после Версальского договора ушли из Европы, теперь возвращаются к ней и принимают участие в решении ее проклятых вопросов.

4. Возвращение Америки в Европу.

Соединенные Штаты были главным поставщиком мировой бойни. Если бы Великобритания не господствовала на морях, Соединенные Штаты поставляли бы хлеб, пушки, снаряды для обеих воюющих коалиций. Но путь в Германию был перерезан английским флотом. Только поддерживая Антанту, мог капитал Соединенных Штатов чеканить золото из крови. Для разрушения городов в Европе из-под земли вырастали новые города в Америке: города мясных консервов и города снарядных фабрик. Американская промышленность росла темпом, необыкновенным даже для этого континента бешеных перемен. Скоро Антанта оказалась не в состоянии оплачивать свои заказы. Тогда финансирование их взял на себя банковский дом Пирпонта Моргана. Гора долгов росла. А дела союзников в Европе становились все хуже и хуже. Россия теряла одну армию за другой. Румыния была разбита. Австро-германская коалиция открыла себе путь к Турции. Кто же заплатит союзные долги Пирпонту Моргану? Вильсон, выбранный во второй раз в президенты на основе обещаний мира и нейтралитета, ввел Америку в войну, вопреки ясно выраженной воле большинства ее населения, сломив всеми средствами капиталистической диктатуры сопротивление страны. Переход Америки на сторону Антанты решил победу антантовского капитала. Люди, питавшиеся пшеницей и мясом громадной северо-американской страны, люди, вооруженные Викерсом, Шнейдером-Крезо и Бетлехем-Стиль-Корпорешен, победили голодных людей, вооруженных только Круппом и заводами Скода. Америка вышла из войны, израсходовав 33 миллиарда долларов, имея в своем портфеле векселя союзников на 10 миллиардов. На корабле „Вашингтон“ отправился в Европу Вильсон, демократически-пацифистический президент Соединенных Штатов. Мелкобуржуазные массы западной, южной и восточной

Европы приветствовали эту куклу Моргана, как мессию, который привозит им после пушек 14 заповедей нового устройства жизни.

Идея Лиги Наций, выдвинутая Вильсоном, означала, по существу, стремление финансовой верхушки американского капитала к гегемонии над Европой. Она разбилась о непреодолимые препятствия как в Европе, так и в самих Соединенных Штатах. Гегемония Америки требовала осуществления свободы морей; но Великобритания не собиралась срыть крепости на скалах Гибралтара, Мальты, укрепления на песках Суэца, Адена и сотен других опорных пунктов английского флота. Франция, захватив Рейн, заявила: „Насчет самоопределения и насчет лозунга „против аннексии"—вы очень хорошо это сказали. Мы дезаннектировали Эльзас и Лотарингию, а Саарский бассейн может самоопределяться через 15 лет, если у немцев будет достаточно миллиардов, чтобы выкупить рудники и копи, которые будут работать вместо разрушенных в Северной Франции". Коротко говоря, стремление американского финансового капитала к установлению американской гегемонии в Европе натолкнулось на сопротивление союзного капитала. Само собой понятно, что задолженность Америке в 10 миллиардов долларов—не шутка. Но связанным является не только должник, но и кредитор. Американская финансовая олигархия не могла немедленно же после войны повернуть против держав, которым только-что помогла победить, если она не хотела неслыханно скомпрометировать себя в глазах американских масс. Что же касается военной помощи в будущем, то исход войны явился началом новых группировок держав при совершенно неизвестных комбинациях сил.

Если руководящие элементы победоносного европейского капитала дали решительный отпор стремлению американского финансового мира к диктатуре над Европой, то в Америке это стремление не встретило поддержки даже буржуазии. Промышленная буржуазия имеет в Америке громадный внутренний рынок. Перед ней возможность завоевания Южной и Центральной Америки, где единственным серьезным конкурентом осталась Англия. Перед ней Восточная Азия, где предстоит бой за будущее, во сто раз более притягательное, чем отстройка развалин Европы. Союзные державы должны американскому государству 10 миллиардов долларов. Надо их будет заставить уплатить, дабы уменьшить давление податей (проценты государственного долга равны сейчас всему довоенному бюджету), которые угрожают удорожанием стоимости производства. Если же Морган лично одолжил союзникам 4 миллиарда, то пусть он сам заботится об их возвращении.

Массы американских фермеров, мелкой буржуазии устали от войны. Вмешательство в европейские дела — это опасность дать себя впутать в новые военные авантюры. Версальский мир чреват опасностями новых войн. Если Европа настолько сошла с ума, что не знает иного выбора, чем мировая война или судороги ре-

волюции, то разумный американец должен повернуться к ней спиной.

И Соединенные Штаты повернулись спиной к Европе. Вильсон с его Лигой Наций в одной и с Морганом в другой руке был разбит. К власти пришла партия республиканцев, партия консервативной промышленной буржуазии, за спиной которой стоял нефтяной трест, с Рокфеллером во главе, и новая заповедь гласила: обособление от европейской драки, и да здравствует драка с союзниками за нефть!

Само собой понятно, что Соединенные Штаты Америки, в лице своего руководящего класса, ни на один момент не думали вообще уйти от мира сего, заняться только честным трудом в четырех стенах Соединенных Штатов Америки, как бы ни громадны были ее пространства. Для этого Соединенные Штаты Америки слишком велики, богаты и заинтересованы в развитии мировой политики. Во-первых, американская буржуазия вывозила капитал за границу, несмотря на то, что внутри самой Америки за последние годы возникло громадное количество новых акционерных обществ, с новым капиталом в 8 миллиардов долларов в год. Эти деньги шли в первую очередь в южно-американские страны, в Африку и Восточную Азию, а отчасти и в Европу. В Европе они осчастливили страны с сравнительно устойчивым капитализмом, как Норвегию, Швейцарию, где не было риска, 40 же проц. вывозимого капитала шло в Южную Америку. В Восточную Азию вывезли в 1922 г. капитала на 110 миллионов долл., в 1923 г. — на 70 млн. долларов. Участие Соединенных Штатов в покрытии займа на восстановление разрушенной землетрясением Японии—это одно из средств усиления той части японской буржуазии, которая является противником обострения отношений между Японией и Америкой. Во-вторых, Соед. Штаты вели очень энергичную мировую политику. „Ни один адмирал не затопил в своей жизни столько кораблей, сколько американский министр иностранных дел Юз на конференции в Вашингтоне в 35 минут“,— сказал английский военный писатель, полковник Репингтон, по поводу исхода Вашингтонской конференции, положившей конец первенству Великобритании на море. На той же самой конференции Соединенные Штаты заставили Великобританию отказаться от союза с Японией. На конференции в Лозанне Соединенные Штаты появились как первоклассная держава, в высокой степени заинтересованная положением на Ближнем Востоке. В то время, когда американский посол Чайльд играл только роль наблюдателя, представители нефтяного треста добивались и добились от англичан согласия на участие американского капитала в разделе нефти, освобожденой от турецкой тираннии. Даже по отношению к русским делам Америка ни на один момент не оставалась настолько бездеятельной, как это казалось читателю нот и речей благочестивого господина Юза, который притворяется, что знает о России только то, что в ней отсутствует „демократия“. Книга Девенпорта и Кука („Нефтяные тресты и англо-аме-

риканские отношения", Лондон, 1923) вполне подтверждает предположения докладчика Наркоминдела по нефтяному вопросу, тов. Аренса, что Генуэзская конференция была сорвана американским нефтяным трестом, который, не решаясь сам брать концессии на нефть в России, боялся что на эту сделку может пойти английский нефтетрест. Даже нефтяной скандал в Америке, который так повредил республиканскому правительству, был инсценирован агентами Стандард-Ойль, не побоявшимися скомпрометировать поддерживаемое им правительство только для того, чтобы добиться компрометации компании Синклера, имевшей смелость итти на нефтяную сделку с советским правительством и срывающей, таким образом, политику Стандард-Ойля. Американская политика по отношению к России есть политика собаки, сидящей на сене, которая сама не ест и другим не дает. Только по отношению к Германии Соединенные Штаты Америки оставались бездеятельными, выжидая момента, когда переход к активности даст им возможность, ценой самых незначительных расходов, добиться самых больших результатов. В своем докладе IV съезду Коминтерна о ликвидации Версальского договора я писал:

„Не предоставляя Германии займа, Америка может привести хозяйство и финансы Германии в такое состояние, при котором доллар купит промышленность Германии по самой дешовой цене. Когда бывший сенатор Нокс выступил с предложением о вмешательстве Америки в хозяйственные дела Европы, он выдвинул следующий план финансового контроля над Германией: так как Франция является врагом Германии, а Англия не пользуется доверием со стороны Франции, то над Германией невозможен ни французский, ни английский финансовый контроль, и надо назначить контролером американского министра Гувера, который является беспристрастным лицом. Такова программа контроля Америки над Германией, программа, которая при дальнейшем обострении экономического положения в Европе может скоро превратиться в действительность. Версальский договор, который устанавливал полное господство Франции над Германией, таким образом, ликвидирован, и вопрос состоит теперь лишь в том, в каких формах союзники признают эту ликвидацию. Вопрос, на который теперь еще нельзя дать ответа, состоит в том, произойдет ли эта ликвидация в форме соглашения между американским и французским или американским и английским капиталом". („Ликвидация Версальского мира"; октябрь 1922 года, стр. 17).

Ну, и вот ликвидация Версальского договора происходит путем англо-американской кооперации. Это положение создалось в результате следующих обстоятельств:

а) Марка крахнула, и Германия принуждена согласиться на все, что ей продиктуют ее спасители. Корреспондент „Кельнской Газеты" сообщает, что когда руководящие люди американских финансов развивали ему условия, на которых Америка „спасет"

Германию, он обратил их внимание на то, что Германия вряд ли сможет пойти на подобные условия, ибо она тогда вообще не будет иметь никакого права принимать какое бы то ни было участие в решении своей судьбы. На это недовольство условиями „спасения" американские финансисты ответили пожиманием плеч. Этого мало. Главным внешне-политическим препятствием для Америки в репарационном вопросе являлась боязнь оттолкнуть Францию. Еще в январе прошлого года г. Пуанкаре гордо заявлял, что он не намерен вручать судьбы Франции в руки международного финансового капитала. Поэтому именно он и пошел в Рур, чтобы самостоятельно решить репарационный вопрос. Теперь орган английского министерства иностранных дел „Дейли Телеграф" может холодно и открыто устанавливать, что, добиваясь поддержки франка английскими и американскими банками, г. Пуанкаре обязался подчиниться решению комиссии экспертов, руководимой представителем американской банковской фирмы Морган, маргариновым генералом Дауэсом. Пока Франция не находилась в положении, принуждающем ее к отказу от самостоятельной политики, Америка не могла на нее давить без того, чтобы не очутиться открыто на стороне Англии против Франции. Она не решалась на такое неделикатное обращение с Францией, ибо Франция может ей еще понадобиться против Англии. Теперь Америка проводит свою политику и выступает одновременно в роли спасителя и Германии, и Франции.

б) Не менее благоприятна позиция американского правительства с точки зрения положения внутри страны. Главный вопрос для финансовой верхушки Америки, толкающей Соединенные Штаты в Европу, состоял в том, как обеспечить себе поддержку или хотя бы нейтралитет широких масс. Эту поддержку обеспечивают Моргану аграрный кризис и начало промышленной депрессии. Уже в 1921 году Альберт Шоу, издатель американского „Обозрения Обозрений", писал в традиционном номере лондонского „Таймса", посвященном годовщине отделения Соединенных Штатов от Англии: „В первый раз в истории фермеры Соединенных Штатов начали понимать, что их личное благополучие зависит в большей степени от внешних отношений, чем от других элементов, влияющих на сельскохозяйственное производство". За это время аграрный кризис не ослабел, но усилился. В 1922 году 2 миллиона сел.-хоз. населения должны были бросить земледелие. В 1923 году в город эмигрирует уже 3 миллиона. Значительная часть северных земледельческих районов пустует. Начинается банкротство земельных банков. Правительство перед выборами принуждено выступить с какой-нибудь программой, обещающей облегчение положения фермеров. Возвращение Соединенных Штатов в Европу преподносится этим массам как средство завоевания нового рынка для американского хлеба. Это в значительной степени обман, ибо существо американского земледельческого кризиса состоит не только в уменьшении европейского рынка сбыта, но и в том, что Америка производит хлеб дороже, чем

Аргентина, Канада и Россия. Но крестьянские массы не так уж хорошо считают, чтобы Морган не смог им втереть очки. Характерно, что мелкобуржуазные представители фермерской массы, как Лафолетт и Джонсон, высказываются за „помощь Германии". Второй момент, благоприятствующий попытке втянуть Америку в дебри репарационного вопроса,—это промышленная депрессия, начавшаяся весной этого года. Уменьшение производства стали на 20 проц.; крупный кризис в текстильной промышленности; уменьшение производства автомобилей на 20 проц.; кризис в угольной промышленности,— все это указывает на тот факт, что рост американской промышленности опередил рост внутреннего рынка. Экономический поход на Европу представляется массам в качестве средства уменьшения безработицы, завоевания новых рынков сбыта в Европе, которая перед войной покупала 62 проц. американского вывоза и давала около 50 проц. американского ввоза, а теперь составляет только 55 проц. американского вывоза и 31 проц. американского ввоза. Наконец, 4.000 000.000 долларов золотом, т.-е. 40 проц. всего наличного в мире золота, лежащие даром в американских банках, угрожают обесценить это золото, угрожают так-наз. золотой инфляцией. Капитал — это ценности, рождающие прибавочные ценности; американское золото стремится в Европу, чтобы выколачивать прибавочную стоимость из белых европейских кули.

„Генерал Дауэс завершает победу генерала Першинга"—так озаглавило американское обозрение „Литерери Дайджест" статью о приемке доклада экспертов мировой прессой. Когда-то американский капитал представлялся Европе в качестве хорошого дяди, помирающего к радости своего промотавшегося европейского племянника. После, вместо комичного старика в высоком цилиндре и со звездным знаменем в руках, появилась невинная невеста с большим приданым—дочь миллионера, фабриканта зубной пасты в Чикаго, осчастливливающая своей рукою принца Генриха 67-го Рейс-Грейц и т. д. Теперь является пацифистская Америка со своими миллиардами в лице генерала Дауэса, в котором подлинными являются только эполеты [1]). Генерал Дауэс — это провинциальный американский адвокат, который, защищая интересы маленьких газовых компаний, пролез в банки, финансирующие эти предприятия, и, наконец пробрался в их управление. Так как бог вознаграждает праведников, то г. Дауэс погрел руки и вошел в распространенную семью бедных миллионеров. В качестве такого бедняка с парочкой миллионов он сделался агентом Моргана. Когда Америка вступила в войну, он

---

[1]) Берлинские „Дни", орган Керенского, очень обиделись на меня за эту статью о роли американского финансового капитала и для доказательства, какой я невежда, поучали меня, что американские офицеры не носят эполетов. Г-н Керенский проявил во время своего царствования в России такое уважение к эполетам, что я не могу отказать ему в звании спеца этого дела и исправляю здесь допущенную в моей статье ошибку.

стяжал чин генерала и мужественно сражался в интендантском бюро генерала Першинга. Вернувшись в Америку, повесил лавры и саблю на гвоздь и занялся старой прибыльной работой: представлял Моргана во многих подчиненных ему предприятиях. Когда же Морган решился включить Германию и всю остальную Европу в систему своих предприятий, генерал Дауэс для пущего блеска надел старый мундир и возглавил комиссию экспертов. До этого момента славный генерал Дауэс известен был Америке лишь тем, что, выступая на суде, курил трубку люлькой вниз и прекрасно играл на скрипке. Теперь генерал имеет все шансы думать, что от него, как от Колумба, начнется новая эра в истории человечества — эпоха открытия Европы Америкой. Колумб был, как известно, честный человек, но его затея пока-что кончилась тем, что феодальные и капиталистические разбойники Европы дочиста ограбили мирное население Америки. Мы ничего плохого не хотим сказать о сердце и совести искусного курителя трубок и скрипача-виртуоза, генерала Дауэса, но мы должны установить, что он отличается от Колумба тем, что едет в Европу с точным планом ее ограбления в кармане. План экспертов, как мы покажем в следующей статье, является самым утонченным орудием эксплоатации Германии. Шведский буржуазный экономист проф. Густав Кассель пишет с полным основанием („Свенская Дагеблат", от 6 июля):

„План Дауэса является совершеннейшим и успешнейшим планом систематического высасывания соков народа, живущего в условиях современной культуры".

5. Предложения экспертов.

1) Сколько требуют эксперты с Германии? Они не определяют общей суммы германских платежей и не устанавливают окончательного срока платежей. Но это только внешняя сторона дела, ибо из условий погашения промышленных и других облигаций и т. д. видно, что они рассчитывают, что платежи будут продолжаться 36 лет, и что эти платежи должны дать в общей сумме 90 миллиардов зол. мар. (теперешняя капитальная стоимость которых равна 40 миллиардам). Сумма платежей по лондонскому плану 1921 года была выше на одну треть.

По плану экспертов, Германия должна уплатить в 1924/25 г. 200 миллионов золотых марок; в 1925/26 г.—1.220 миллионов золотых марок; в 1926/27 г.—1.220 миллионов плюс или минус 250 миллионов (в зависимости от обстоятельств, которые здесь не зачем разъяснять); в 1927/28 г.—1.750 миллионов плюс или минус 250 миллионов (по тем же самым соображениям); в 1928/29 г. 2.500 миллионов. Этот последний год считается уже нормальным, и в следующие годы Германия должна уплачивать ту же дань, которая может быть повышена, если данные по-

требления угля, железа, роста внешней торговли и потребления табаку и т. д. укажут значительный рост благосостояния Германии. Сумма в 2.500 миллионов годичных платежей есть самая низкая сумма, которую союзники требуют от Германии. В лондонском ультиматуме (1921 г.) они требовали 2.000 миллионов плюс 26 проц. стоимости вывоза. Сама же Германия в предложении правительства Куно выдвигала сумму 1.800 миллионов в год. Для оценки размеров теперешних требований важно подчеркнуть, что эти 2.500 миллионов должны представлять сумму всех платежей Германии, в то время как до этого времени она уплачивала, по крайней мере, 1.000 миллионов в год на расходы по оккупации и т. д. Таким образом, не подлежит сомнению, что доклад экспертов предлагает уменьшение платежей в сравнении с той суммой, которую до этого времени союзники требовали от Германии.

2) Из каких источников должна Германия уплачивать дань? Первым источником должны являться пошлины, винная монополия, налоги на табак и пиво. Этот источник должен начать действовать только в 1925/26 году, давая в первый год 500 миллионов марок, в 1926/27 г.—110 миллионов марок, в 1927/28 г.—500 миллионов марок и по 1 250 миллионов марок, начиная с 1928/29 года. Вторым источником является промышленность, которая выпускает на 5.000 миллионов облигаций с оплатой в 5 проц. и в 1 проц. на погашение. Этот источник дает в 1925/26 году 115 миллионов, в 1926/27 г.—250 миллионов, а с 1927/28 г.—по 300 миллионов.

Третьим источником являются железные дороги. Оставаясь государственной собственностью, они переходят в эксплоатацию частного общества, которое выдает облигации на 11.000 миллионов, дающие те же проценты, что названные выше промышленные облигации. Вдобавок взимается транспортная подать. Этот источник должен дать в 1924/25 году 200 миллионов золотых марок, в 1925/26 г.—595 миллионов, в 1926/27 г.—840 миллионов, а с 1927/28 г.—950 миллионов.

3) Может ли Германия уплачивать эту дань? Доклад экспертов величается в мировой капиталистической печати как первая научная попытка оценить платежеспособность Германии. На деле Кейнс должен был признать, что „предложения насчет третьего и четвертого года основаны на предположениях о размерах германских доходов, которые могут оказаться так же фальшивыми, как и правильными“ (лондонская „Нейшен“, от 12 апреля). Это же можно сказать о всех других предложениях доклада экспертов. Их научное обоснование на деле сводится к следующей приблизительно комбинации:

Национальный доход Германии равен был в 1923 году, по вычислениям германского правительства, 25.000 милл. золотых марок. Податное обложение составляло 7.000 милл., т.-е. 28 проц. дохода. Если этот доход возрастет до 34.000 милл., т.-е. на 40 проц., то при сохранении даже податной нормы в 28 проц. хозяйство

без новых тягот уплатит дань союзникам. 1923 год был, благодаря рурским событиям, очень тяжелым для германского хозяйства. И поэтому,—говорят союзники,—Германия сможет уплатить то, чего от нее требуют.

Но где доказано, что рурский год был обязательно самым тяжелым для Германии? Германия переживает теперь очень тяжелый экономический кризис, о котором еще придется говорить, и никто не знает, не окажутся ли предложения экспертов новым карточным домиком. Но одно уже ясно: предложения экспертов фиксируют, что половину дани должны уплатить широкие народные массы путем увеличения бремени косвенных налогов на 1.250 милл. в год. Предложения экспертов, таким образом, построены на ухудшении положения рабочих, совершенно независимо от того, что,—это само собой разумеется,—и железные дороги, и промышленность будут пытаться перебросить на рабочую массу и ту часть дани, которую они должны нести.

4) В чем главное различие предложений экспертов от тех платежных планов, которые союзники до этого времени выдвигали?

а) Проект союзников с 1921 года вообще не определял, откуда Германия должна взять деньги для уплаты дани. На деле значительную часть своих взносов она уплачивала, продавая марку заграница, спекулирующей на ее будущее повышение. Кейнс очень хорошо описывает эту операцию в статье, посвященной докладу Мак-Кенна, бывшего английского министра финансов, о германском капитале, помещенном за границей. „5 лет,—пишет Кейнс,—выжимали победители Германии обеими руками лимон, так что у них руки болели. Всякую каплю собирали в чашу и только к концу заметили, что капли текут не из лимона, а с их собственных пальцев: сумма, уплаченная Германией на репарации, отвечает приблизительно той сумме, на которую заграница купила германских марок, не представляющих никакой ценности. Как нам сообщают, миллион иностранцев держали в германских банках счета в среднем в 4.000 золотых марок. В первую очередь эти легкомысленные люди уплатили германский счет. Эта группа состоит из банкиров, сведущих лиц по финансовым делам. Кроме них, миллионы парикмахеров, прислуги покупали на свои несколько шиллингов или фунтов германскую марку, свежую, как только она выходила из-под пресса, пока мир не почуял запаха этой марки".

А как только мир почуял запах германской марки, весь платежный план союзников полетел к чорту. Тогда господин Пуанкаре решил сам взимать налоги, захватив Рурский бассейн, как ограниченный, конкретный источник доходов. Чем это дело кончилось,—известно. По неофициальным сведениям, затея стоила Франции миллиард франков в месяц. Один сатирический журнал в Париже удачно изобразил положение, нарисовав генерала

Дегута, сидящего в Рурском бассейне, обложенного шубами и телеграфирующего Пуанкаре: „Работаем очень успешно, присылайте уголь, здесь очень холодно!“ Теперь союзники выдвигают третий план: они накладывают руку не на определенную область Германии, а на определенные источники доходов.

б) Главное затруднение союзников состояло до этого времени в том, что Германия была обязана уплачивать дань в иностранной твердой валюте. При пассивности ее торгового баланса покупка иностранной валюты привела к крушению марки. Но само собой понятно, что если бы союзники, стабилизировав путем займов германскую марку и получив ее обратно за счет репараций, начали ее вывозить, то в результате получился бы новый срыв стабилизированной марки, ибо, во-первых, это увеличило бы эмиссию, и, во-вторых, за эту марку союзники должны были бы брать у Германии товары, не давая ничего взамен, т.-е. еще более ухудшая ее торговый баланс. Какой выход из этого положения? План экспертов поставил вопрос о том, как перевести немецкие репарационные платежи из германской марки в иностранную валюту. С этой целью основывается золотой банк, находящийся под решающим контролем союзников, в который стекаются все репарационные доходы в марке. Банк реализует марку в иностранную валюту только в том случае, если это позволяет торговый баланс Германии, в противном случае деньги остаются в Германии. Из этой суммы до 2 миллиардов марок употребляется для краткосрочных финансовых операций, до 5 миллиардов золотых марок может оставаться в Германии. Вывозятся только проценты. Что это означает? Это означает, что репарационные суммы должны служить для закупки промышленных предприятий в Германии и т. д., для регулирования германского кредита. Американский банкир Юнг, который предполагается главным репарационным агентом, заявил несколько дней назад известному корреспонденту „Матен“ Зауэрвайну, что совершенно неизвестно, удастся ли вообще переводить значительные суммы из Германии за границу. Тогда останется только одно: вкладывать деньги в немецкое хозяйство, т.-е. путем репараций оккупировать экономически Германию. Не зачем специально широко объяснять опасность, с этим связанную. Так как Франция очень нуждается в деньгах, то вряд ли она может удовлетвориться процентами и будет стремиться к капитализации долга путем международных займов. Уже самый факт, что железнодорожные и промышленные облигации придется продавать в первую очередь в Америке и Англии, создает опасность непосредственной заинтересованности международного капитала в увеличении эксплоатации германских рабочих. Будущие международные займы еще более увеличат эту заинтересованность. Германский рабочий класс будет предметом эксплоатации всего международного капитала и

в своей революционной борьбе будет иметь с ним дело еще в десять раз в больших размерах, чем теперь, вследствие его положения в сердце Европы.

в) Понадобилось бы слишком много места, чтобы дать конкретную картину организации управления германских железных дорог, нового предполагаемого банка. Достаточно сказать, что союзники сохранили за собой решающее влияние в этих двух основных инструментах германского хозяйства. Они будут определять число рабочих, занятых на железных дорогах, заработную плату, высоту железнодорожных тарифов. Они будут определять кредитную политику Германии. Доклад экспертов указывает вполне ясно, какая цель преследуется при этом. Германия перед войной и после войны увеличила способность конкуренции своей промышленности на иностранном рынке путем понижения железнодорожных тарифов, уплат в гаванях и т. п. Доклад экспертов не скрывает, что, беря в свои руки железные дороги, союзники приобретают рычаг для уравнения условий конкуренции между Германией и другими странами. Ту же самую цель преследует увеличение немецких податей. Доклад экспертов говорит совершенно определенно, что „было бы несправедливо и во всех отношениях нежелательно, чтобы плательщик союзных стран подвергался в качестве потребителя более тяжелым налогам, явившимся в результате войны, нежели немецкий потребитель, или же в качестве производителя был бы обременен в торговой конкуренции более высокими расходами, в том числе и заработной платой, чем его немецкий конкурент".

Смысл предложений экспертов очень ясен. Репарации не являются главной целью этих предложений. Главной их целью является регулирование экономической жизни Германии союзным и американским капиталом в соответствии с его интересами. Недаром уже накануне Лондонской конференции в английском парламенте господин Болдуин, председатель консервативной партии и бывший совладелец известной машиностроительной фирмы, заявил: „Мы не можем отделаться от факта, что, ставя на ноги Германию, мы одновременно восстанавливаем нашего наиболее сильного и наиболее опасного конкурента... Я поэтому спрашиваю премьер-министра, хочет ли он продумать вопрос, какие надо принять меры, дабы германская промышленность путем податей или другим путем была наказана так же, как и наша промышленность".

5) Значение предложений экспертов. Подводя итоги вышесказанному, мы можем сказать, что предложения экспертов представляют собой ликвидацию Версальского договора, но не в лучшую, а в худшую сторону. Политика Франции хотела

разорвать в куски Германию. Это была безнадежная затея не только потому, что не так легко разорвать в куски промышленный народ в 60 милл. человек; не только потому, что при этой попытке Франция развязывала бы громадные революционные силы в Германии и надорвала бы свои собственные силы,—затея Пуанкаре, кроме того, обостряла англо-французские отношения и, таким образом, ставила самоё себя под знак вопроса. Предложение экспертов отдает эксплоатацию Германии в руки международного капитала, пытаясь создать солидарный его интерес против германского народа. Один из умнейших консервативных публицистов, редактор „Базельских Известий" Эри, совершенно правильно заметил, что предложения экспертов являются мерилом, насколько солидарность капиталистических интересов может быть поставлена на место их конкуренции, как гарантия мира. Мы можем добавить: и как гарантия эксплоатации народных масс международным капиталом. Удастся ли эта попытка, — может показать только будущее. Но уже теперь ясно громадное противоречие, лежащее в основе этой попытки. Предложения экспертов могут быть проведены в жизнь только при условии, что иностранный капитал, в первую очередь английский и американский, потянется к Германии в форме займов, покупки облигаций и т. д. Этот капитал получит прибыль, только развивая германскую промышленность и ее способность конкурировать на мировом рынке. Но интерес руководителей основных отраслей промышленности требует ограничения германской конкуренции. Капиталистически это противоречие могло бы разрешиться только при очень скором расширении емкости мирового рынка, которое позволило бы одновременно расширять английскую, американскую, французскую и германскую промышленность. Но пока-что не видно, откуда могло бы притти такое расширение мирового рынка. Существуют только два громадных новых рынка,—это русский и китайский. Но даже если отвлечься от того, что Советская Россия не намерена сделаться страной производства сырья и рынком сбыта иностранной промышленности, что политические условия Китая не позволяют капиталу проникать свободно туда, что понадобились бы две громадные победоносные для империализма войны для создания политических условий безграничного открытия русского и китайского рынков,—то и экономические условия не благоприятствуют скорому расширению этих рынков для иностранного капитала. И Россия, и Китай—земледельческие страны. Они могли бы скорым темпом расширить свою покупательную силу только при наличии очень долгосрочных и громадных кредитов, которые теперь международному капиталу не по силам. И поэтому доклад экспертов не уничтожает необходимости революционного

решения репарационных противоречий, а создает только новые условия для них. Интернационализация эксплоатации Германии вызовет интернационализацию борьбы рабочего класса, ибо сведение германских рабочих к положению китайских кули угрожает английскому, французскому, американскому и международному пролетариату.

Но перед тем, как перейти к этому вопросу, надо спросить себя: примет ли Германия требования экспертов?

6. Причина германской капитуляции.

К концу октября прошлого года германская буржуазия стала перед полным банкротством. В обороте находилось 93 триллиона марок, но они имели стоимость только 155.000.000 золотых марок. Марка перестала быть средством обмена. Нельзя было на нее покупать. Промышленность продавала и покупала за иностранную золотую валюту, деревня отказывалась давать за бумагу хлеб, всякий, кому было не лень, печатал деньги. 9-го ноября правительство приступило к выпуску так-наз. рентовой марки, стоимостью равной довоенной золотой марке: доллар стоил 4,20 марки. В продолжение нескольких месяцев, а именно с 15-го ноября до апреля выпущено было 2 миллиарда рентовых марок. До этого около 700.000.000 банкнотов—по тому же самому курсу. Общее количество денег, находящихся в апреле в обращении, равно 3 миллиардам золотых марок. Как случилось это чудо, на котором базируется вся пресловутая германская стабилизация? Во время апогея развала германской денежной системы мюнхенский сатирический орган „Симплициссимус" поместил картину, которая представляла немецкого профессора с очками, надвинутыми на лоб, с зонтиком в руках, который глубокомысленно заявлял: „Нашу марку можно спасти только возрождением нашего духа". Ну, и вот дух возродился. К концу октября германской буржуазии удалось далеко отбросить назад рабочий класс. На этой почве психологического перелома, воссозданной уверенности буржуазии, совершилось денежное чудо: германская буржуазия выпустила ничем не обеспеченные деньги, заявив, что они имеют стоимость золота, а так как полное расстройство денежной системы вызвало в широчайших массах буржуазии, мелкой буржуазии, а также пролетариата буквально тоску о какой-то социальной передышке, о денежном знаке, который бы завтра еще имел какую-нибудь стоимость, то рентовая марка была принята: она,—мы повторяем это,—ничем не обеспечена, ибо обеспечение 4%-ной ипотекой на всю недвижимую собственность является чистой фикцией. Ее нельзя обменять на золото, за границей ее не принимают, на нее можно только получить так называемые рентовые бумаги, дающие 5% в год, в то время как банки дают за депонированные деньги 20 и больше процентов. Около 3 миллиардов

рентовых марок было брошено в оборот, началось мнимое возрождение промышленности, которое вызвало самые радужные настроения у части буржуазии.

В начале апреля рентовая марка начала колебаться, государственный банк был принужден для ее спасения применить самую жестокую кредитную политику, с апреля месяца начинается растущее обострение экономического кризиса. 18-го апреля профессор Хармс поместил в известном экономическом журнале „Виртшафтсдинст" статью, в которой назвал проделанную германским правительством финансовую операцию самой грандиозной инфляцией, которая кончится экономическим крахом. „Разве германский народ разбогател в продолжение последнего года? Разве что-нибудь случилось, что могло бы улучшить основы германского хозяйства? Разве интенсивность труда возросла, и разве ее рост объясняет увеличение потребления?" Он отвечает, что рентовая марка является чистым продуктом литографского искусства. Германский экспорт не увеличился. Дефицит германского торгового баланса в первые полгода 1924 года равен 1.600.000.000 золотых марок; этот дефицит был покрыт тем, что промышленники должны были, в виду отказа в кредитах государственного банка, пустить в ход накопленную за границей и в Германии иностранную валюту. С момента сокращения кредитов государственного банка растет безработица. Сельское хозяйство, потерявшее благодаря инфляции значительную часть своих сбережений, поскольку не поместило их в иностранной валюте, принужденное теперь уплачивать подати в рентовой марке, т.-е. в золотой стоимости, очутилось в неслыханно стесненном положении. Рабочий класс, получающий 60—70% своей довоенной заработной платы, страдающий от безработицы, мелкая буржуазия, находящаяся в еще более плохом положении, не в состоянии покупать сельскохозяйственные продукты в довоенных размерах. Достаточно сказать, что потребление мяса упало с 50 клг. в год на душу до 23 клг. Кризис сбыта в сельском хозяйстве создал, при дороговизне промышленных изделий и высоте податей, тяжелый сельскохозяйственный кризис. Государству удалось в первое полугодие сбалансировать свой бюджет, но это было, в первую очередь, результатом получения от рентового банка за право выпуска рентовой марки 1.200.000.000 рентовых марок, как и целого ряда единовременных податей. Поскольку дело идет о постоянных доходах, бюджет опирается, в первую очередь, на косвенные подати и на обложение пролетариата вообще; это означает невозможность расширения в дальнейшем в значительной мере бюджета, ибо вся политика буржуазии, стремящейся уменьшить заработную плату и удлинить рабочий день, должна сократить дальнейшую способность увеличения обложения рабочих.

Германская буржуазия пришла на основе этого положения к убеждению, что положение могут спасти только иностранные займы. Иностранные займы должны не только спасти рентовую

марку, не только помочь уплачивать репарации, но они должны хлынуть широкой волной в промышленность и в банки и помочь таким образом выйти из катастрофического положения. „Кельнская Газета" обрисовала положение 19-го июля в следующих словах: „Что случится, если Лондонская конференция кончится крахом? Это будет конец первой и пока-что последней попытки Соединенных Штатов помочь Европе своим международным авторитетом и своим капиталом. Германское хозяйство, которое сегодня живет надеждой на иностранную помощь, обанкротится, а с ним — германское государство. Хаос в сердце Европы потрясет весь континент, московские владыки, которые теперь, считаясь с германским распадом, ведут подпольную пропаганду с большим успехом среди германского народа, попытаются сделать из нашей страны мост для похода мировой революции на Запад; а Франция пойдет, благодаря растущему развалу ее денежной системы, по следам своего соседа". Германский министр финансов, г. Лютер, многократно мотивировал абсолютную необходимость принять предложение союзников совершенно безнадежной картиной экономического положения Германии. Проф. Брауэр, который, полемизируя против Хармса, пытался смягчить впечатление, получившееся от его выводов, вынужден был все-таки заявить: „Союзником наших противников является время, которое теперь действует против нас; эксперты знают, что мы не можем ждать".

Да, это знает капитал Антанты; поэтому Лондонская конференция должна была кончиться капитуляцией Германии.

7. Лондонская конференция.

Это состояние всех определяющих факторов международного положения предрешало неизбежность лондонского компромисса. Вопрос шел только о том, в какой мере Франция подчинится властному голосу своего положения, в какой мере Германия попытается дать отпор стремлениям Франции ухудшить предложения экспертов.

Лондонская конференция дала картину столь ясную, столь выразительную, как ни одна из конференций мировой дипломатии. Она показала в истинном свете, кто является настоящим победителем в войне, она показала миру с полной ясностью, что если рабочий класс не в состоянии взять власть, установить свою диктатуру, то его место занимает победоносный американский и английский капитал, ибо нет места для демократии в условиях, созданных войною, и нет места в них равноправным отношениям наций.

Все заинтересованные державы уже перед Лондонской конференцией признали доклад экспертов, но еще до конференции всякая из них пыталась этот договор изменить в свою пользу, в первую очередь, в области политических предпосылок применения доклада экспертов. Эксперты не выдвигали открыто вопроса об этих условиях, так же, как не говорили, что проведение в жизнь их доклада требует устранения восьмичасового рабочего дня в Германии, полнейшего подавления рабочего движения, так же они избегали потребовать открыто очищения Рурской области французами; они довольствовались требованием освобождения Германии от всякого рода постороннего вмешательства в экономическую жизнь, не предвиденного в их плане; требованием создания единой хозяйственной территории они требовали открыто только устранения экономического хозяйничания французов в Рурском бассейне, устранения таможенной линии между Руром и Германией, устранения навязанного германской промышленности договора с французской комиссией инженеров, устранения взимания французами в Рурском бассейне налогов и т. д. Но на деле это требование подразумевает полное очищение Рурской области, ибо армия не живет в воздухе и, находясь на столь плотно населенной территории, как рурская, она не в состоянии не вмешиваться в экономическую жизнь этой территории. Армия нуждается в сохранении линий сообщения, что предполагает контроль трех линий, а именно: Саарбрюкен—Майнц. Кельн—Льеж и Кобленц—Трир.

По этому вопросу Франция дала отчаянный бой. Она защищала и теперешнюю оккупацию Рурского бассейна, и право на оккупацию в будущем. Что касается будущего, то перед конференцией Макдональд пошел на компромисс, полетев специально для этой цели в Париж. Эррио, понятно,—демократ и пацифист, но Комите де Форж, но французские банки держат в своих руках всю французскую прессу. Демократические органы, как „Эвр" „Котидиен", имеют очень хорошие демократические принципы, но не имеют денег. поэтому не имеют корреспондентов, телеграмм и поэтому имеют очень маленький тираж, бульварная же пресса в руках капитала, в руках империалистов. Господин Эррио—пацифист и демократ, но цыпленок тоже хочет жить, и никакой не будет пользы от того, если господин Эррио вернется со своей демократией в девичье состояние парламентской оппозиции. Господин Макдональд еще более решительный демократ и еще более решительный пацифист, чем Эррио, он имеет марку II Интернационала, марку, одинаково хорошую в войне, как паспорт защитника отечества, и одинаково хорошую, как пропуск для пацифиста самой лучшей породы. Но если полетит вверх тормашками правительство левого блока, то от этого умиротворение Европы не выиграет, а, наоборот, будет отброшено назад. Мало того: если господину Макдональду не удастся спасти своего миролюбивого друга, господина Эррио, то и сам господин Макдональд очутится в беде и полетит вверх тормашками. Поэтому, дабы

не победил злой Пуанкаре,—да здравствует политика Пуанкаре!

Господин Макдональд, который только-что в телеграмме, разосланный английским послам, заявил, что английское правительство требует устранения права репарационной комиссии решать вопрос о вине Германии, и что оно не признает права Франции на самостоятельные карательные меры по отношению к Германии, в Париже признал за репарационной комиссией право суждения о том, выполняет ли Германия договор. Франция, со своей стороны, в качестве уступки согласилась на приглашение для решения этих вопросов в репарационную комиссию американского представителя, не определяя, в качестве кого, с какими правами он там будет находиться. Это была полная капитуляция перед Францией, ибо репарационная комиссия является полностью органом Франции. При составе репарационной комиссии из одного англичанина, одного итальянца, одного бельгийца и одного француза и при французском председательстве положение в комиссии складывалось всегда так, что бельгийский представитель голосовал совместно с Францией, а французский председатель в случае равного количества голосов решал в пользу Франции. Господин Бредбери,—английский представитель контрольной комиссии, начал играть настолько смешную роль, что это толкнуло этого серьезного старика на очень легкомысленный образ жизни в Париже, который его сделал предметом насмешек.

Но эту сделку, с которой на конференцию явились и господин Эррио, и господин Макдональд, опрокинули английские и американские банкиры. Лучше будет рассказать это происшествие на Лондонской конференции словами так мало предубежденного против финансового капитала человека, так хорошо знающего закулисную историю дипломатии последних лет, каким является старый „демократ и пацифист" Ллойд-Джордж, который в прекрасной статье в „Дейли Кроникл", заслуживающей полного распространения со стороны всех друзей коммунизма, описывает драматическую сцену диктовки условий английской и французской дипломатии представителями английских и американских банкиров:

„Но этот компромисс, представляя собою мост, достаточно сильный, чтобы по нему могли пройти министерства, миновав министерские кризисы, не был достаточно прочен для транспорта массивных слитков золота из погребов Уолл-Стрита и лондонской биржи. Господин Монтагю Норман (директор Английского банка) высказал свое мнение в помещении английского казначейства очень вежливо, но энергично. Джон-Пирпонт Морган по радио поднял свой голос с парохода так громко, что его было слышно сквозь гул морских волн. „Без исполнения условий, поставленных банкирами,—заявили они.—нет займа". Но заем является стержнем доклада Дауэса. Если отнять заем, то исчезает доклад. Это был ультиматум банкиров, и они от него не отступили, несмотря на все попытки их уговорить; реши-

тельность банкиров вызвала переполох на Лондонской конференции. Британское казначейство стало в лице своего непреклонного канцлера (т.-е. вождя II Интернационала г. Филиппа Сноудена) выразителем требований банкиров. Договор, заключенный между Эррио и Макдональдом, сделался вещью столь же опасной, как и незначительной, не имеющей никакого отношения к существу вопроса и служащей только политическим целям. После четырех недель торга и оттяжек американские и британские банкиры добились своего".

То, чего не могла добиться пацифистская французская демократия плюс представители французской социал-демократии, со златоустом Леоном Блюмом во главе, то, чего не могла добиться английская Рабочая партия, находясь у власти,—этого добились банкиры, заявив твердо: или вы примете наши условия, или мы денег не даем.

Решением Лондонской конференции признается за Францией право самостоятельных действий, но обстоятельства, в которых допускается эта свобода действий, решение обвинить Германию в неисполнении договора,—решение это принимает репарационная комиссия с участием американского представителя, имеющего равные права с другими членами комиссии. Таким образом, Франция теряла в этой комиссии большинство. Всякому участнику репарационной комиссии предоставляется еще право апеллировать к суду. Этот суд назначается из трех представителей нейтральных стран, с американцем во главе. В случае, если репарационная комиссия не сойдется в выборе судей, то выбор их определяется председателем международного суда в Гааге, столице Голландии, находящейся, наверное, в большей зависимости от Америки и от Англии, чем от Франции.

Таким образом, в вопросе о будущем Франция потерпела решительное поражение, но ей удалось спасти все-таки право сохранения военной оккупации Рурского бассейна в продолжение года. Что означает это право? Для одних это только жест, это только мост, по которому господину Эррио будет легче повести своих националистов на поклон к английским и американским банкирам. Раз Франция обязана экономически эвакуировать Рур, перестать взимать налоги, пошлины в Руре, раз она теряет право хозяйничанья в шахтах и рудниках Рура, то этим они, французские войска в Руре, исполняют только роль почетной стражи у гроба, в котором находится труп политики Пуанкаре. Другие говорят, что, разрешив Франции оставить свои войска в Руре, союзники на деле свели на-нет весь доклад экспертов. Правда лежит в середине обеих этих крайностей. Дальнейшее пребывание французских войск в Руре есть выражение недоверия Франции в возможности проведения в жизнь доклада экспертов.

Парижский корреспондент „Манчестер Гардиан" Гамильтон, один из самых умных наблюдателей французской политики, со-

вершенно прав, когда он пишет, что французские империалисты убеждены в провале лондонского компромисса, они считают, что план Дауэса носит в себе элементы неудачи, и они спекулируют на том, что в самой Англии растет оппозиция против репараций вообще и плана экспертов в частности, они спекулируют, наконец, на том, что в Германии начнется скоро саботаж решений Лондонской конференции. Тогда французские войска в Руре будут не остатком политики Пуанкаре, а началом новой французской политики захвата и порабощения Германии. Руководящие элементы тяжелой промышленности во Франции и французская военщина подчиняются демократическому пацифистскому поветрию, но остаются с оружием в руках, готовые завтра перейти в новое наступление.

Но, защищая дальнейшую оккупацию Рура, господин Эррио действовал не только под давлением этих соображений французского империализма и французской военной партии. Господин Эррио—пацифист и демократ, но сколько раз злой империализм насиловал демократию и пацифизм? Господа демократы привыкли смотреть на себя, как на калифов на час. Если не удастся получить пацифистским путем германских платежей, то господин Эррио не откажется получить их путем насилия. Мало того: Эррио пытался во время лондонских переговоров добиться ряда уступок от Англии и от Америки. Он пытался добиться конкретных обещаний в вопросе о задолженности Франции, но американцы не хотели об этом вопросе даже говорить, заявляя, что они связаны решением сената и до новых выборов им нельзя вдаваться ни в какие разговоры на эту тему, а Макдональд отговорился готовностью в будущем обсудить вопрос, не принимая пока-что никаких обязательств. Держа войска в Руре, Франция считает, что имеет средство давления на Англию: не сделаешь уступки в вопросе о долгах,— войск из Рура не уведем.

Ту же самую роль должен играть захват Рура в вопросе о гарантиях безопасности Франции. Как известно, генерал Фош добивался в Версале левого берега Рейна в качестве этих гарантий. Америка и Англия отказались итти на это, обещая взамен договор, гарантирующий Франции помощь обеих стран на случай немецкой войны-реванша, но американский сенат послал к чорту Версальский договор вместе со всякими гарантиями, а Англия отказалась односторонне принимать по договору гарантии. Франция добивается нового договора.

По отношению к Германии Франция надеется использовать оккупацию Рура для того, чтобы навязать ей в 1925 году односторонний торговый договор с наибольшим благоприятствованием, а кроме того, добиться права беспошлинного ввоза текстильных изделий Эльзаса, ввоза на специально выгодных условиях вин и т. д., и т. д. Таким образом, продолжение на год оккупации Рура, которое противоречит не только Версальскому договору, но даже той мотивировке, с которой Франция вошла в Рур,—

как известно, она утверждала, что занимает Рур войсками только для охраны работы английских инженеров в Руре, которые теперь, ведь, оттуда исчезают, — представляет собою важное средство предосторожности Франции на случай банкротства лондонского компромисса, но не уничтожение самого этого компромисса.

С экономической точки зрения Франции удалось добиться целого ряда улучшений условий, предложенных экспертами. Во-первых, Франция добилась того, что она в дальнейшем будет иметь право поставок натурой из Германии из средств так-называемой комиссии трансфера, т.-е. комиссии перевода немецких репарационных платежей из марки в иностранную валюту. Эти поставки натурой кончались в ближайшие годы. Германия обязана теперь их продолжить на неограниченное время. В числе поставляемых товаров находятся кокс, предметы химического производства. Германское правительство обязуется поощрять сделки насчет этого вывоза. В случае отказа германских промышленников поставлять эти товары германское правительство принимает на себя обязательство поставки. Если германское правительство не сойдется с Францией насчет размера этих поставок и цен, вопрос решает специальный международный суд. Это есть крупное завоевание Франции, увеличивающее иностранное хозяйничанье в Германии, и одновременно это есть средство, при помощи которого та сравнительная выгода для Германии, которую предвидело решение комиссии экспертов о переводе платежей из германской марки в иностранную валюту, сводится на-нет; это решение предвидело, что если в руках комиссии переводов собирается 5 миллиардов марок, и условия мирового денежного и вексельного рынка не позволяют перевода этих репарационных сумм в карман союзников, то германские обязательства должны быть понижены. Делая закупки в натуре в Германии, Франция имеет средство не допустить собрания суммы до уровня 5 миллиардов, требующей пересмотра германского обязательства. Мало того: безэквивалентный вывоз товаров будет иметь те же самые плачевные последствия для германского хозяйства, что и вывоз репараций деньгами,— он будет давить на торговый баланс Германии и на положение ее денежного обращения.

Другой пункт, ухудшающий условия экспертов, состоит в том, что комиссия переводов получает право закупки промышленных акций в Германии, даже в тех областях промышленности, в которые германское правительство не хочет пускать иностранный капитал. В этом случае вопрос решает снова международный суд, который, понятно, будет больше считаться с интересами иностранного капитала, чем с интересами Германии.

Германия приняла без дискуссий доклад экспертов, заявив только, что требует немедленного очищения Рурского района. Когда германские представители явились в Лондон, доклад экспертов был значительно ухудшен, но и его пришлось принять. Мало того: Германия приняла лондонский компромисс, несмотря

на то, что французская оккупация продолжается на год. Когда германские представители пытались угрожать срывом конференции, намекая на необходимость поездки в Берлин, пацифист и демократ Макдональд заявил немецкому рейхсканцлеру, что ему никто не мешает ехать в Берлин, но пусть он знает, что когда он вернется в Лондон, он не найдет Макдональда. Американский ангел-хранитель также пожал плечами и указал Германии: раз она так долго страдает от французской оккупации, то может еще пострадать год.

Это все вместе называлось переговорами равных с равными.

Что означает в общем лондонский компромисс? Он означает в общем победу английского и американского финансового капитала и над Германией, и над Францией, с той разницей, что Германия выдана с головой, в то время как Франция, опираясь еще на свою военную силу, которую может предоставить в будущем американскому капиталу против Англии, сумела отвоевать себе известное обеспечение на тот случай, если английский и американский капитал не сумеет справиться с германским хаосом, и отвоевать себе некоторые куски со стола английской и американской биржи.

Это есть результат Лондонской конференции с точки зрения междугосударственных отношений. С точки зрения же междуклассовой, наилучшим образом этот результат определяет орган Херста „Американ", говоря: „Не выбранные народом представители руководят миром, а банкиры, которые распоряжаются деньгами других людей". Жрецы банковского капитала сами испугались этой яркой картины. Господин Морган поспешил заявить через свою агентуру, что банкиры ограничивались только экспертизой условий, на которых денежный рынок примет заем.

„Союзные правительства, — говорит Морган, — затребовали от нас разъяснения, какие условия должны быть выполнены для размещения немецкого займа в Америке. Мы не имели никакого желания,—и это вообще не наше дело,—делать какие бы то ни было политические заявления, еще меньше мы пытались навязывать наши политические взгляды. Мы ограничились предложением вопросов, и дело союзных правительств было определить, считают ли они предложенные нами условия приемлемыми, или нет. Не приходится говорить о том, что мы, банкиры, не могли требовать от американского покупателя, чтобы он покупал немецкий заем, пока союзники в срок, который они сочтут необходимым, путем, который они сами выберут, по причинам, зависящим только от их политики, не создадут условий безопасности для покупателей займа".

Скромничает американский миллиардер, рассчитывая на очень короткую память читателя. Господин Морган был финансовым уполномоченным английского правительства в Соед. Штатах Аме-

рики во время войны. И когда ему представлялось удобным, когда он мог на этом заработать сотни миллионов, он обманывал американских покупателей займов, и сотни миллионов союзных займов были размещены при его помощи на американском рынке; проценты от большинства союзных займов, помещенных в Америке, уплачивают не эти страны, а американское казначейство за счет американских плательщиков налогов. Если теперь Морган ставил условия союзникам, которые равнялись ультиматуму, то он делал это не из забот о покупателях займов, а потому, что теперь дело идет не о сотнях миллионов прибыли, а о порабощении всей Центральной Европы. Чем более строги условия займа, тем более безусловным будет подчинение Центральной Европы воле американских и английских банкиров, тем крупнее в будущем барыши. Вот почему господин Морган вдруг начал защищать карманы мелкой буржуазии Америки, с которой тащит деньги на заем. Вот почему он выступает с невинной миной защитника безопасности сбережений капиталистической мелкоты.

Циничное обнажение диктатуры финансового капитала опасно и для господ из II Интернационала. Поддерживая во время войны свой отечественный капитализм, вожди II Интернационала прикрывались лозунгом защиты отечества. Помогая после войны душить рабочую революцию, все эти Носке, Вельсы прикрывались тем, что демократическим путем рабочий класс придет к власти и к социализму медленно, но верно, в то время как путь пролетарской диктатуры—это путь скорый, но ведущий к гибели. Чем же они могут объяснить народным массам то, что помогают создать диктатуру мирового финансового капитала, самую беспощадную диктатуру, какую только знал мир. Попытки оправдать эту диктатуру тем, что она даст хлеб, вздорны, ибо всякий рабочий почувствует скоро, что эта диктатура отнимает у него хлеб. Говорить рабочим, что эта диктатура даст мир, трудно: они видели, как финансовый капитал создал мировую войну; они видят бешеный рост вооружений, подгоняемый тем же самым финансовым капиталом, и который должен снова привести к мировой войне. Поэтому не остается ничего другого, как отрицать существование диктатуры английского и американского финансового капитала. Господин Филипп Сноуден, член II Интернационала и министр финансов Англии, поспешил заявить в своем интервью в „Манчестер Гардиан":

„Я читал во французской печати много горьких и иронических рассуждений о влиянии международных финансов на Лондонскую конференцию. Я видел карикатуры на себя, как на орудие международных банков. Я считаю своей обязанностью заявить, что международные финансисты никогда не пытались влиять на решения конференции, поскольку дело касалось политических вопросов. Они ограничивались только ответом на поставленные вопросы об условиях, при которых можно ожидать от публики

подписки на германский заем". Господин Сноуден выступает как свидетель господина Моргана, а Морган—как свидетель господина Сноудена. „Вызвал цыган своих ребят в свидетели",—говорит польская пословица. Кто не поверит господину Сноудену, вождю II Интернационала, когда его поддерживает Морган, американский миллиардер, и кто не поверит жрецу американских банков, когда его поддерживает жрец международной социал-демократии? Но когда люди молчат или врут,—говорят камни.

„Кто отвечает за этот триумф дипломатии в Лондоне? Я не сомневаюсь, что господин Макдональд был умным и гибким, что господин Сноуден брал быка за рога, что господин Тэннис умел всегда находить выход, что господин Келлог был умен и полон идей, что господин Эррио проявил много моральной отваги. Но одна вещь господствует над всем. Лондонский договор не был бы никогда заключен, если бы не энергичное и грубое вмешательство международного финансового мира. Протокол, который был подписан союзниками и Германией, является триумфом международных банкиров. Они отбросили в сторону государственных мужей, политиков, юристов, журналистов, они ставили свои требования, как абсолютные монархи, знающие, что против их декретов нет апелляции. Лондонский договор является указом объединенного короля—доллара и фунта стерлингов. Доклад комиссии Дауэса был их делом, они этот доклад инспирировали и оформили".

Так говорил Ллойд-Джордж, и мы запишем это для международного пролетариата!

8. Внешне-политические перспективы Лондонского соглашения.

Как и надо было ожидать, после французского парламента и немецкий рейхстаг ратифицировал Лондонское соглашение, принимая большинством $^2/_3$ голосов вытекающие из него законы. На бумаге, таким образом, соглашение осуществлено, и мир и благодать могут начаться в Европе. Будет ли это соглашение проведено в жизнь на деле,—это зависит от стольких обстоятельств, что нельзя сказать об его осуществлении ничего определенного.

Первым условием осуществления Лондонского соглашения является ряд займов для Германии, в общей сумме 17 миллиардов золотых марок, которые должны в продолжение ближайших лет быть мобилизованы на мировом рынке. Удастся ли их мобилизовать, — неизвестно, ибо это будет зависеть в первую очередь от хозяйственного состояния Соед. Штатов. Деньги, накопленные в подвалах американского правительства, само собою понятно, не будут употребляемы для этой цели. Речь может итти только о том, даст ли частный капиталист банкам, финансирующим германские

займы, деньги, купит ли он эти займы. Английский денежный рынок не сумеет, наверное, принять половины германских займов, ибо он в значительной мере занят финансированием английских колониальных предприятий.

Но самый важный вопрос, когда дело идет о перспективах Лондонского соглашения,— это вопрос, сможет ли Германия выполнить условия, подписанные ею в Лондоне. Союзные эксперты, высказываясь о платежеспособности Германии, упустили из виду целый ряд моментов. Германия потеряла благодаря исходу войны 13 проц. своей территории, 10 проц. населения, 30 проц. производства угля, 74 проц. производства железной руды, 68 проц. производства цинка, около 16 проц. производства хлеба, 18 проц. производства картофеля, 89 проц. своего торгового флота. Этого всего не берут в расчет эксперты. Она потеряла из 20 миллиардов помещенного за границей капитала 14. Если эксперты указывают, что она освободилась от внутренних долгов благодаря обесценению марки, то они забывают при этом, что она не только освободилась от обязательства уплаты процентов по внутреннему займу, но что широчайшие слои буржуазии одновременно освободились от денег, доверенных ими германскому государству. Самый основной вопрос при оценке платежеспособности Германии — это вопрос ее торгового баланса. Если принять во внимание самые главные факты, то вопрос этот состоит из следующих моментов. Германский торговый баланс был за последние 20 лет перед войной пассивным. Этот пассив равнялся в четырех пятилетиях 987 милл., 1.073 милл., 1.472 милл. и 1.480 милл. Каким образом покрывала Германия этот пассивный баланс? Она имела от своих помещенных за границей капиталов перед войной доход в один миллиард в год. Она имела перед войной 600 миллионов марок дохода от заграничных банковских операций. Эти доходы отчасти совсем исчезли, отчасти значительно уменьшились. Торговый баланс Германии за время 1919 — 1922 гг. дает 11 миллиардов дефицита, только на 1 миллиард уменьшенного доходом заново построенного торгового флота и от приезда иностранцев в Германию.

Американский профессор Мультон в своей книге о способности Германии к уплате репараций,—книге, являющейся лучшим из сочинений, посвященных репарационному вопросу,—приходит после очень конкретных и очень трезвых исчислений к выводу, что для того, чтобы содержать промышленное население Германии на уровне, позволяющем ему работать, чтобы снабжать германские фабрики самым необходимым сырьем, Германия нуждается после всех потерь в привозе в 14 миллиардов золотых марок, в то время как ее привоз в 1922 году равен был только 6,2 миллиарда золотых марок. Это определяет необходимость вывоза в 14 миллиардов золотых марок, даже не считая никаких репарационных платежей. Теперешний вывоз в лучшем случае равен только половине названной суммы. Условия для немецкого вывоза в послевоенное время значительно ухудшились. Таможенный

тариф Америки и Японии, таможенная политика Франции, новосозданных центральных и южно-европейских государств затруднили доступ германским товарам. Платежеспособность русского рынка без крупных долгосрочных кредитов очень уменьшилась; вся мировая торговля сократилась. Каким образом германский вывоз может в ближайший год подняться до размеров, требуемых для того, чтобы Германия прокормилась, чтобы уплачивались проценты от займов, чтобы косвенные налоги были в состоянии давать 1.250 миллионов золотых марок только на репарационные платежи? Это все вопросы, решения которых не видно. По всей вероятности, или союзники будут принуждены в будущем отказаться от значительной доли германских платежей, или, если Франция на это не пойдет, тогда придется ей вернуться заново к авантюристской политике новых карательных экспедиций.

Франция же может итти на дальнейшие сокращения германских платежей только при условии отказа Англии и Америки от 35 миллиардов золотых франков французского долга по отношению к этим странам. Пойдет ли Англия на это, на такие жертвы? Обе эти страны имеют очень мало шансов выдавить из Франции эту сумму. На этот счет у них нет никаких сомнений, но отказаться от этой суммы означало бы потерять громадные средства политического давления на Францию. Этим средством Англия хочет воспользоваться для того, чтобы принудить Францию к сокращению своего вооружения, т.-е. к отказу от военной гегемонии на европейском континенте. Америка не имеет еще ясно проявленных целей, во имя которых она бы давила на Францию. Но цели такие существуют, если принять, что руководители американской политики, как бы они ни любезничали с Англией, видят в ней своего мирового конкурента. Если дело так обстоит,—а оно наверно так обстоит,—то задача Америки будет состоять в том, чтобы путем финансового нажима на Францию сделать ее своим орудием в европейской политике. Вкладывая громадные суммы в европейский континент, С. Штаты Америки находятся чересчур далеко от Европы. Им нужна вблизи рука для давления на Германию, быть-может, на Союз Советских Республик. Одновременно они захотят использовать Францию для давления на Англию; в случае обострения англо-американских отношений дело будет итти об использовании французских гаваней, расположенных во всем мире, для американского флота. Вопрос о союзных долгах коренным образом связан с вопросом о провёдении в жизнь Лондонского соглашения. Тут существует узел, попытки распутать который в ближайшее время явятся источником новых острейших трений и конфликтов в лагере союзников.

Одновременно будет итти борьба за новые торговые договоры, которые в 1925 году Германия получает право заключить, как и борьба Германии на мировом рынке. Эррио пытался, как известно, получить во время лондонских переговоров от Германии право на беспошлинный ввоз текстильных изде-

лий из Эльзас-Лотарингии. Это требование, не удовлетворенное в Лондоне, будет предметом борьбы в ближайшем году. Что тут дело идет не о мелочи для Англии,— показывают следующие цифры. В 1920 г. Германия ввезла беспошлинно 6.505 тонн текстильных изделий из Эльзас-Лотарингии и только 1.090 тонн из Англии, за которые была уплачена пошлина. Эльзас-лотарингская текстильная промышленность привозит текстильные полуфабрикаты из Англии и, переработав их, ввозит беспошлинно в Германию, создавая, таким образом, конкуренцию для английской промышленности. Первое, что последовало после Лондонского договора,— это было решительное выступление английского министра финансов Сноудена против опасности, угрожающей Манчестеру на случай продолжения таких привилегий для Франции. Но Франция добивается не только этого преимущества. Она добивается сделки между своей тяжелой промышленностью и германской, в чем английские капиталистические круги видят громадную опасность для себя.

Таким образом, ближайшие перспективы проведения в жизнь Лондонского договора сулят не мир, а целый ряд новых конфликтов между Англией и Францией, с одной стороны, Францией и Германией — с другой. Но мало того: Лондонское соглашение создаст новые противоречия между странами, вывозящими капитал в Германию и заинтересованными поэтому в увеличении германского вывоза, и странами, которые будут бояться этого увеличения. Разлад между интересами финансового капитала и тяжелой промышленности, который пойдет через все страны, найдет свое выражение, в первую очередь, в обострении англо-американских отношений.

Несколько слов еще о последствиях Лондонского соглашения для положения на востоке Европы и в Азии. В новой, только-что на-днях появившейся в Нью-Йорке книге, посвященной плану экспертов, некоторые главы которой перепечатаны с рукописи в издаваемой Кучинским „Германско-французской хозяйственной корреспонденции“, названный уже американский профессор Мультон обращает внимание на тот факт, что главным направлением, в котором Германия попытается развернуть свой вывоз товаров, явится Россия и вообще Восток. Заинтересованные форсированием этого вывоза капиталистические державы или капиталистические группы будут пытаться организовать новый нажим на Советскую Россию для создания условий, срывающих монополию внешней торговли и воссоздание русской промышленности. Тов. Каменев был вполне прав, указывая в своем докладе перед московскими ответственными партийными работниками, что надо ожидать такого нажима.

Таким образом, Лондонский договор явится исходной точкой для новой борьбы между капиталистическими державами и нового их нажима на Союз Советских Республик. Берлин будет в еще большей мере, чем до этого

времени, центром империалистической борьбы. Точно так же, как существование в Турции Детт Люблик Оттоман (банка, собирающего подати для уплаты процентов иностранному капиталу), инструмента для совместного ограбления Турции, не ослабляло перед войной бешеной борьбы разных капиталистических групп за Турцию, такое же создание инструмента для совместного ограбления Германии не устранит индивидуальной борьбы всякой капиталистической державы за самый большой кусок германского пирога. Даже если Лондонское соглашение будет проведено в жизнь, оно явится не источником мира, а источником империалистической борьбы. Но, как мы уже говорили, нельзя утверждать, что проведение в жизнь Лондонского соглашения обеспечено. Возможны срыв Лондонского соглашения и непосредственное новое обострение революционного кризиса в Средней Европе. Во всяком случае, Лондонское соглашение породит, кроме империалистских конфликтов, новые конфликты классов, ибо оно означает наложение громадных тягот на рабочий класс и мелкую буржуазию Германии, и оно угрожает уровню жизни, завоеванному рабочими массами стран Антанты.

9. Второй Интернационал и Лондонское соглашение.

Отцами Лондонского соглашения, которое создало в сердце Европы из старейшего промышленного европейского народа новую Турцию, отцами соглашения, которое делает из германских рабочих китайских кули, работающих на мировой финансовый капитал, являются вожди II Интернационала.

Председателем Лондонской конференции был господин Рамзей Макдональд, вождь английской Рабочей партии. За спиной Эррио стоит социалистическая партия Франции, без которой он не может удержаться у власти. Главной силой Германии, выступающей от имени рабочих масс за принятие Лондонского соглашения, является германская социал-демократия. II Интернационал, борясь за Лондонское соглашение и защищая его, завершил только свою послевоенную эволюцию.

В брошюре товарища Ледера собраны все документы, указывающие, как вожди II Интернационала за все время после войны являлись главными борцами за репарации. Нельзя отказать этой политике в последовательности. Раз II Интернационал исходит из положения, что победа пролетариата невозможна, что только международная буржуазия в состоянии воссоздать разрушенную Европу, то из этого следует с убийственной логикой необходимость помочь буржуазии в этом деле воссоздания Европы, ибо если нельзя итти вперед по пути пролетарской революции и нельзя оставаться жить на руинах Европы, то другого выхода, кроме поддержки буржуазии, какими бы средствами она ни пыталась стабилизировать европейский капитализм, нет. Но это проведение исходной точки зрения II Интернационала должно было привести к полному предательству с его стороны не только оконча-

тельных целей рабочего класса, не только социалистической революции и социализма, но даже тех целей, во имя которых II Интернационал сражался и сражается против Коминтерна. II Интернационал защищает против Коминтерна идею демократии. Буржуазная демократия — вот ближайшая цель II Интернационала,— цель, которую он противопоставляет борьбе за диктатуру пролетариата. II Интернационал помогал в целом ряде стран (достаточно назвать только Германию, Венгрию, Болгарию и Италию) создавать фашистские и полуфашистские правительства, ибо, борясь против революционного авангарда рабочих, он должен был помочь и помогал представителям финансового капитала, представителям феодальной контр-революции в восстановлении их режима.

Теперь в Лондоне II Интернационал завершил в мировом масштабе эту свою эволюцию от демократии к помощи установлению диктатуры финансового капитала. Что II Интернационал выступает в качестве агента американских и английских банков, вместо того, чтобы каждая часть II Интернационала служила особо своему национальному богу— банкам и финансовому капиталу своей страны,— это есть только простой результат того факта, что американский и английский финансовый капитал подчинил себе важнейших национальных богов. II Интернационал, как агент Моргана и Нормана, агент Уоллстрита и лондонского социализма, противопоставляющегося революционному коммунизму! В этом позорном завершении находит свое выражение тот объективный факт, что для Европы и для мира в период социальной революции нет другого выхода, кроме диктатуры пролетариата или диктатуры финансового капитала Англии и Америки.

II Интернационал защищает эту свою политику утверждением, что эта диктатура финансового капитала обозначает победу мира, победу пацифизма. Это говорят те же самые люди, которые в ряде книг, в десятках брошюр, в сотнях статей доказывали, что империализм, империалистическая война является результатом господства финансового капитала. Это говорят вожди II Интернационала после мировой войны, вызванной финансовым капиталом! Это говорят люди, которые знают все проделки банков, финансового капитала, тяжелой промышленности и их связь с политикой вооружений, которые не могут не знать, что господство финансового капитала должно неминуемо вызвать целый ряд новых войн. Сегодня английские и американские банки идут друг с другом в борьбу против самостоятельной политики французского империализма, но одновременно во всех странах мира идет и борьба между собою за самостоятельный грабеж, за увеличение доли грабежа. В момент, когда эта борьба обострится, в момент, когда эта борьба приведет к вооруженным конфликтам, международный финансовый капитал будет опираться на тот факт, что II Интернационал привел массы к подчинению его интересам,

что он научил их видеть во владыках банковых—миротворителей II Интернационал уже теперь помогает мировым банкам создать положение, в котором новое „4-е августа" явится неминуемым последствием реформистской политики.

Но самым ярким доказательством предательства самых простых, насущных интересов рабочего класса вождями II Интернационала является тот факт, что так-называемая пацифистская диктатура финансового капитала базируется на полном порабощении рабочего класса. В истории так-называемого буржуазного пацифизма можно различать два периода. Перед войной он представлял собою идеологию демократической социал-реформистской мелкой буржуазии. Идея международного мира, созданная буржуазными пацифистами, была связана с идеей медленного, но постоянного улучшения положения рабочего класса, уменьшение вооружений должно было итти в пользу увеличения социальных реформ. Эта связь пацифизма с социальной реформой пленила Жореса, самого великого вождя международного реформизма.

Пацифизм Норманов и Морганов является не только политикой капиталистической передышки на-время, пока не будут покончены вооружения, пока не будут заключены все необходимые империалистические договоры, пока не будут мобилизованы для новой войны народные массы; пацифизм Морганов и Норманов вперед, с самого начала, базируется на политике полного порабощения рабочего класса, базируется на политике восстановления капитализма за счет рабочего класса. Вся международная буржуазия открыто и ясно заявляет, что доклад экспертов и решения Лондонской конференции останутся на бумаге, если германская буржуазия не принудит германский рабочий класс отказаться от 8-часового рабочего дня, если она, понижая заработную плату рабочего класса далеко ниже предвоенного уровня, одновременно не попытается поднять интенсивность его труда высоко над предвоенным уровнем. Добиваясь уничтожения всех социальных завоеваний германского рабочего класса, международная буржуазия, в лице господина Пинно из Комите де Форж, требует одновременно уничтожения восьмичасового рабочего дня во Франции, ссылаясь на то, что международному и германскому рынку, главному конкуренту, опирающемуся на дешовый труд и на увеличивающуюся эксплоатацию, надо противопоставить увеличение трудоспособности французского рабочего класса. Крик господина Пинно подхватывают „Морнинг Пост" и другие органы английской промышленной буржуазии, подхватывает печать американских предпринимателей. Господа Макдональд, Блюм, помогая набросить петлю на шею германского пролетариата, одновременно набрасывают ее и на шею пролетариата Франции, Англии, Италии и Америки. Отказываясь от демократии, выступая в качестве борцов банковского пацифизма, они одновременно хоронят идею социальных реформ, де-

лаются открытыми представителями интересов тяжелой промышленности против рабочего класса.

Лондонская „Лэбур Ревью" вполне права, когда она пишет: „Разве английская Рабочая партия не видит, какую неслыханную силу она отдает в руки международного финансового синдиката, который получает таким образом возможность господствовать над экономической жизнью Европы? При помощи манипуляций с немецким железнодорожным тарифом этот синдикат может бросать громадные массы дешовых товаров в Англию, он может создать конкуренцию для промышленных изделий Англии и принудить рабочих нашей страны довольствоваться равной заработной платой и равными условиями жизни, к которым будет приговорен германский пролетариат. Когда германские железные дороги будут отняты у государства и отданы в руки международного треста, когда удастся еще более понизить уровень жизни немецких рабочих, тогда неминуемо будет создана громадная опасность для положения английского рабочего класса".

Рабочий класс Германии, Франции и Англии в значительной своей части еще не видит грозящей ему опасности. Он видит пока-что в Лондонском договоре уменьшение опасности авантюристской политики Пуанкаре, он видит займы, которые должны помочь Германии выбраться из трясины, но не видит еще пока того, что последует,—что не минует много времени, как последствия ухудшения положения рабочего класса, в первую очередь, в Германии, проявятся в грандиозных забастовках, не минует много времени, и на спине английского, французского, итальянского, американского рабочего класса отзовутся последствия ухудшения положения германских рабочих.

II Интернационал, несущий полную ответственность за Лондонское соглашение, II Интернационал,—чемпион господства лондонской и нью-йоркской биржи, будет нести полную ответственность за политику этих бирж. II Интернационал наживает в данный момент известный капитал на усталости рабочих масс, на их иллюзиях, что, может-быть, владыки английской лондонской биржи дадут ему хлеба; но с математической точностью можно предсказать, что недалеко время, когда задержанный в данный момент процесс распада II Интернационала пойдет вперед ускоренным темпом, благодаря предательской политике, которую он теперь ведет.

В Европе предстоит новая волна рабочего движения; оно не будет сразу биться на последних баррикадах, не будет сразу ставить себе целью завоевание власти; содержанием этой новой волны рабочего движения, которую породит лондонское соглашение, будет защита самых примитивных интересов рабочего класса—восьмичасового рабочего дня, заработной платы, позволяющей если не жить по-человечески, то хотя бы не погибать по-собачьи. Но в этой борьбе народится новая волна пролетарской революции, которая затопит предательский II Интернационал.

III.

Что такое „эра демократического пацифизма“ [1]).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Очерк этот представляет собой стенограмму доклада моего, прочтенного при открытии курсов Ген. Штаба 1924/25 учебного года 30-го сентября 1924 г. С того времени миновало около двух месяцев, в течение которых произошли три крупных факта: государственный переворот в Пекине, падение правительства Макдональда и победа республиканской партии на выборах в Соединенных Штатах.

Значение первого факта трудно еще учесть, ибо у нас нет еще в руках дальневосточной и американской прессы. Если переворот генерала Фын-Юй-Сяна является результатом его перехода на сторону Японии, то это являлось бы только иллюстрацией к нашим указаниям о том, что англо-американское сотрудничество на Дальнем Востоке натолкнется на сильное сопротивление. Но не исключено, что переворот Фын-Юй-Сяна был совершен с ведома англо-американской дипломатии, которая после победы У-Пей-Фу под Шанхаем испугалась его победы над Чжан-Цзо-Лином. Как бы ни выяснилась загадка пекинского переворота, он не ликвидировал У-Пей-Фу, который из своего основного района между Хуанхо и Янтсекиангом снова начнет борьбу за Пекин. Это означает продолжение гражданской войны в Пекине, а не ее окончание, углубление китайского кризиса, а не умиротворение Китая под руководством англо-американского капитала.

О выборах в Англии и Америке придется мне писать обширно в другом месте, пока-что коснусь здесь только вопросов, имеющих значение для оценки международного положения. Победа республиканской партии в Америке, партии трестов и банков, в значительной мере является результатом преодоления явлений кризисов, которые начались весной этого года в американской

[1]) Печатается без изменений с текста, выпущенного отдельной брошюрой.

промышленности, и временного повышения цен на хлеб. Это последнее является результатом плохого урожая в Европе, не устраняет, таким образом, и не уменьшает аграрного кризиса, но очень помогло республиканцам при их выборной кампании. Республиканская партия есть партия доклада экспертов, и победа ее гарантирует продолжение пацифистского наступления американского финансового капитала на Европу.

Выборы в Англии дали рост голосов Рабочей партии, но одновременно сдвиг буржуазных масс к консерваторам. Благодаря сделке консерваторов с либералами в треугольных округах, благодаря бегству мелкой буржуазии из лагеря либерализма в лагерь консервативной партии, благодаря, наконец, мошенническим средствам, употребленным партией благородных лордов, она получает самостоятельное большинство в парламенте и становится снова у власти. Означает ли это изменение внешней политики английского правительства? Вряд ли: политика Макдональда являлась во всех существенных вопросах продолжением политики консервативного правительства. Консервативное правительство, со своей стороны, будет продолжать политику Макдональда, во всяком случае в том, что касается стремления к сотрудничеству с американским финансовым капиталом. Прием, который оказала победе английских консерваторов американская капиталистическая пресса, показывает, что прежнее ее доброжелательное отношение к рабочему правительству в Англии было только официальной маской. Само собой понятно, что если Макдональд был хорош, как пацифистская вывеска для политики англо-американского капитала, то, находясь под давлением рабочих, он не давал гарантий устойчивости в проведении этой эксплоататорской политики. Победа консерваторов в Англии дает американским банкирам лучших контрагентов. Пацифистско-демократическая вывеска сыграла свою роль, помогла завести машину англо-американского сотрудничества. Но означает ли это, что с устранением пацифистско-демократических фраз изменится что-нибудь в существе этой политики? Мы пытались в нашем докладе доказать, что за высокопарным названием эры демократического пацифизма кроется не что иное, как стремление английского и американского капитализма использовать ослабление французского, германского, японского капитализма для закабаления стран, нуждающихся в иностранных займах. Само собой понятно, что в этом ничего не меняется от победы английских консерваторов. Кто говорит о том, что кончилась эра демократического пацифизма, тот говорит, что он верил в басни буржуазии о ее существовании. Никакой эры демократии и пацифизма не было, потому она не могла кончиться. Мы были только свидетелями начала англо-американского финансового сотрудничества за ширмами демократии и пацифизма. Реальный вопрос только в том, будет ли продолжаться совместная работа англо-американского капитала. Пока-что нет никаких признаков ее минования, наоборот,— если консерваторы теперь отклонят англо-

советский договор о займе, то это будет очень на-руку американскому капиталу и укрепит англо-американский фронт на восточно-европейском участке.

Но исчезновение легенды об эре демократии и пацифизма для международного пролетариата не безразлично; за последние месяцы нам, коммунистам, приходилось доказывать народным массам, что пацифизм и демократия являются только флагом, прикрывающим разбой. Теперь нам не придется выталкивать Моргана и Нормана, — английских и американских банкиров, прячущихся за спиной Эррио и Макдональда. Они теперь стоят на авансцене истории без всяких фиговых листков, и задача коммунистов показать рабочим массам, что II Интернационал послужил только ширмой для американских и английских банков, ширмой, которая была отброшена одним пинком ноги, когда выполнила свою роль. Действительность оправдала наши взгляды скорее, чем мы этого ожидали. Время — перейти в идейное наступление против II Интернационала. Замешательство в его рядах, произведенное банкротством всех фраз о пацифизме и демократии, должно помочь нам укрепить свои ряды для борьбы, которая неминуемо будет вызвана наступлением англо-американского капитала.

* * *

После прихода к власти Рабочей партии в Англии, после победы левого блока во Франции все колокола II Интернационала прозвонили миру наступление эры демократического пацифизма. Исход Лондонской конференции союзников, „соглашение" с Германией по вопросу о репарациях дали пономарям реформизма новый повод, чтобы со всей силой бухнуть в колокола: „да, благодать воцарилась!". Мы не имеем еще голосов этой печати по поводу принятия Лигой Наций так-называемого протокола Бенеша о международном арбитраже и борьбе с наступательными войнами. Но мы себе представляем, как загремят литавры, и какая пляска начнется вокруг этого куска бумаги.

Для нас, марксистов, не подлежит никакому сомнению, что демократическо-пацифистская эра не может явиться без мировой революции, что господствующие теперь классы не в состоянии на деле провести ни международной демократии, ни умиротворения мира. Но это априорное наше убеждение не освобождает нас от обязанности очень внимательно относиться к тому, что происходит в мире. Если даже исходить из предположения, что мы имеем налицо только сознательный обман господствующих классов, которые, обанкротившись на Версальской политике, пытаются теперь, ради передышки, на известное время создать впечатление, что меняют политику, — то, даже исходя из такого предположения, мы должны тщательно учесть, почему господствующие классы в Европе принуждены сделать такой политический зигзаг, и почему народные массы поддаются на их уловку:

когда дело идет о громадных массовых явлениях, о политических сдвигах,— хитроумной механикой ничего объяснить нельзя. Перемены в политике, даже преходящие попытки вызвать эти перемены, всегда являются результатами известных изменений в соотношении сил. Первый вопрос, который надо поставить в данном случае,—это вопрос о том, откуда же взялась эта так-называемая пацифистско-демократическая эра.

10 ноября 1924 г.

---

1. Возникновение „демократическо-пацифистской" эры.

Она знаменуется шестью фактами: 1) поражением германского пролетариата в октябре прошлого года, 2) созданием рабочего правительства в Англии, 3) поражением французского империализма и победой левого блока во Франции, 4) возвращением Соединенных Штатов Америки в Европу, 5) ослаблением японского империализма и, наконец, 6) укреплением Сов. Союза.

Поражение германского пролетариата в октябре прошлого года является исходной точкой политического поворота, носящего громкое название „пацифистско-демократической эры". Если бы германский пролетариат взял в прошлом году власть, то само собой понятно, что вся мировая буржуазия, ее агенты из II Интернационала говорили бы теперь не о мире, а о борьбе против революционной Германии. Таким образом, эра демократии и пацифизма начинается с победы германской буржуазии, с поражения германского пролетариата, с усиления переходного режима мировой буржуазии.

Победа Макдональда есть результат краха и либерально-консервативной коалиции, и самостоятельного господства консерваторов. И либерально-консервативное правительство, и правительство чистых консерваторов представляли собой блок тяжелой промышленности и торговой буржуазии Англии. Разница между одним и другим состояла только в различии обстановки 1919 г. и 1923 г., которой и обусловлены разнородные методы действия. Переход от Ллойд-Джорджа к Керзону был вызван тем, что коалиция либералов и консерваторов, по мнению руководящей капиталистической группы, не могла действовать так радикально и решительно как могло бы действовать консервативное правительство без всяких либеральных примесей. Но социальный смысл господства обоих этих правительств совершенно тождественен. Он состоял в попытке стабилизации английского капитализма за счет трудовых масс Англии — внутри, а в международном масштабе — за счет побежденных народов и колоний. Эта политика провалилась. Правда, рабочий класс Англии был в 1921 году отброшен, но рост безработицы не только не внес успокоения в народные массы, а наоборот — привел к росту влияния Рабочей

партии. Рабочая партия,. которая в 1918 году, в разгар побед над Германией, получила $2^1/_2$ миллиона голосов,— в 1922 году и на вторичных выборах в 1923 году получила 4 миллиона голосов. Таким образом, внутри страны буржуазия доказала свою неспособность внести успокоение в народные массы: она не разрешила самого важного для Англии вопроса,— вопроса о безработице, который тяжелым бременем лег на английские финансы. Внешне-политический режим Ллойд-Джорджа и режим Керзона не привели ни к какому улучшению положения Англии на континенте и в колониях. Ллойд-Джордж после войны пробовал медленно повернуть руль внешней политики, безболезненно уйти от Версальского договора. Кейнс в своей книге о ревизии Версальского мира очень правильно заявляет, что Ллойд-Джордж все еще произносит версальские речи, на деле пытаясь освободиться от Версаля. Ллойд Джордж не мог этого сделать по простой причине: ликвидация Версальского договора требовала самого решительного нажима на Францию. Но Франция, опираясь на свою военную силу, не поддавалась ни на какие уловки Ллойд Джорджа, и на попытку его склонить Бриана к сделке, собственно говоря, являющейся ревизией Версаля, буржуазная Франция ответила отставкой кабинета Бриана и приходом к власти Пуанкаре. Дальнейшая попытка Керзона повлиять на Францию дипломатическим путем привела к тому, что Франция пошла в Рур и взяла в свои руки самостоятельное решение репарационного вопроса. Это было полным поражением политики господствующего в Англии класса. Если бы Франции удалось удержать Рур, то это усилило бы положение Франции в Европе, сделало бы ее, путем объединения железа и угля Германии с французской тяжелой промышленностью, экономически господствующей нацией в Европе. Параллельно возросла бы зависимость вассалов Франции — Чехо-Словакии, Югославии, Польши, Румынии и Сербии — от их французского хозяина, что означало бы полную изоляцию Англии в Европе: Отказав в своей поддержке консерваторам, английские рабочие, английская мелкая буржуазия отчетливо заявили, что буржуазия, по их мнению, неспособна вывести Англию из тупика. Рабочее правительство, как бы трусливо оно ни было, является, таким образом, выразителем нарастающего недовольства рабочего класса и части английской мелкой буржуазии. Но приход к власти Рабочей партии не был результатом завоевания на выборах большинства, а только раскола голосов английской буржуазии. Хотя этот раскол ослабил английский империализм, но международное положение этого последнего одновременно улучшилось благодаря банкротству рурской политики Пуанкаре. Иначе обстояло дело во Франции.

Присмотримся теперь к причинам победы левого блока во Франции, являющегося союзом мелкой буржуазии города и деревни и большинства французского рабочего класса. Блок этот пришел к власти в результате блестящего провала политики Пуанкаре. Банкротство его выразилось в том, что французский

капитал для обеспечения германских репараций пошел в Рурский бассейн, надеясь или принудить германскую буржуазию к уплате значительной части дани деньгами, или, если это не удастся, раз навсегда подчинить германскую тяжелую промышленность французской. Стремясь таким образом усилить экономическую мощь Франции, Пуанкаре думал найти выход из финансового тупика, в котором находится Франция, успевшая увеличить свой предвоенный долг в 30 миллиардов до 200 миллиардов к моменту окончания войны и до 400 миллиардов ко времени ликвидации рурской затеи. Политика Пуанкаре оборвалась, обанкротилась на том, что она явилась результатом переоценки экономических сил самой Франции. Рурская затея не могла дать немедленно сколько-нибудь значительных финансовых результатов, ибо захват Рура привел к полной дезорганизации этого главного промышленного района Германии. Но в то же самое время расходы на рурскую затею, международная неуверенность в том, что будет, вызвали падение франка, который в продолжение нескольких месяцев докатился до $^1/_6$ своей довоенной стоимости. Франция, принужденная обратиться к американскому и английскому капиталу с просьбой о займе для поддержки своей валюты, собственноручно расписалась в банкротстве рурской политики Пуанкаре, признала бесплодной свою попытку самостоятельного решения репарационного вопроса. Результаты выборов 4-го мая были ответом народных масс, в первую очередь французского мужика, на это банкротство. Большинство рабочего класса и крестьянство призвали к власти партии, обещавшие найти выход из положения не путем военных авантюр, но при помощи податных реформ и переложения тягот, оставленных войной, на плечи имущего класса; в международном масштабе общественное мнение потребовало сделки с Германией. Пацифистская эра, провозглашенная Францией, сигнализирует сдвиг в широких народных массах. Основа французского империализма — доверие крестьянских масс к империалистическому режиму — расшатана. Но одновременно пацифистские лозунги являются прикрытием отступления французского империализма на международном поприще.

Какой план реформы мог придумать этот мелкобуржуазный блок во Франции и мелкобуржуазный блок Англии? Каким путем мог он провести в жизнь эти обещанные реформы — сократить вооружение, уничтожить причины этого вооружения,— обострение международных отношений, обострение отношений между Францией и Германией, между Францией и Англией, между капиталистическим миром и Советской Россией,— сократить тяжесть налогов во Франции? Существовал только один путь — борьба мелкобуржуазных масс и рабочего класса против социального слоя, который является стержнем империалистической политики, против финансового капитала и тяжелой промышленности. Могла ли мелкая буржуазия Франции и Англии пойти на эту борьбу? Достаточно присмотреться к внутренней политике Эррио в продолжение пяти месяцев, в течение которых он нахо-

дится у власти, чтобы видеть всю беспомощность французской мелкой буржуазии в этой борьбе. Эррио получил в этой борьбе большинство голосов, но когда выборы кончаются и умолкают голоса, выражающие настроение мелкобуржуазных масс,— тогда заново начинают действовать постоянные факторы буржуазной власти, вступает в свои права старая бюрократия, сказываются влияние прессы и влияние экономических факторов на власть. Мелкая буржуазия во Франции, отдавшая большинство своих голосов за режим Эррио, не имеет в своих руках прессы. Пресса капиталистического мира — это крупное капиталистическое предприятие, ибо для постановки современной газеты нужны громадные средства, доходящие до десятков и сотен миллионов рублей. Мелкая буржуазия во Франции располагает маленькой прессой с маленьким тиражом, потому что лавочник и мужик не имеет денег для создания и содержания большой. Господин Эррио должен был искать помощи у той печати, которая издается на деньги тех классов, тех слоев, борьбу против которых он должен был бы вести, если бы хотел выполнить свою программу. Бюрократия осталась старая. Мелкая буржуазия, пришедшая к власти во Франции, оставила руководство внешней политикой в руках тех же самых людей, которые вели эту политику при Пуанкаре. Фактическое руководство внешней политикой при Эррио осталось в руках старой дипломатии, с Перетти де-ля-Рокка, директором Quai d Orsay времен Пуанкаре, во главе [1]). Причины совершенно ясны: во-первых, мелкая буржуазия не располагает достаточным количеством военных и дипломатических сил, которые можно было бы выдвинуть на эти руководящие посты; во-вторых, она боится ломки государственного аппарата, видя в бюрократии империалистического режима нерушимый общественный устой. Перемена коснулась только парламентской верхушки, весь же аппарат французского империализма остался нетронутым. Об армии не приходится даже и говорить. Генерал Нолэт, который играл роль покорителя Германии, от имени союзников провел разоружение Германии, был назначен Эррио военным министром. Этим назначением Эррио как бы сказал крупному капиталу: „Смотри, я не предпринимаю никаких новшеств: армия, оплот вашего режима, остается нетронутой". Но еще более важна зависимость этого мелкобуржуазного правительства от финансового капитала. Французские финансы держатся теперь на краткосрочных займах, на казначейских билетах, к которым масса уже относится с недоверием, и которые могут быть пускаемы в оборот только при самой активной поддержке крупных банков [2]). Полной зависимостью мелкой буржуазии от крупной объясняется то,

---

[1]) Господин Перетти де-ля-Рокка отправлен теперь послом в Испанию, но это не изменило господства старой империалистической дипломатии в парижском министерстве иностранных дел.

[2]) В последнее время пресса левого блока обвиняет крупные банки, что они нарочно понижают цену государственных бумаг, чтобы затруднить положение правительства Эррио.

что французская мелкая буржуазия не могла вступить на путь ликвидации или хотя бы уменьшения, обуздания империалистического режима,— на путь борьбы с крупным капиталом.

Как обстоит дело в Англии? Макдональд не имеет даже большинства в парламенте. Он держится у власти тем, что обанкротившиеся либералы и консерваторы не имели большинства для создания собственных партийных правительств и не решались заключить между собою сделку для создания совместного правительства. Ни одна из этих партий не могла рисковать новыми выборами: еще слишком свежи были следы их режима, живо громадное недоверие рабочих масс к режиму коалиции либерально консервативной и к режиму консерваторов. Поэтому обе буржуазные партии, нуждаясь в передышке, нуждаясь в том, чтобы Макдональд на деле доказал неспособность Рабочей партии вывести Англию из тупика, дали рабочему правительству передышку. Перед Макдональдом были две возможности: или, имея меньшинство голосов в парламенте, итти на политику социальных реформ, которые привели бы в движение народные массы и дали бы ему возможность, в случае провала в парламенте, победить на выборах,— или же итти путем компромисса и с консерваторами, и с либералами, господствуя при благожелательном нейтралитете этих обеих партий, за цену отказа от более основательных реформ. Макдональд выбрал этот второй путь по той простой причине, что не верил в возможность завоевания в ближайшее время большинства рабочего класса и мелкой буржуазии и хотел удержаться на основе внешних побед, которые сделались возможными благодаря ослаблению французского империализма. Правительство Макдональда в течение своего полугодового существования на деле ничего в Англии не изменило. Единственный козырь, при помощи которого он пытается действовать на широкие массы Англии,—это закон о постройке жилищ, закон, который на бумаге может произвести громадное впечатление, ибо дело идет о десятках миллиардов рублей, в продолжение ближайших 15 лет долженствующих дать английскому рабочему классу здоровые и дешовые жилища. Но, конечно, предпосылкой исполнения этого закона является то, что Макдональд все это время будет держаться у власти, что исключено. Не решаясь на борьбу с финансовым капиталом, с крупной буржуазией, так-называемая французская и английская демократия должны были для осуществления своей программы умиротворения Европы найти союзника. Этого союзника они обрели в таком демократическом и пацифистском слое, как... американский финансовый капитал. И если сопоставить тот простой факт, что так-называемый пацифистско-демократический поворот в Европе является результатом, с одной стороны, поражения германского пролетариата и победы мелкой буржуазии во Франции и Англии, с другой стороны — результатом того, что самая жестокая антидемократическая, хищническая американская плутократия под давлением собственных интересов, о которых я буду еще говорить, решилась вер-

нуться в Европу,—если это сопоставить, то нетрудно предвидеть, что эта демократическая и пацифистская эра может представлять на деле.

Американская финансовая плутократия никогда не хотела уходить из Европы. Она была в значительной своей части за Версальский договор, за вхождение в Лигу Наций. Она великолепно понимала, что при развале европейского капитализма Европа представляет собой великолепное поле действий для коршунов американской финансовой олигархии, но принуждена была считаться с тем, что американские народные массы, уставшие от войны, являлись противниками вмешательства в европейские дела, правильно предвидя, что если Америка экономически завязнет в Европе, то это означает сперва политическое, а затем и военное вмешательство в европейские дела. Вложение крупных капиталов в Европу может в будущем потребовать защиты этих капиталов при помощи военных союзов в Европе и открытых военных действий. Сдвиг в американских массах начался благодаря аграрному кризису, источником которого является отчасти обеднение Европы, уменьшившее ее покупательную способность, а с другой стороны—тот факт, что Америка сейчас производит хлеб дороже, чем Канада, Аргентина и Россия. Огромный аграрный кризис в Америке заставил фермерские массы выбирать: или с американским рабочим классом против американского капитализма, или с американским капиталистическим миром, который путем займов в Европе расширит покупательные силы последней. Само собой понятно, что такой класс, как класс американских фермеров, который никогда не вел революционных боев, не мог сразу решиться на первый путь. Буржуазия пытается создать смычку с крестьянством путем открытия ему выхода в Европу через займы. Это создало почву для возвращения американского финансового капитала в Европу. Политически это выразилось таким образом: перед лицом приближающихся выборов, на которых, как третья сила, выступает мелкобуржуазная партия, берущая на себя защиту фермеров, партия Лафолетта, угрожающая оторвать левое крыло от демократической и республиканской партии,—республиканцы, находящиеся у власти, должны были указать фермеру выход из тупика. Таким выходом является финансирование Европы, которая на американские деньги будет покупать хлеб у американских фермеров. Доклад экспертов играет поэтому крупную роль в американских выборах.

Американский капитал, идя в Европу, стремится к подчинению себе всего ее хозяйства, к „умиротворению“ ее, ибо без известного внешнего умиротворения Европы американские финансисты не найдут на американском денежном рынке достаточного количества покупателей европейских займов.

Еще в другом пункте грабительские цели англо-американского капитала связаны с так-называемым пацифизмом. На Дальнем Востоке землетрясение в Японии привело к ослаблению

японского империализма. Последствия этого факта те же, что и последствия банкротства Пуанкаре в Рурском бассейне. Место ослабленной империалистической державы пытаются занять Англия и Соед. Штаты Америки. Делают они это под знаменем пацификации Китая, устранения опасности войны на Дальнем Востоке.

Шестой источник „пацифизма" — это усиление Советской России. После опыта интервенции нельзя начать борьбы против Советской России под лозунгом низвержения большевистского правительства, под лозунгом нового похода против Советского Союза. Поход этот может начаться только в форме стремления взять Советскую Россию на буксир, включить ее в мировой капиталистический рынок, заставить ее жить по-хорошему с международным капитализмом. Если, паче чаяния, Советский Союз отклонит протянутую ему дружескую руку, то тогда он сам будет виноват, что великие державы будут принуждены „предоставить его своей участи", т.-е. предпринять против него финансовую блокаду со всеми последствиями, которые могут отсюда проистечь.

Вот все шесть моментов, породивших мировой поворот или, точнее говоря, международную констелляцию, выдвинувшую знамя пацифизма и демократии. Эти моменты разного социального калибра. Здесь налицо и усиление одних капиталистических групп (Америка), и ослабление других (Германия, Франция и Япония), и поражение пролетариата (Германия), и рост его силы (Англия). Разнородность корней новой международной констелляции создает глубокую ее противоречивость, как это покажет проверка главных внешне-политических событий последних месяцев. Поэтому упростить анализ источников занимающего нас политического сдвига, ограничиться рассмотрением только одной части решающих вопросов (например, роли С.-А. Штатов—с одной, Англии и Франции—с другой стороны, или исключительно международных соотношений, с одной стороны, внутренне-классовых—с другой) означает закрыть себе путь к пониманию совокупности международного положения.

2. Проверка „демократическо-пацифистской" эры.

Но перейдем теперь от источников этого поворота к проверке его не на планах, не на обещаниях, а на деле. Мы имеем перед собой четыре таких проверки. Это: 1) решение Лондонской конференции союзников насчет Германии, 2) англо-советский договор о займе и борьба, которая развертывается вокруг этого договора, 3) китайский вопрос и 4) состояние вопроса о разоружении на последней сессии Лиги Наций. Внимательное отношение к этим четырем вехам дает картину, которая показывает глубокую связь между происходящим в Китае, борьбой за заем для России и решениями союзников в Лондоне. Эта проверка позволяет с полной уверенностью сказать, что эра пацифизма и демократии не имеет ничего общего ни

с пацифизмом, ни с демократией, а зато очень много—с созданием сотрудничества англо-американского финансового капитала для ограбления Германии, Китая и Сов. России.

а) Репарационный вопрос

В чем состоят изменения в отношении политики союзников к Германии? Эти изменения существуют, и было бы нелепо их не видеть. Прежде всего, союзники отказались от неисполнимых фантазий, от всего, что деловые люди считают давно иллюзиями. Когда французский министр финансов, г. Клотц, после войны, в 1919 году, заявил, что Германия уплатит по крайней мере 300 миллиардов золотых марок, то этот вздор был рассчитан на то, чтобы удержаться у власти, пообещав, что немцы уплатят то, чего никто уплатить не может. Между тем, любому избирателю стоило только открыть справочник по мировому хозяйству, чтобы знать, что перед войной все достояние Германии, в том числе земля, недвижимое имущество, шахты, фабрики и т. д., равнялось 300 миллиардам марок. А так как, если даже найти покупателя, нельзя вывезти всей Германии, то щедрое обещание г. Клотца было совершенно вздорно. Если взять книгу известного американского банкира Баруха об экономических условиях, принятых в Версале, где он рассказывает о всей борьбе, происходившей за кулисами, то видно будет, что ее участники отлично отдавали себе отчет в том, что обещают неисполнимые вещи. В 1921 г. союзники уже требовали от Германии „только“ 130 миллиардов золотых марок, но они сами считали 80 миллиардов фантазией, потому что план уплаты, который был представлен Германией, касался только 50 миллиардов золотых марок. Все прочие обязательства висели в воздухе, и на деле международный капитал считал, что в продолжение 30 лет можно получить с Германии 50 миллиардов золотых марок.

Что в этой области меняет Лондонская конференция? Она сокращает эту сумму не открыто, но если взять условия амортизации промышленного и железнодорожного займа, то оказывается, что союзники считают, что смогут выкачать из Германии 40 миллиардов золотых марок в продолжение 38 лет. Значит, в этом смысле реальное изменение в том, что союзники хотят выколотить из Германии только то, что кажется возможным, не обещая избирателям, что Германия уплатит все. Что еще изменяет Лондонский договор? На место необеспеченного плана выжимания из Германии репараций, он выработал план, который представляет собою известные гарантии, план обеспечения платежей. В 1921 году союзники говорили Германии: „Уплати“, а из каких источников,—было неизвестно. Это кончилось банкротством германской марки и тем, что Пуанкаре захватил германский уголь, как источник платежей. Он должен был этот уголь возвратить, так как не умел его менять на золото и не имел достаточно зо-

лота, чтобы ждать. Теперь Лондонская конференция точно называет источники и говорит: платит не Рур, а вся Германия. 1.250 миллионов в год будут платить рабочие через повышение податей, пошлин на спички, водку, пиво, т. е. через косвенные налоги, которые союзники бронируют в размерах 1.250 миллионов золотых марок. Дальше, они берут в свои руки железные дороги, намереваясь сократить число железнодорожников и, уменьшив зарплату, повысить железнодорожные тарифы. Это — два главных источника, и из этих двух источников Германия должна в течение нескольких лет давать $2^1/_2$ тысячи миллионов в год для оплаты контрибуции союзникам. Чтобы эти деньги во-время, без опозданий и просрочек, поступали в кассу союзников, последние создают огромную машину, выкачивающую эти деньги, создают контроль над этими источниками, берут в свои руки железные дороги, золотой банк, делаются распорядителями германского хозяйства. К тому, насколько этот план решает все вопросы, я вернусь позже, когда буду говорить о перспективах развития. Но если теперь принять, как факт, то, что союзники решили в Лондоне, то пацифистско-демократическая эра состоит в том, что, во-первых, германское хозяйство поступает под контроль союзного капитала, в первую очередь американско-английского, ибо американские и английские денежные рынки должны доставить Германии займы приблизительно на сумму 17 миллиардов золотых марок, которые ближайшие годы позволят Германии уплачивать дань (теперь она этого не может), стабилизовать валюту и пустить в движение промышленность. Второе мнение состоит в том, что место французского штыка должна занять петля англо-американского финансового капитала. Третье изменение состоит в том, что Франция должна получить деньги для заштопания дыр в своем бюджете, благодаря чему германо-французские и франко-английские трения должны уменьшиться. Наконец, пункт четвертый. До настоящего времени германский рейхстаг, выбранный „демократически", сам решал вопрос о податях, теперь вопрос о самых тяжелых для народных масс податях, в размере 1.250 миллионов косвенных налогов, предназначенных для выплаты союзникам, изымаются из компетенции рейхстага, превращаются в ипотеку международного капитала, независимую от влияния парламента, выборов и так-называемой демократии.

Эта „реформа", само собой разумеется, не записанная ни в каком договоре, заключенном в Лондоне, состоит в последнем счете в том, что если из Германии нужно выколачивать, по 2.500 миллионов в год, то надо увеличить налоговый пресс, надо увеличить эксплоатацию трудовых масс, нужно упразднить 8-часовой рабочий день, нужно понизить зарплату в Германии.

Это—первая проверка демократическо-пацифистской эры. Она состоит, таким образом, в том, что на место Франции, приста-

вляющей германскому народу штык к груди, является благодетельный американский и английский финансовый мир, который дает Германии средства для передышки на ближайшие два года и через два года собирается взять в свои руки все германское хозяйство и усилить эксплоатацию германских народных масс.

б) Отношение к Сов. Союзу.

Я перехожу к второй проверке — к отношению держав, взявших на себя инициативу этой демократическо-пацифистской эры к Сов. России. Отношение к Сов. России связано с вопросом не только о хозяйственном положении мира, но и с вопросом о мире, ибо без создания „modus vivendi“ между Сов. Россией и капиталистическим миром пацифизм пролетит в трубу; без урегулирования этих отношений нет никакого, даже временного успокоения в Европе.

Какими фактами располагаем мы в этом вопросе? Первый из них — отношение Соед. Штатов Америки к Сов. России. Отношение это является самым важным фактом, ибо не Англия, а Америка является стержнем всего этого „пацифистско-демократического“ поворота. Как известно, г. Юз только и делает, что еженедельно, или почти еженедельно, по всякому поводу или без оного предъявляет Сов. России требования, сводящиеся к капитуляции рабочего режима перед капитализмом. Г-н Юз, представитель самой сильной части в этом демократическо-пацифистском блоке, не хочет говорить с Сов. Россией на других условиях. Другой контрагент по демократическо-пацифистской эре, г. Эррио, который шел к власти под лозунгом признания Сов. России и даже является автором глубоко-философской сантиментальной книги о необходимости признания Сов. России, уже пять месяцев находится у власти, однако, признания еще нет [1]), зато вместо признания существует комиссия, являющаяся блестящей иллюстрацией к сказке о щуке, раке и т. д. С одной стороны, в этой комиссии находится сенатор де-Монзи, являющийся застрельщиком признания Сов. России, а с другой стороны — наш друг, генерал Нуланс, который собирает данные, вероятно, для того, чтобы представить нам счет за ярославское восстание. Такова трусость мелкобуржуазного режима во Франции, не решающегося сказать французским капиталистам: „господа, я знаю, что у вас есть претензии к Сов. России, но о них мы будем говорить после их признания“. Огромные массы держателей русских займов, банки, которые играли значительную роль в экономической жизни России, настолько сильны, что г. Эррио, по всей вероятности, думает, что сначала нужно с нами договориться обо всех скользких темах, а затем уже нас признать. Это значит, что г. Эррио откладывает в долгий ящик вопрос о признании Сов. России.

---

[1]) Оно наступило 28-го октября.

Перейдем теперь к Англии. Макдональд признал Сов. Россию немедленно после прихода к власти. Либеральная партия целиком, консервативная партия в значительной своей части совершенно сочувственно встретили этот акт, как бы то ни было, подтверждающий наше несомненное усиление. Что касается вопроса о дальнейших реальных отношениях между нами и Англией, то голое признание ничего не меняет. Из него ясно, что мы существуем, что мы сильны, что нас не легко сбить с ног, и, как сказал г. Макдональд: „Если вы требуете от меня, чтобы я мог противостоять сов. пропаганде, то я должен иметь урегулированные дипломатические отношения". Реально вопрос станет при попытке Англии и СССР урегулировать свои экономические отношения. Тут начинается серьезное дело, а не область фраков и дипломатических нот, обедов и ужинов.

Как обстоит это дело сейчас, и как оно обстояло в прошлом? В прошлом мы устанавливаем две фазы. Первая состояла из интервенции, когда английский капитал имел одну, но очень ясную программу по отношению к нам: уничтожить. Вторая фаза началась с торгового договора, и ее апогеем была конференция в Генуе. Чего по существу добивалась Англия в Генуе? Если отбросить всю внешность формулировки, то смысл политики Ллойд-Джорджа был следующий: большевики остаются у власти, и их нельзя скинуть, но экономические затруднения сов. правительства принудят его к социальной капитуляции. Ллойд-Джордж реально добивался возвращения английским капиталистам фабрик и, сверх того, концессий в таких размерах, которые бы вполне уничтожили возможность развития Сов. России, как социалистической державы. Выражал он эти стремления, конечно, не так откровенно, как Юз. Вместо явного возвращения фабрик, он требовал аренды на 99 лет. Долгосрочная аренда на целое столетие — это есть возвращение. Что касается концессий, то он на словах от них отмахивался. В торговле люди всегда стараются опорочить товар, который больше всего хотят купить. Ллойд-Джордж стремился к тому, чтобы взять в свои руки Донбасс, Баку, Алтай, русские гавани, железные дороги. Выражалось это в очень простой форме: „Господа, у вас есть долги, мы можем торговаться насчет списания части долгов, но останется еще очень много. Вы говорите, что не можете платить, потому что у вас, во-первых, плохие принципы, а во-вторых, потому, что у вас нет денег. Я согласен, — у вас нет денег, но у вас есть разные вещи, которые можно заложить. У Германии нет денег, она сдает железные дороги международному концерну, она дает ипотеку на промышленность международному капиталу. Все это и вы должны сделать". Такова программа Ллойд-Джорджа.

Вся проверка отношения Макдональда к Сов. России состоит в том, чем отличается план Макдональда от плана Ллойд-Джорджа. Вот вопрос, на который нужно ответить. Если сравнить меморандум союзников и речь Ллойд-Джорджа в Генуе, речь Гильтона Юнга в Гааге — с нашим договором с ра-

бочим правительством Англии в палате общин, то там есть один пункт, который гласит, что обе стороны признают то законодательство, которое существует в каждой из стран. Это означает принципиальное признание национализации, признание монополии внешней торговли; но заем английское правительство гарантирует только на условиях сговора между нами и 50% бывших владельцев русских бумаг и русских ценностей,—сговора, который будет для них удовлетворителен. Что это означает? Это означает, что существенный вопрос, вопрос о том, отказалась ли буржуазная Англия, в лице рабочего правительства, от программы Ллойд-Джорджа, еще не затронут, даже если английский парламент ратифицирует договор, ибо если английский парламент и ратифицирует этот договор, то борьба переходит в новую, т.-е. во вторую, решающую стадию. Английский парламент ратифицирует договор, после этого начинают работать комиссии, советская и английская, в которых мы должны договориться с английскими капиталистами насчет того, какие предвоенные долги и в какой форме нами должны быть возмещены. Военный долг отложен, потому что Англия не представила нам еще своего счета, и мы, с своей стороны, имеем к ней громадное количество претензий по интервенции. Таким образом, в этой области мы бой выиграли, но существуют громадные предвоенные долги и вопрос о возмещении убытков капиталистам. Каково наше отношение к вопросу о займе с точки зрения наших реальных интересов? Заем нам нужен, но только как средство облегчения нашего экономического положения. Мы добиваемся займа на условиях, которые не наложат на нас бремени, могущего ухудшить это положение. Если бы при переговорах капиталисты потребовали от нас уплаты такой части предвоенного займа и таких ежегодных взносов для возмещения своих убытков, которые превышают наши силы, то само собой понятно, что такой невыгодный для нас заем был бы отвергнут, и в результате договор был бы сорван рабочим правительством, защищающим интересы старых собственников. С каким расчетом срывали бы мы этот договор, и с каким расчетом срывали бы его англичане? Мы исходили бы из уверенности, что сумеем собственными силами итти вперед, и тогда английские капиталисты все равно должны будут пойти на уступки такого рода и в таких размерах, что нам выгодно будет в будущем взять заем. Их же расчет был бы таков, что мы экономически сами не сумеем шагнуть вперед и принуждены будем капитулировать; тут-то нам и предъявят старый план Ллойд-Джорджа, согласно которому для уплаты долгов в требуемых размерах мы закладываем целые отрасли нашей промышленности, передаем им для эксплоатации еще не разработанные источники богатств Сов. Союза и сдаем промышленность, раньше принадлежавшую английским капиталистам, на условиях, которые фактически являются реставрацией собственности. Но это только один из предполагаемых этапов борьбы. Допустим, что

мы договоримся. Английское правительство само не дает нам никакого займа, оно только гарантирует этот заем, если его дадут банки.

Но тут возникает вопрос: каким влиянием, какими способами воздействия на банки располагает это так-называемое рабочее правительство, пацифистско-демократическое правительство для того, чтобы заставить финансовый капитал подчиниться его воле? Капиталистический мир Англии, за исключением тех групп, которые уже начали с нами работать (или надеются вскоре заключить с нами договоры),—против этого займа и пытается даже предварительный договор саботировать в парламенте. Надо учесть, что кроется за этими противодействиями, и только тогда станет ясно все противоречие этого чисто-внешнего прихода к власти демократии в Англии и во Франции и настоящее состояние мировой политики.

Английский капитал имеет очень старые разработанные программы по отношению к России. Я уже не буду говорить об английской политике, начиная с XVI столетия, когда английский капитал добивался монополии внешней торговли в России... для себя. Если взять одно XIX столетие, то в чем состояла программа либеральной политики по отношению к России? Эта программа проста: Россия—поставщик сырья, Англия же—мастерская мира. Эта программа в первой своей части является программой английской буржуазии по отношению к Советскому Союзу. Тут расчет простой. Англия находится теперь в очень тяжелом международном положении. Она имеет в лице Франции более опасного конкурента, чем в свое время была Германия. Если теперь американский и английский капитал вложил деньги в германскую промышленность, то он реставрирует экономическую силу Германии, которая сможет вывозить свои изделия и еще более ухудшит положение английского капитализма. Поэтому Англии нужны крестьянские страны, громадный вывоз из которых освободил бы ее от зависимости от американского рынка, доставляющего ей хлопок, хлеб и пр., и которые, с другой стороны, явятся рынками сбыта для английской промышленности. Борьба за русский заем означает по существу борьбу за то, будем ли мы развиваться, как промышленная нация, или международному капиталу удастся приговорить Россию к судьбе земледельческого народа. Что это означало бы с точки зрения политической? Рабочая власть держится в России на смычке промышленного пролетариата с крестьянством. Будущее ее зависит от того, сумеем ли мы стать поставщиками промышленных изделий для крестьян. Уничтожение промышленности в России приводит к смычке русского крестьянства с иностранным капиталом. Само собой понятно, что капиталисты хорошо понимают, что ослабление нашей промышленности — самая опасная для нас форма борьбы мирового капитала против Советской России, первой страны победы пролетариата.

Быть-может, уже в ближайшие недели и месяцы решится во-

прос, который нам с полной ясностью покажет, куда идет Макдональд [1]). Если он, получив недоверие парламента по вопросу об англо-советском договоре, вытрет лицо и скажет, что это только дождик капает, то это будет сдачей всех позиций, наглядным доказательством того, что Макдональд и рабочее правительство в Англии не только не в состоянии решить, но не способны попытаться решить путем борьбы центральный мировой вопрос об отношении старого мира к новому иначе, чем его решал Ллойд-Джордж. Но даже если Макдональд добьется признания этого договора или, распустив парламент, получит большинство, то и тут испытание еще впереди, ибо отношения двух держав опираются не на интервью и не на визиты, а на экономические отношения, связывающие два народа. Пойдет ли Англия вместе с Соединенными Штатами Америки на финансовую блокаду Советской России, сумеет ли английский капитализм навязать рабочему правительству эту политику?—вот центральный вопрос, который выявит всю суть макдональдовского режима. Ответ на него впереди, но силы, которые уже сейчас пытаются предвосхитить это решение, которые уже теперь считаются с тем, что в случае финансовой блокады (она может только очень медленно действовать, и мы будем отвечать целым рядом контр-мер) могут понадобиться и другие средства, менее пацифистские, чем финансовый нажим,—эти силы уже в движении.

Если спросить себя, что такое грузинское восстание, то уже из капиталистической прессы видно, что мы добираемся до какого-то международного клубка. Статьи в „Corriere de Petrol“ и „New-York Times“, несомненно, указывают на то, что группа Шелля, английского нефтяного треста, помогала устраивать это восстание. Известно, что Шелль, который у нас покупал нефть, за последние полгода никаких сделок не совершал, что Детеринг, главный шеф этого нефтяного треста, в последнее время уклонялся от деловых разговоров с нашими представителями. В кругах журналистов, близких к нефтяному тресту, велись разговоры уже 3—4 месяца тому назад о готовящихся событиях в Грузии. Наши военные органы, наблюдающие за безопасностью Советской республики, ощущали несомненное шевеление на окраинах Советской России. Все это говорило, что когда там, в политике Великой Британии, борются, с одной стороны, такая мощная группа, как английский капитал, а с другой стороны, политически такая беспомощная, трусливая сила, как мелкая буржуазия, возглавляемая Макдональдом,—военные органы, которые в течение сотен лет ведут английскую политику, произвели небольшую мобилизацию на случай новых сдвигов направо. Для того, чтобы шагнуть к пацифизму, не нужно большой под-

[1]) Макдональд распустил парламент 9-го октября.

готовки, нужно только отказаться от политики разбоя; но чтобы подготовить новый империалистический нажим, нужно работать неустанно и заблаговременно.

в) Интервенция в Китае.

Я перехожу к третьему испытанию пацифистско-демократической эры, а именно к пацифизму, который практикуется на спине китайского народа. Китайский вопрос заслуживает самого внимательного отношения с нашей стороны. Само собой понятно, что на нескольких страничках, которые я могу ему посвятить в данной статье, можно затронуть только самые общие черты, но этого достаточно, чтобы понять, какой смысл имеют события в Китае, в связи с той международной картиной, которая развернулась перед нами.

По существу, то, что происходит в Китае,—это борьба за объединение Китая под руководством китайской буржуазии. Когда мы читаем произведения буржуазных европейских писателей о Китае, то видим, что они пытаются поразить читателя таинственностью происшествий в Китае: одна из самых таинственных вещей, которую нам сообщают капиталистические „ученые" и журналисты о Китае,—это 25 губернаторов, 25 правительств, которые там непрерывно друг с другом дерутся. Но Китай по своим размерам—это Европа, и в этом Китае—только 11.000 верст ж. д. И если присмотреться к этой цивилизованной Европе, которая так свысока взирает на гражданскую войну в Китае, то окажется, что в ней, не считая Советской России, т.-е. той части, которая представляет половину Европы, насчитывается 24 государства, с СССР—25, а насчет войн и в Европе жаловаться не приходится. Самые китайские пространства, эти 11 миллионов квадратных верст его территории, служат достаточным объяснением того, что даже при более сильном развитии капитализма Китай имел бы еще огромные затруднения на пути к своему объединению. Но уровень китайского капиталистического развития низок и слаб в сравнении с размерами этой страны. Китай насчитывает около 3 миллионов промышленных рабочих. Участие Китая в мировой торговле можно оценить в 3 миллиарда зол. руб. Эти цифры показывают, что Китай уже капиталистическая держава, но капиталистическое развитие его очень молодо: на 400 милл. населения — 3 миллиона промышленных рабочих. Промышленное развитие Китая сгруппировалось вокруг нескольких провинциальных центров; оно началось на юге, наиболее сильно в Центральном Китае, но и север, Манчжурия, со времени русско-японской войны очень скорыми шагами движется по пути капитализма. Таким образом создались различные центры китайской буржуазии, из которых каждый претендует на власть. В наших газетах представляют Чжан-Цзо-Лина, У-Пей-Фу, как представителей остатков феодализма. Это не соответствует действительности. Правительство У-Пей-Фу, например, есть правительство, защищающее

интересы капиталистов против рабочих, расстреливающее бастующих рабочих. 30% всех процессов во всех судах Китая — это процессы кулаков и ростовщиков против крестьян-арендаторов, не уплативших арендной платы и процентов по векселям. Крестьянское население расслоено так, что больше 50% состоит из батраков и мелких арендаторов. Власть У-Пей-Фу представляет собой интересы китайского капиталистического развития. Она при помощи военной силы пытается объединить Китай под своим руководством. Почему же объединение Китая происходит путем борьбы военных клик? По тем же самым причинам, по которым объединение Германии пошло по пути борьбы между Гогенцоллернами и Габсбургами. Если капиталистическое развитие складывается вокруг различных центров, то буржуазия этих центров и военные группы этих конкурирующих центров стремятся объединить Китай под своим руководством, в расчете на большую власть, большие барыши и т. п. Борьба между Чжан-Цзо-Лином и У-Пей-Фу есть типичная борьба двух военных группировок, опирающихся на два исторически независимо друг от друга развивающихся центра капиталистического развития. Объединение нации может произойти путем восстания народных масс или путем борьбы буржуазно-военных клик между собою. Первый путь — это был путь, который в Германии Маркс указывал народным массам, рабочим и мелкой буржуазии, говоря им, что только посредством революции они добьются наиболее скорой, наиболее решительной ликвидации провинциализма, унаследованного от феодальной эпохи. Но в 1848 году у германской мелкой буржуазии и крестьянских масс нехватило силы для этого, а крупная буржуазия пошла с Габсбургами и Гогенцоллернами, и объединение состоялось не в гражданской войне снизу, а в войне между Пруссией и Австрией путем давления сверху. Так как сейчас китайские крестьянские массы, мелкая буржуазия и рабочие слабее крупной буржуазии, то объединение идет путем войны, — войны двух представителей этих буржуазных центров, У-Пей-Фу и Чжан-Цзо-Лина. Каким путем завершится внутреннее развитие Китая, угадать трудно. Быть-может, данная стадия приведет к победе У-Пей-Фу над Чжан-Цзо-Лином, но, во всяком случае, борьба китайского народа за объединение развивается в фокусе международной борьбы. Как объединение германского народа должно было привести к войне Пруссии с Австрией и позже с Францией, так же стремление к объединению китайского народа неизбежно приводит к столкновению с иностранным капиталом. Почему Франция мешала объединению Германии? По той простой причине, что объединение Германии означало изменение соотношения сил в Европе. Франция и царская Россия были тогда главными руководящими силами на континенте Европы. Возникновение сильной капиталистической единой Германии сразу меняло это положение, и само собой понятно, что будь у власти не Наполеон III, а французская демократия, — и в этом случае это объединение вызвало бы войну. Всякий новый конкурент, появляю-

шийся на международной сцене, должен с оружием в руках доказать свою силу. Появление на исторической сцене Китая с его 400-миллионным населением, Китая, владеющего территорией в 11 миллионов кв. верст, территорией, на которой находится $^1/_4$ всего мирового угля, первого после американского угля, имеющей огромные залежи железной руды и, по всей вероятности, значительные залежи нефти, объединение Китая и его развитие меняет всю мировую обстановку, не говоря уже о том, что китайская революция, пробуждение китайского народа есть исходный пункт новых громадных войн—революционных и контр-революционных.

Каково международное положение в Китае в данный момент? Я не буду здесь повторять историю внедрения международного капитализма в Китае. Оно шло путем целого ряда войн. В данный момент, после мировой войны, на Дальнем Востоке осталось три конкурента в борьбе за Китай: Япония, Англия и Америка. Самым сильным экономически иностранным элементом является, конечно, английский капитализм. 40% китайской торговли сосредоточено в руках Англии. Большинство индустриального капитала—фабрики и жел. дороги—захвачены английскими капиталистами. В военном отношении сильнее других Япония, имеющая, благодаря своему географическому положению, возможность перебросить войска через Корею и Манчжурию, в непосредственной близости к северу,—то есть не только к Пекину, столице Китая, но и к провинции Шанси, самой богатой углем и железом. Япония не только самая сильная военная держава на Дальнем Востоке, но и экономически наиболее заинтересованная. Не имея собственного угля и железа, она в случае войны или блокады с моря зависит в буквальном смысле слова от того, будет ли она распоряжаться углем и железом Китая, или нет. Америка—третий из конкурентов в Китае и до войны наименее заинтересованный — вообще только начала втягиваться в дальневосточные дела. Но с первого момента, как только китайский вопрос стал ребром после японско-китайской войны 1894 г., она, учитывая будущее, обеспечила себе на Филиппинах мост к Китаю. Экономические интересы Америки в Китае за время войны и после войны с каждым годом возрастают. Библиография дает в этом отношении очень интересные данные: оказывается, что изо всех книг о Китае, выходящих во всем мире, 70% появились в Америке. Там американский капитал расценивает свои будущие интересы в Китае. В чем они состоят? Во-первых, не дать Китаю развернуться в самостоятельную капиталистическую державу, потому что конкуренция страны с таким населением, с такими натуральными богатствами представляет собой громадную опасность для Америки. Если присмотреться к расположению угольных и железных копей Америки, то окажется, что большинство их расположено на атлантической ее стороне. Развитие в Китае угольной промышленности, железной промышленности означает, при дешевизне морских фрахтов, в будущем возможность появления китайской конкуренции с Америкой не только на мировом рынке, но и на всем побережье Тихого

океана, и не только на азиатском, но и на американском побережье. Во-вторых, интересы капиталистической Америки требуют недопущения японской гегемонии в Китае.

Какая констелляция держав сложилась тут после мировой войны? Я не упоминаю Франции, ибо Франция благодаря своей экономической слабости не может играть самостоятельной роли. Германия, как империалистическая держава, теперь ничего не значит. Империалистическая Россия исчезла,—остались Америка, Япония и Англия. Перед войной существовал англо-японский договор, который был обращен вначале против России, а после заострился против Германии. Он мог получить острее и против Северных Штатов Америки. Поэтому в 1907 г. Англия оговорила, что этот акт не относится к нациям, с которыми она имеет договор об арбитраже. Такой страной была Америка. Но это бумажное устранение возможности использования англо-японского договора против Америки показалось последней недостаточным, потому что Америка прекрасно понимала, что она и Англия являются конкурентами, и если эта конкуренция доведет до борьбы, то англо-японский союз может быть обращен и против нее. После войны, опираясь на свою мощь и на английскую колонию Канаду, Америка потребовала уничтожения этого союза. Это случилось в 1921 году, и теперь на Д. Востоке мы имеем сотрудничество англо-американского капитала против Японии. Отсюда вся программа англо-американской интервенции на Д. Востоке. Борьба между различными губернаторами Китая, конечно, поддерживалась европейскими капиталистическими державами и Америкой. Если они теперь жалуются на китайский милитаризм, то сами являются отцами этого милитаризма, ибо Китай, который вошел в капиталистический водоворот без единой дальнобойной пушки, или с маленькими пушечками, купленными в Макао у португальцев, познал преимущества тяжелой артиллерии под руководством культурных европейских держав. Мало того: в последнее время, несмотря на существование тайных договоров, воспрещающих ввоз оружия в Китай, все без исключения капиталистические державы наперебой поставляют это оружие в Китай. Поддержка в Китае милитаризма была результатом не только погони за прибылью частных капиталистических кругов, но и империалистической политики великих держав. Япония, не будучи в состоянии самостоятельно укрепиться на севере Китая (растущее национальное сознание Китая оказывает бешеное противодействие), поддерживала Чжан-Цзо-Лина, своего ближайшего соседа, через которого было удобнее всего действовать. Англичане и американцы ставили ставку на У-Пей-Фу. Причины, почему они это делали, также ясны. Главная сфера влияния, где внедрился английский и американский капитал, — это именно пространство между Хуанхо и Янтсе, — территория, которой владеет У-Пей-Фу. Но теперь для английского и американского капитала созрел момент, чтобы попытаться окончить эту войну конкурентов за власть в Китае. Япония, которая во время

войны захватила Шантунг, оставленный ей в Версале союзниками, несмотря на протесты Китая, за послевоенное время значительно ослабела. Англо-американское сотрудничество изолировало ее полностью, Япония была вынуждена на Вашингтонской конференции уйти из Шантунга, хотя англичане остались не только в Гонконге, но и в Вейхайвее. Главной сферой влияния Японии осталась Манчжурия, где японский капитал пользуется большими преимуществами. Англия и Америка пытаются теперь использовать землетрясение, стихийное бедствие, по поводу которого союзники, с Америкой во главе, пролили так много слез. Япония, которая в продолжение каких-нибудь пяти лет не в состоянии расходовать значительных сумм на дальнейшее вооружение и в ближайшие годы не может оказать значительной военной помощи Чжан Цзо-Лину, не может ни под какими условиями рисковать войной с Америкой. Обстановка самая благоприятная, чтобы вырвать у Японии преимущества, которые она имеет в Манчжурии. Эти преимущества велики: своя собственная полиция для охраны железной дороги и т. д. Кроме того, Япония является главным капиталистическим фактором, в ее руках—финансирование манчжурской промышленности, растущий вывоз хлеба и бобов сойя, из которых добываются растительные масла. Каким образом можно вытеснить Японию из Манчжурии, присвоить ее привилегии? Прежде всего подчинить Чжан-Цзо-Лина У-Пей-Фу... Поэтому-то англо-американский капитал и выдвигает теперь программу пацификации Китая, уменьшения вооружения, окончания борьбы между генерал-губернаторами. Ведь, перевес на стороне У-Пей-Фу, и если, под давлением союзников, дело дойдет до конференции китайских генерал-губернаторов, или У-Пей-Фу разрешит вопрос силой оружия, то Чжан-Цзо-Лин будет подчинен У-Пей Фу, и таким образом преимущества Японии в Манчжурии будут ликвидированы.

Какова дальнейшая программа Англии и Америки? В нашей прессе очень часто рассматривают Чжан-Цзо-Лина, У-Пей-Фу и других губернаторов в Китае, как наймитов иностранного капитала. Это—преувеличение, которое не соответствует действительности. Люди, под наблюдением которых идет вывоз в $1^1/_2$ миллиарда руб., т.-е. более значительный, чем наш, державшие в своих руках громадные территории,—это самостоятельные факторы значительной силы. И Чжан-Цзо-Лин, и У-Пей-Фу координируют свои действия с иностранными державами друг против друга так же, как Пруссия пыталась заручиться поддержкой царизма в борьбе с Австрией, как эта последняя искала поддержки Франции, но само собой понятно, что Чжан-Цзо-Лин и У-Пей-Фу рассчитывают,—а этот расчет опирается на известные реальные моменты,—что каждый из них, выиграв борьбу при помощи иностранных держав, потом сможет самостоятельно повести игру против иностранных держав. Поэтому-то и У Пей-Фу добивается признания Советского Союза, поэтому, приезжая в Пекин в разгар войны, отправляется с визитом к тов. Карахану. Это доказывает

его желание вести самостоятельную политику и понимание им будущих своих интересов. Если он подчинит себе Чжан-Цзо-Лина, то будет нашим соседом. Ему нужны сношения с нами, чтобы в дальнейшем играть самостоятельную роль по отношению к англо-американскому капиталу. Чжан-Цзо-Лин, со своей стороны, заключает с нами соглашение насчет Китайско-Восточной железной дороги.

Какова же актуальная программа англо-американского капитала в Китае? Он великолепно понимает, что У-Пей-Фу не является пешкой, и поэтому на всякий случай уже готовит ему противовес. В последнее время появился начальник пекинского гарнизона, христианский генерал Фын-Юй-Сян [1]), и на него надеются опереться, если нужно будет нажать на У-Пей-Фу.

Англо-американцы выдвигают программу не уничтожения генерал-губернаторов, а программу федерации, подчинения их одному центру. Таким образом они оставляют за собой возможность разыгрывать и в будущем друг против друга китайских провинциальных царьков. Как представляют себе эти „пацифисты" дальнейший ход событий? Если У-Пей-Фу победит, то в их руках останутся выходы к морю—Шанхай и Тьенцзин. Там стоят гарнизоны союзников, корабли, сосредоточены значительные военные силы. Китай, которому в течение двух десятилетий набросили на шею петлю в виде целого ряда контрибуций, процентов по займам и т. д, находится в неслыханно тяжелом финансовом положении. Таможенные пошлины взимаются в китайских гаванях англичанами. В первую очередь из них уплачивается контрибуция по боксерскому восстанию. Соляная монополия, одна из главных податей в Китае, заложена в обеспечение ряда займов. Китайские генерал-губернаторы не имеют денег для содержания армии: провинциальные армии месяцами и годами не оплачиваются. Победа У-Пей-Фу над Чжан-Цзо-Лином у Шанхая была решена тем, что губернатор Киангсу Ли сумел выбросить значительную сумму денег для подкупа солдат своего противника. Расчеты союзников основываются на том, что победитель останется гол, как сокол, что, имея возможность оказать на него военный нажим и затем предоставить соответствующий заем, его легко держать за горло. Поэтому они не выдвигают лозунга захвата территории и раздела Китая. Часть территорий захватывает только тот, кто чересчур слаб и не может захватить целого: японцы, которые не в силах покорить всего Китая и экономически конкурировать с Америкой, борются за особые сферы влияния. Англо-американский капитал выдвигает план экономической эксплоатации всего Китая, и для осуществления этого плана он вырабатывает целый ряд требований, как, например, разрешение держать свои гарнизоны в центрах промышленности. Железные дороги в Китае, кроме Манчжурии, охраняются китайскими вой-

---

[1]) События вскоре доказали правильность моего указания на роль ген. Фын-Юй-Сяна.

сками. Англо-американские капиталисты, наверное, потребуют права держать караулы по железнодорожным линиям. Дальнейшие меры будут направлены против демократического национального движения в Китае, которое представляет огромную опасность для европейского и американского капитала. Оно имеет базой провинцию Квантунг и правительство Сун-Ят-Сена; поэтому интервенция в первую очередь обращена была против него. Конечная цель интервенции во всекитайском масштабе—не допустить объединения Китая национально-демократическим движением. Если объединение Китая произойдет в результате национально-демократического движения, и в этой борьбе пролетариат получит в ряде боев свое крещение, то он завоюет себе, даже при капиталистическом режиме, свободу печати, свободу собраний, организует профсоюзы, и тогда одно из главных преимуществ Китая для иностранного капитала исчезает: исчезнет Китай, как поставщик дешового сырья и дешового труда, исчезнет рай, где за 20 коп. можно эксплоатировать рабочих по 14 часов в сутки. Китай будет самостоятельной капиталистической державой, равной среди равных. Интервенция союзников в Китае в ближайшее время не примет характера большого военного похода, но она в полном разгаре, она будет усиливаться, и целью этой интервенции является подчинение Китая англо-американскому финансовому капиталу, который хочет себе обеспечить источник дешового сырья и дешовых рабочих рук, эксплоатируемых на месте.

Международное значение англо-американской интервенции в Китае состоит, в первую очередь, в том, что предпосылкой стабилизации капитализма является громадное расширение рынков. Оно может произойти путем крупных технических сдвигов, удешевляющих товары, которые завоюют себе, таким образом, новые массы покупателей. Этот путь пока-что закрыт для международного капитализма, потому что такого огромного технического сдвига нет. Единственная возможность его возникновения—путем развития электротехнической промышленности — закрыта пока-что в виду того, что международная буржуазия не обладает теперь капиталами, которые нужны для проведения электрификации мира в широком масштабе. Поэтому, если капиталистический мир может стабилизоваться, ему нужны громадные новые рынки. Таких рынков в мире имеется два: это—СССР и Китай. Поэтому не случайно, едва только Лондонская конференция союзников открыла перспективу компромисса в Центральной Европе, русско-английский вопрос принял более острую форму, заострилась борьба за заем, и заострился китайский вопрос. Быть может, что мы не имеем еще здесь дела с решениями правительств, что действует здесь закон давления атмосферы и равновесия. Военные разведчики, финансовые агенты Англии и Америки в Китае, пока не было лондонского компромисса, чувствовали

себя связанными, потому что знали, что их правительства не смогут в нужный момент оказать достаточной поддержки. Как только выяснилось, что в Европе достигнут известный компромисс, эти конквистадоры почувствовали, что теперь их руки развязаны, и прежде чем господа государственные люди, те, которые вершат дела головою, успели что-нибудь придумать, другие государственные деятели, работающие во всех агентурах, уже в действии, уже создают совершившиеся факты, которые связывают правительство. Можно было проследить в печати, как действия английского флота у Шанхая и Кантона дали толчок для переговоров между державами. Таким образом, китайский вопрос опять показывает, что „эра пацифизма и демократизма" означает попытку подчинить Китай англо-американскому капиталу, попытку задушить его нарождающееся национально демократическое движение.

г) Лига Наций—обеспечение мира.

Я перехожу к четвертой проверке, к Лиге Наций и вопросу о разоружении на конференции Лиги. На конференции в Вашингтоне американский и английский капитал выступали в качестве застрельщиков мира, уменьшения вооружений и т. д. От Вашингтонской конференции нас отделяют уже два года. Вашингтонская конференция укрепила мир в том смысле, что вместо больших кораблей теперь строят больше подводных лодок, крейсеров и создают целые флотилии аэропланов. Она произвела серьезные изменения в роде оружия. Положение на Д. Востоке в смысле военном разрядилось не благодаря Вашингтонской конференции, а благодаря землетрясению в Японии. Какую же картину представляла борьба за разоружение на осенней сессии Лиги Наций? Во всяком случае, очень характерную. Во-первых, Америка по сегодняшний день не принимает участия в Лиге Наций, и по всей вероятности, и впредь от всякого участия воздержится. Причина? Мощный американский капитал совсем не намерен подвергать вопрос о своем отношении к республикам Центральной и Южной Америки, вопрос, разрешенный с оружием в руках и при помощи жесточайшего экономического давления, публичному обсуждению многоуважаемых Эстонии, Латвии, Литвы, Албании, и других держав, представленных в Лиге Наций. Американский капитал совсем не намерен поставить свое вооружение под контроль синедриона этих малых держав. Американский капитализм остается формально вне игры вокруг „разоружения" Европы.

Решающую роль на сессии Лиги Наций играли английское рабочее и демократическое французское правительства. В Женеве состоялся большой турнир. Г н Макдональд сказал очень патетическую речь, г. Эррио—также. Г-н Макдональд говорил все время об арбитраже, г. Эррио говорил о гарантиях мира. В чем разногласия? Англия имеет флот громадной силы, равный ему

флот имеет только Америка; Франция на море слаба. Разоружение в Европе очень выгодно для английского империализма по той причине, что оно обозначает ослабление Франции. На материке сражаются пехота, кавалерия, артиллерия, и если уменьшить эти роды вооружения, не уменьшая вооружений на море, то континентальные державы ослабнут, опять-таки в первую очередь Франция... Поэтому англичане, не уменьшая вооружения на море, а, наоборот, устроив перед сессией Лиги Наций большие военные маневры, чтобы показать свою силу, добиваются уменьшения вооружений в Европе, как гарантии ослабления сил Франции. Франция с своей стороны спрашивает: „А в случае нападения на меня, что вы гарантируете? блокаду? Блокада медленно действует, за это время меня успеют задушить; обещаете, что Лига Наций прикажет всем нациям итти нам на помощь? Где гарантии, что они исполнят приказ Лиги Наций? Гарантия мира состоит в создании боеспособности, а боеспособность создается путем частичных военных союзов. Позвольте мне иметь союз с Польшей, с Румынией, с Югославией и Чехо-Словакией, это уже кое-что даст, а кроме того, заключите со мной договор, гарантирующий Франции границы, завоеванные в 1918 г., и тогда мы готовы итти на уменьшение вооружений". Но Англия не только не намерена дать Франции гарантии, связывающие ее на определенный исторический период с Францией, она еще решительно высказывается против частичных союзов. Вот почему пацифистский турнир в Лиге Наций превратился, по меткому определению одного из английских журналистов, в очередную войну Англии и Франции „на пацифистском поприще". Дебаты Лиги Наций от 4-го сентября вызвали взрыв негодования во Франции. Все дело было передано в комиссию Лиги Наций, которая в продолжение трех недель состряпала компромисс, увидевший свет божий под названием „Протокола Бенеша". Этот протокол, после многих переработок принятый единогласно 2 го октября Лигой Наций, должен быть до 1925 года ратифицирован парламентами всех членов Лиги Наций, после чего в июне должна быть созвана международная конференция, посвященная вопросу об уменьшении вооружений, к участию в которой будут приглашены и державы, не являющиеся членами Лиги Наций. Каково содержание протокола Бенеша? Он представляет собой компромисс французской и английской точек зрения и обязывает всех членов Лиги Наций не начинать никаких военных действий ни друг против друга, ни против третьих держав, прежде чем Гаагский арбитражный суд и Лига Наций не займутся спорным вопросом и не решат его. Держава, которая отклонит привлечение ее Лигой Наций к суду или, вопреки решения ее, начнет военные действия во время разбирательства дела, должна быть объявлена зачинщиком наступательной войны. Все члены Лиги Наций обязаны, по решению Лиги Наций, порвать с нею всякие экономические сношения и, в случае соответствующего решения, даже начать против нее военные действия. После принятия этого статута всеми государствами, входящими в Лигу

Наций, международная конференция должна заняться вопросом об уменьшении вооружений. Еще не обсохла бумага, на которой напечатан этот протокол, а уж начался ожесточенный бой между французской и английской капиталистической прессой. Часть французской буржуазной прессы празднует это решение, как большую победу Франции. Во-первых, по ее мнению, английский флот, на основе этого решения, может быть мобилизован Лигой Наций против державы, не подчиняющейся решениям Лиги Наций. Для Франции само собой не подлежит сомнению, что такими злостными свойствами характера может обладать только Германия или Советский Союз. Против них-то Англия обязана будет гарантировать безопасность невинной Франции. Во-вторых, в протоколе Бенеша есть пункт, разрешающий всякой державе сказать, какими средствами, какой силой она может и хочет помочь своим друзьям в несчастном случае. Это не что иное, как легализация существующих уже военных союзов Франции и ее вассалов. Английская печать заявляет в один голос, от „Таймса" до „Манчестер Гардиан", что не может быть и речи о том, чтобы Англия обязалась на основе решений Лиги Наций связывать свой флот. Во-первых, Великобритания является не только европейской державой, она имеет колонии во всех частях мира, колонии, не очень заинтересованные в европейских событиях. Они наверное не пожелают взять ответственность за вмешательство в чортов котел Европы. Во-вторых, отсутствие С. Штатов Америки в Лиге Наций создает опасность конфликтов между южно- и центрально-американскими республиками, входящими в состав Лиги Наций, и С. Штатами. При таких конфликтах Англия не намерена рисковать никаким вмешательством. „Таймс", играющий и при рабочем правительстве роль наиболее показательного представителя взглядов английской буржуазии, заявляет, что Англия и так уже чересчур обременена обязательствами, вытекающими из Лондонского соглашения, чтобы прибавлять к ним еще новые. Очень характерно отношение ко всей женевской шумихе С. Штатов Америки. Пресса их, занятая выборами, ограничивалась короткими комментариями и притом довольно скептическими по адресу женевских решений. Вряд ли они будут ратифицированы всеми участниками, во всяком случае постановления эти не касаются нас. Американский капитал не позволит никому путаться под ногами в случае, если американские тресты начнут душить одну из южно-американских республик. Кроме того, инцидент, вызванный на сессии Лиги Наций Японией, наверно только усилит враждебное отношение С. Штатов к женевским решениям. Япония едва не сорвала все единогласие, нужное для того, чтобы написать хоть бумагу о водворении всеобщего мира. Протокол Бенеша содержал пункт, оговаривающий, что вмешательство Лиги Наций возможно только по вопросам международным. Если спор идет из-за конфликта, который международный суд признал делом внутренней политики одного из тяжущихся государств, то Лига

Наций не вмешивается; если одна сторона, вопреки решению Лиги, все-таки отказывается рассматривать вопрос, как внутриполитический, и вступит в войну, то она объявляется нападающей стороной и будет иметь против себя Лигу Наций. Вся эта абракадабра означает следующее: одним из главных поводов возможного конфликта между Японией и С. Штатами Америки является исключение японцев из числа народностей, имеющих право эмигрировать в Америку. Эта политика С. Штатов закрывает для Японии все отдушины. Английские колонии последовали примеру С. Штатов. Япония, страдающая относительным избытком населения, лишена возможности выбросить его за границу, и все снова протестуют против этой политики ограничений. Господствующие ее классы боятся скопления пролетаризированных элементов, не находящих применения в японской промышленности. Вопрос об эмиграции, являющийся, таким образом, крупным международным вопросом, есть одновременно вопрос внутренней политики Америки. Отказ Лиги Наций от принятия определенного решения по этому вопросу и страх перед войной, которую он может вызвать, ставят японскую буржуазию в неслыханно тяжелое положение. Поэтому Япония и отказалась подписать протокол Бенеша до внесения в него оговорок, во всяком случае позволяющих поднять этот вопрос перед Лигой Наций. Само собой понятно, что при первой попытке Лиги Наций вмешаться в американские дела, она не услышит ничего, кроме грубого: господа, убирайтесь вон! Но самая возможность такого вмешательства усиливает враждебность правительства С. Штатов ко всей женевской затее. Оно само намерено взять в свои руки вопрос об уменьшении вооружений в Европе. Ведь, американский президент Кулидж уже заявил, что Америка созовет международную конференцию по вопросу о разоружении. Америка хочет удержать этот вопрос в своих руках, потому что она сама хочет разоружать и вооружать Европу в зависимости от того, удержится ли англо-американское сотрудничество или уступит место англо-американской конкуренции. Тогда, может-быть, полезно не только разрешить Франции ее дальнейшие вооружения, но даже помочь ей в этом, что может понадобиться еще и по другим соображениям. Если Америка серьезно завязнет в германских делах, то ей может понадобиться судебный пристав в лице Франции, который с винтовкой в руках карaулил бы германского должника. Вопрос об уменьшении вооружений не только не решен Лигой Наций, но он будет в ближайшие месяцы предметом самой острой политической борьбы, в которой, с одной стороны, примет участие Франция со своими вассалами, требующими обеспечения своей добычи 1918 года, с другой стороны, Англия с мирными нейтральными государствами, боящимися быть втянутыми в новый империалистический конфликт. На чьей стороне окажутся в этой борьбе С. Штаты Америки,— теперь еще не известно.

3. Сущность „демократическо-пацифистской" эры.

В чем сущность так-называемой демократическо-пацифистской эры? Этот вопрос станет ясным, если вспомнить, что уже он не в первый, а в третий раз ставится перед нами со времени окончания войны.

В первый раз он возник в форме вильсонизма. Четырнадцать пунктов Вильсона, на основе которых Германия капитулировала и сложила оружие, вызвали в широчайших народных массах веру в то, что мировой капитализм от эры конкуренции и состязания, наконец, переходит к эпохе международной организации, дающей простор для равномерного, хотя и капиталистического развития народов—без войн и бешеной эксплоатации народных масс. Герольдом этих иллюзий не преминула сделаться международная социал-демократия, тогда еще разбитая на антантовский и германский лагери. Почтенный Карл Каутский еще раз проституировал марксизм, доказывая учено и пространно, что природа американского империализма—такова, что должен жить по-вегетариански. Вильсоновская утопия лопнула в Версале, как мыльный пузырь, от соприкосновения с реальными интересами капиталистических держав-победительниц, из которых ни одна не хотела пожертвовать малейшим своим интересом во имя „справедливой международной организации капиталистического общества". От вильсоновской утопии остался версальский меч, завернутый в бумагу, испачканную статутом Лиги Наций.

Во второй раз эта утопия возродилась в прекрасной южной Франции, в Каннах, где Л.-Джордж обучал Бриана игре в гольф и, между прочим, пытался по-новому и справедливо решить репарационный вопрос, где Ратенау спел свою лебединую песнь так хорошо, что, воротясь домой, рассказывал: „Если бы вы видели, с каким вниманием меня слушали союзники, то поняли бы, что началась новая эра соглашения и мира!"

Наконец, эта утопия еще раз стала перед нами в Генуе, где Л.-Джордж между завтраками, обедами и ужинами в прекрасных старых итальянских палаццо пытался разрешить вопрос об отношении капиталистического мира к Союзу Советских Республик. На этот раз утопия умиротворения мира под эгидой английского империализма—ибо американский повернулся к Европе спиной и заперся в своем заатлантическом вигваме—явилась в значительно более общипанном виде. Без Америки нельзя было решать всех мировых вопросов. Л.-Джордж поэтому занялся более скромной задачей—водворением мира и благодати в Европе. Но конференция в Каннах кончилась тем, что Пуанкаре послал к чорту Бриана и начал подготовлять поход на Рур. Конференция в Генуе кончилась срывом; Стандард-Ойль, американский нефтяной трест, испугавшись советской сделки с английским нефтетрестом, взорвал ее через своих агентов.

Накануне Каннской и Генуэзской конференций г. Гильфердинг—эта карикатура на Каутского—разливался соловьем на стра-

ницах органа независимой социал-демократии, носящего ироническое название „Свобода". В этой статье (1 января 1922 года) г. Гильфердинг писал:

„Капиталистическое хозяйство знает два метода увеличения своих прибылей через концентрацию капитала: победу над слабейшим противником в конкурентной борьбе или объединение сильных в сообщество интересов. Чем прогрессивнее капитализм, чем выше ступень производства, чем выше участие постоянного капитала, тем дороже конкуренция, тем менее известен ее исход. Тем больше поэтому место конкуренции занимает соглашение, попытка преодолеть анархию организацией. Цель повышения прибылей остается той же самой, но методы меняются. Вторая экономнее и действительнее.

Так же обстоит дело в международной политике капиталистических держав, все содержание которой в последнем счете определяется стремлением капитала к экспансии. Это создает противоречия интересов и возможность конфликтов. Вопрос остается открытым, должны ли они приводить к войне. Для того, чтобы это случилось, противоречия экономических интересов должны найти свое выражение в политике государства, угрожающей другим государствам. Соотношение сил должно быть такое, чтобы борющиеся государства или группы государств могли ожидать каждая для себя победы. Слишком большая разница в соотношении сил принуждает более слабое к капитуляции без боя.

Последняя война оставила только два центра силы. Она продемонстрировала, как опустошающе действует война на хозяйство, как это опустошение превышает все выгоды, которые дает победа. Чтобы добиться экспансии капитала и обеспечить ее, необходимо изменение методов. Соглашение должно занять место борьбы. Этот новый метод делается тем более необходимым, что силы Америки и Англии приблизительно равны, и война означала бы гибель обеих, объединение же даст им громадный перевес. К этому прибавляется еще акт, не отметить или недооценивать который означало бы впасть в вульгарный марксизм,—факт культурной близости обеих англо-саксонских держав, который наперед исключает возможность военной развязки".

На основе этой теории господин Гильфердинг уже в 1921 году провозглашал наступление новой эпохи пацифизма и демократии. „Новая эпоха", не зная теории господина Гильфердинга, опоздала на 4 года. Мы еще присмотримся к теории господина Гильфердинга. Тут мы хотим только установить, что он в одном, несомненно, прав: то, что ново для рассматриваемой эпохи,—это именно англо-американское сотрудничество. Оно — стержень всей новой мировой констелляции. Этот факт имеет громадное значение для уяснения смысла переживаемого времени. Он состоит из двух основных элементов: из ослабления в Европе французского и немецкого капитализма, за которым последовала победа так-называемой демократии во Франции, из расстройства политического

парламентского аппарата английского империализма, из ослабления японского империализма, которое усилит буржуазно-демократические элементы в Японии, и, с другой стороны, из возвращения С. Штатов Америки в Европу, которое сделало возможным англо-американское сотрудничество. Мы, таким образом, имеем перед собой перегруппировку сил в лагере мировой буржуазии и сдвиг в соотношении классов во Франции, Германии, Японии, а отчасти и Англии. Который из элементов важнее, как источник рождения так-называемой новой эпохи? Мы думаем, что первый: создание англо-американского сотрудничества. Это становится ясным, если принять во внимание два факта. Финансовые затруднения Франции, не позволившие ей использовать рурскую победу, уже заставили господина Пуанкаре принять план Дауэса. Не будь победы левого блока, Пуанкаре был бы принужден проводить ту же политику, которую проводит теперь Эррио. Он делал бы это, быть-может, без демократически-пацифистских фраз, но делал бы. Что касается политики английского правительства, то оно только продолжает политику и Ллойд-Джорджа, и Болдуина. Ллойд-Джордж всеми силами стремился к англо-американскому сотрудничеству, а консервативное правительство Болдуина согласилось даже взять на себя такую великую тяжесть, как уплату 300 миллионов золотых рублей в год, лишь бы добиться соглашения с Америкой. Вся эра пацифизма и демократии повисла бы в воздухе без англо-американских займов, ибо финансирование Германии не по силам одной Англии. Англо-американское сотрудничество — вот смысл пацифистской эры.

А что означают лозунги, под которыми развертывается это сотрудничество? Являются ли они только обманом? Никак нет. Они имеют на определенное время определенный смысл, так же как во время войны имел определенный смысл лозунг Антанты — „за освобождение малых народностей". Антанта создала независимую Польшу, Чехо-Словакию, Эстонию, Латвию, Литву. Она эти страны „освободила" для того, чтобы провести балканизацию Европы и облегчить себе таким образом господство во всей Европе. Что означает пацифизм для англо-американского сотрудничества? Задачей этого сотрудничества является незахват новых территорий, а хозяйственное их порабощение. При этом дело идет о хозяйственном порабощении или высоко развитых капиталистических организмов, как Германия и Франция, или о хозяйственном порабощении стран, имеющих значительную силу сопротивления, как Советская Россия и громадный Китай. Все искусство состоит в том, чтобы взять эти страны на финансовый аркан, а не разваливать их при помощи пушек. Можно допустить, что англо-американский финансовый капитал очень бы хотел провести план финансового порабощения Германии, Франции, России, Китая гладенько, без одного выстрела Англо-американский финансовый капитал не только

хочет, но и надеется провести этот проект, опираясь на свое экономическое могущество. И не подлежит сомнению, что в тот первый период, когда Америка и Англия будут давать займы, не выжимая пока-что из своих должников миллиардов, их жертвы будут брать деньги вполне мирно. Пределы пацифизма кончаются там, где начнется взимание процентов, захват хозяйства целых стран, где туземная буржуазия, выступающая в роли подрядчика англо-американского капитала, начнет усиливать свою эксплоатацию, чтобы уплатить дань англо-американскому капиталу. Другая грань англо-американского пацифизма—это отпор народов, которые совсем не хотят быть осчастливлены англо-американской „помощью" или готовы взять доллары и фунты, но с благодарностью отказываются от перехода на положение рабов англо-американского капитала. Пацифизм новой эры будет продолжаться, пока Морганы и Норманы намыливают веревку для народов.

Идея захвата всего мира двумя капиталистическими группами, как бы сильны они ни были, идея организации этого мира англо-американским капиталом по существу не реальна. Остальной капиталистический мир, несмотря на свое ослабление, достаточно силен, чтобы защищаться путем целого ряда контр-комбинаций. Даже господин Гильфердинг не сможет указать такого примера, чтобы международному тресту удалось охватить весь мир. Новые технические изобретения дают жизнь новым капиталистическим трестам. И даже там, где два капиталистических треста достигают известных соглашений, это—соглашения временные, не исключающие дальнейшей борьбы. Достаточно указать на отношение американского и английского нефтяных трестов, которые заключили целый ряд соглашений, но не перестают друг с другом бороться. В политике дело обстоит еще более сложно. Англо-американская кооперация может привести к соглашению целого ряда капиталистических держав, как Франции и Японии, против англо-американского треста. Они слабее, но достаточно сильны, чтобы дезорганизовать „мирное" проглатывание вселенной англо-американским финансовым капиталом. Кроме этих старых капиталистических держав, существует целый ряд новых, молодых, как Турция, Персия, Китай и т. д., где буржуазия может еще опираться в борьбе с англо-американским засилием на громадное народное движение, стремящееся к национальной свободе. Мало того: положение англо-американского финансового капитала осложняет еще тот факт, что мы имеем здесь дело не с диктатурой одного американского капитала, а именно с сотрудничеством двух конкурентов. Это сотрудничество разобьется в тот момент, когда выступят наружу различия интересов обоих контрагентов при дележе до-

бычи, или когда неудачи англо-американского сотрудничества сделают более прибыльным для каждого из контрагентов попытаться на собственный счет сговариваться с колониальными народами или капиталистическими странами, представляющими теперь объект англо-американской политики. Насчет демократических последствий англо-американского сотрудничества не приходится много говорить. Социальным стержнем этой кооперации являются не мужички и лавочники господина Эррио и не английские машиностроительные рабочие, а финансовый капитал: в Америке—тресты, организующие Пинкертонов, бросающие бомбы на американских углекопов в Виргинии, в Англии—старые финансовые разбойники, удушающие Египет и Индию, заводчики, составляющие кадры консервативной партии. Нечего долго доказывать, что они при первой необходимости спустят против рабочих фашистские своры, не остановятся ни перед какими мерами насилия, чтобы выколотить из населения проценты по своим займам. Сегодня им это по отношению к Франции и Германии не нужно. Если они дадут им займы, то это на короткое время даст передышку французской и немецкой буржуазии. Стабилизация германской валюты, развертывание промышленности временно смягчат социальный кризис, усилят те элементы буржуазии, которые, понимая, что разгул фашистов не есть лучшее средство повышения производительности труда, пытаются господствовать при помощи демократической видимости. Завтра, когда масса почувствует на своей спине все прелести нового режима и снова поднимется волна классовой борьбы, рассеется весь демократический дурман англо-американской кооперации. Фашизм и буржуазная демократия не противоречат друг-другу. Фашизм представляет собой попытку реставрации капитализма при помощи боевой силы, созданной из пролетаризованных, отчаявшихся элементов мелкой буржуазии. Он вступает в действие, когда буржуазия считает, что иначе нельзя удержать власти. Демократический метод представляет собой попытку реставрации капитализма путем связывания масс по рукам и ногам паутиной реформистских иллюзий. Эта паутина рвется при всяком обострении классовой борьбы. Она теперь слабее, чем была перед войной, она держится, в первую очередь, усталостью масс, которые хотят иметь иллюзии. Ее разгонит первое дуновение ветра, который придет и в случае скорого банкротства пацифистско-демократической эры, и в случае ее настолько продолжительного существования, что массы почувствуют, что она не имеет ничего общего ни с демократией, ни с пацифизмом.

Мы можем теперь перейти от рассмотрения сущности так-называемого пацифистско-демократического периода, т.-е. от вопроса о его окончательных перспективах, к вопросу о его ближайших конкретных перспективах.

4. Ближайшие перспективы „пацифистско-демократической" эры.

Приходится снова начать с Лондонского соглашения. На бумаге соглашение в Лондоне обеспечивает уплату репараций Германией и мир в Центральной Европе. Но с каким доверием относятся к этим гарантиям капиталистические державы? Ответом Франции явился ее отказ уйти из Рурского бассейна впредь до реального осуществления лондонских решений. Этот вопрос состоит, во-первых, в том, дадут ли английские и американские капиталисты Германии 17 миллиардов зол. марок: 800 миллионов в этом году, 11 миллиардов займов по жел.-дор. облигациям и 5 миллиардов по промышленным облигациям в следующие годы; вопрос, дадут ли они германской промышленности частный кредит, без которых немыслимо проведение Лондонского „соглашения". Мы видим, как начинается реализация этого маленького займа в 800 миллионов. От Германии требуют 8% при курсе выпуска в 90, т.-е. по существу 9%. Это неслыханный разбойничий процент, ибо в Америке можно те же деньги получить за 3%. Это уже показывает, сколько хочет нажить финансовый капитал на этом деле. При всех международных гарантиях он еще требует высокого процента, чтобы прельстить покупателей займа, которые иначе на него не пойдут. И это, когда дело идет всего о каких-нибудь 800 миллионах. Отсюда ясно, что жел.-дор. и промышленные займы в ближайшие годы не смогут быть полностью размещены. Но даст ли Англия и Америка эти займы? Это вопрос, который находится под большим вопросительным знаком. В течение ближайших 2-х лет Германии придется платить сравнительно мало, поэтому сначала все будет итти сравнительно спокойно, но через 2 года начнутся платежи. Германия должна будет вносить до $2^1/_2$ миллиардов зол. марок в год. Откуда она возьмет эти деньги? Для того, чтобы действительно платить, страна в ближайшие годы должна утроить свой вывоз, которого едва хватит на покрытие дани. Сейчас вывоз Германии равняется 6 миллиардам. В продолжение этих лет громадные недочеты ее торгового баланса покрывались частными займами, частным кредитом, выпуском обесценивающихся денег. Теперь это кончилось. Чтобы удержать свою промышленность на предвоенном уровне, Германия должна ввозить 16 миллиардов и вывозить 16 миллиардов. Вывозит же она 6 миллиардов. Если к этому еще прибавить миллиарды, которые она должна будет выплачивать союзникам, то весь план экспертов окажется отчаянным прыжком в неизвестность, и американский орган „Нью-Репаблик" прав, заявляя, что с практической точки зрения весь план Дауэса является совершенно „фантастическим планом".

„План Дауэса скоро начнет действовать,—пишет „Нью-Репаблик" от 20 августа.—Он будет, по всей вероятности, достаточно долго действовать, чтобы допустить реализацию займа в 800 мил-

лионов марок. Доходы от этого займа, вероятно, позволят удержать Германию и Францию в продолжение двух лет. После этих двух лет, когда германское правительство обязано будет начать уплату репараций, увеличатся затруднения в очень больших размерах. События последних лет дезорганизовали германские финансы и промышленность. Никто не может теперь предсказать, вынесет ли она тяготы, напряжение, шаткость положения, которые будут созданы проведением в жизнь плана Дауэса и попыткой проведения здоровых экономических методов. Даже если проведение плана Дауэса удастся легче, чем это теперь кажется вероятным, и после двух лет даст экономическую и финансовую прибавочную стоимость, достаточную для немедленного удовлетворения потребностей кредиторов, то все это будет получено ценой такого понижения уровня жизни масс, что оно сделает невозможным дальнейшее проведение в жизнь этого плана. Но если бы даже удалось нажимом провести Германию через третий год без того, чтобы она отказалась от договора, то, наверно, в ближайшие годы страна окажется не в состоянии поставлять дань соответственно все растущим требованиям. В известный момент проведения в жизнь этого плана Германия окажется неспособной его выполнить".

Так говорит либерально-демократический орган, который защищает план Дауэса, как известную передышку для Германии. Еще более ярко выражается очень влиятельный орган американского финансового мира „Джорналь оф Коммерс" от 26 августа. Он заявляет, что в осведомленных кругах все уверены, что дауэсовский план не может быть проведен в жизнь:

„Главный пункт всего репарационного вопроса даже не затронут Дауэсовским планом. Это вопрос о том, позволено ли будет Германии занять соответствующее место, как одной из главных производящих наций. Только если устранить искусственные затруднения для промышленного развития Германии, — может итти речь о ее экономическом оздоровлении... Наши деловые люди вылили на общественное мнение много чувств, много слов о необходимости восстановления Европы, спасения цивилизации, но о реальной помощи не было речи. Наш президент обещает Германии большие займы, но не думает даже ни на одну минуту понизить тарифы для германских товаров".

Этим замечанием американская финансовая газета попадает господам спасителям Германии прямо в глаз, ибо в вопросе о будущем Германии и вообще капитализма главное—это увеличение мирового рынка, который протекционистская политика Америки искусственно сокращает во имя интересов американских трестов.

В другой форме ту же самую мысль выражает американский проф. Moulton, автор лучшей работы о репарационном вопросе в книге своей, посвященной плану экспертов (The new reparation plan. New-York, 1924).

Проф. Мультон говорит следующее:

„Доклад экспертов устанавливает с большой энергией предпосылки и принципы решения, имеющие главное значение. Он развертывает в главных линиях план проведения решений, но репарационный вопрос во всей своей сложности остается еще далеким от разрешения. Сделано только начало; ряд тяжелых вопросов возникнет в связи с проведением в жизнь этого плана; целый ряд спорных пунктов, имеющих решающее значение, спорных пунктов, которые могут легко разрушить весь план, даже не установлен. Если технический аппарат, созданный для проведения в жизнь плана экспертов, сделается орудием политиков, то он даже может быть использован для того, чтобы задержать решение послевоенных вопросов вместо того, чтобы их ускорять".

Главная причина такой оценки состоит в следующем:

„Проведение в жизнь расчетов экспертов предполагает полное восстановление мира от последствий войны и ужасных потерь послевоенных лет. Молчаливой предпосылкой этого плана, между прочим, является то, чтобы Россия в ближайшие годы могла снова сделаться главным рынком сбыта для германских товаров. Расчеты экспертов основаны на предположении, что мир приветствует скорое возвращение Германии на мировой рынок в качестве мощного конкурента, и что он не попытается ограничить международную торговлю Германии при помощи торговой политики".

Как выглядит вопрос о приветствовании появления Германии на мировом рынке, показывает прием плана Дауэса английскими промышленниками, которые готовятся к схватке с французским капиталом и с германским в ближайшем году. Но что думают о возвращении Германии на мировой рынок французские капиталисты? Один из самых их авторитетных органов „Журне Эндюстриэль" помещает на днях статью под заглавием „На пороге новых опытов", в которой мы читаем:

„Германия говорила до сего времени: я не могу платить,— смотрите на мое несчастное положение. План Дауэса дает ей новый мотив, который в ближайшие годы будет так звучать: дабы платить, я должна экспортировать. Если вы не позволите мне экспортировать, я не могу исполнить плана Дауэса. 10 января, когда кончаются экономические ограничения, наложенные на Германию Версальским договором, начнется испытание этой формулы. Германия начала торговые переговоры с Англией, Бельгией, Италией и Францией. Они везде кончались крахом, или были пока-что прекращены, ибо Германия везде заняла позицию, вытекающую из плана Дауэса. Мне нужна свобода вывоза! Это есть начало длинной фазы давления и принуждения. Куда это поведет Европу? Если уступить этому

давлению, то оно приведет к торговой гегемонии Германии; если же ему серьезно воспротивиться, то оно приведет к краху плана Дауэса. Англия уже пробуждается, готова к сопротивлению. Но как это повлияет на финансы и мир в Европе? Даже во Франции, которой план Дауэса должен дать деньги, начинают понимать, что проведение в жизнь этого плана невозможно, и что он представляет собой клочок бумаги, который нельзя принимать всерьез".

Еще более определенно высказывается в своей статье о германском займе (лондонская „Нейшен" от 2 октября) известный английский финансовый писатель проф. Кейнс, который сначала поддерживал доклад экспертов:

„Фраза „план Дауэса" стала каким-то талисманом, заключенным в запертую шкатулку. Дипломатическое разрешение этого вопроса стало возможным только вследствие молчаливого соглашения не заглядывать внутрь и не задавать непочтительных вопросов. С этим все согласились потому, что никто не в состоянии предложить дипломатам другую альтернативу. Те же, которые верят в план Дауэса, без сомнения обманывают себя.

Аргументы в пользу этого плана сводятся к тому, что, во первых, с его применением французы должны будут уйти из Рура, а во-вторых, его авторы составляли его так, чтобы с течением времени план сам по себе показал свою неприменимость. Но все это не может вылечить болезни репараций. Это дает нам передышку и больше ничего, ибо из дипломатических соображений комитет Дауэса при выработке плана допустил две роковые ошибки.

Во-первых, несмотря на заем, он не дает Германии той передышки, в которой она нуждается. Экономическая слабость Германии состоит, главным образом, в том, что исчерпан ее оборотный и текущий капитал. В результате войны и последующих событий этот фактор производства опустился ниже того уровня, который соответствует нормальному производству: нехватает примерно 500 миллионов фунт. стерлинг. Этот пробел невозможно заполнить иностранными займами. Внешний мир может дать, скажем, четверть этой суммы на известный период по ростовщическим процентам. Пока над Германией висит план Дауэса, иностранцы не вложат в Германию крупных капиталов. Поэтому нехватка может быть покрыта только собственными сбережениями Германии. Но это несовместимо с планом, основанным на том, чтобы с нее сдирали шкуру. План Дауэса целиком не может быть осуществлен, и как-раз та его часть, которая может быть проведена в жизнь, будет препятствовать восстановлению конкурентной способности Германии.

Далее, план Дауэса создает такую систему, которая несовме-

стима с цивилизацией и человеческой природой. Он признает иностранный контроль над банками, транспортом и налоговой системой Германии, целью которого является—выжать из Германии последнюю каплю пота.

Впрочем, я думаю, что при выработке планов иностранного контроля и деталей всего этого тонкого механизма плана Дауэса его авторы руководились стремлением к моменту будущего кризиса представить доказательство, что все возможные предосторожности были приняты, и что банкротство плана объясняется только абсолютной невозможностью выполнить ту задачу, которая была перед ними поставлена".

Чтобы окончить цитаты голосов, предостерегающих от казенного оптимизма насчет лондонского компромисса, мы приведем еще место из статьи Ллойд Джорджа, который принадлежит, наверно, к людям, знающим, где раки зимуют.

„Господин Рамзей Макдональд говорит, что Лондонская конференция изменила европейские перспективы. Будем на это надеяться,—говорит скромно Ллойд-Джордж.—Еще преждевременно уверенно сказать, какое влияние на мир произведет наполнение жил Германии новой кровью. Здоровая Германия, наверно, не будет такой податливой, как обескровленная. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что через несколько лет состоится новая конференция, которая снова займется ревизией Лондонского соглашения".

Наконец, еще свидетельство американского публициста Клинкона Гильберта в книге, посвященной кандидатам на пост президента и вице-президента (You take your choice. N. Y. 1924):

„Автором плана экспертов является Оуэн Юнг. Генерал Дауэс производил только шум. Я не убежден, не был ли этот шум более важным, чем план, ибо шум привел к удаче, в то время как план наверно обанкротится после известного промежутка времени. Это не является секретом, ибо всякий, имеющий отношение к этому плану, знает, что он имел только хорошие психологические результаты".

Что это значит? Это означает (и в некоторых банковских кругах так и оценивают план Дауэса), что американский и английский капитал в данный момент еще не рискует заявить Франции: „Господа, вы не получите даже и четвертой части того, на что рассчитывали!" Это неприятное объяснение оттягивается еще года на 2—3, в течение которых французский империализм расшатается еще больше, план Дауэса успеет обанкротиться, и тогда Франция будет вынуждена совсем отказаться от репараций. План Дауэса —это пока план на бумаге; что из него выйдет, никто не знает, и пока-что говорить о стабилизации капитализма в Германии, хотя бы на ближайшие пять лет,—нонсенс. Германская промышленность находится сейчас в очень тяжелом поло-

жении, потому что она в данный момент зависит ежедневно от того, даст ли ей заграница частный кредит. Если короли германской тяжелой промышленности, угольные и железные короли Рурского бассейна, должны были взять заем в пять миллионов долларов на самых невыгодных условиях, лишь бы совсем не остановить промышленность, то это очень знаменательно для создавшегося положения. Но если план Дауэса провалится, то какие последствия будет это иметь для Франции? Примирится ли она без боя с фактом исчезновения германской дани, в то время, когда ее заграничные долги (30 миллиардов золотых франков) не исчезли. Тогда очень возможен новый открытый империалистический пуанкареский поворот во Франции. Как только окажется, что этот план недееспособен, зацепка в виде французских войск, оставшихся в Рурском бассейне, может сделаться исходной точкой для нового нажима на Германию и для нового обострения англо-французских отношений. Единственным реальным результатом доклада экспертов останется тогда захват командных высот германского хозяйства англо-американскими банками.

Каковы же перспективы взаимоотношений капиталистического мира с Советским Союзом? Есть ли у нас средства для борьбы с возможной финансовой блокадой? Конечно, у нас эти средства есть. В этом году мы имели неурожай. Но постоянная линия развития нашего земледелия идет вверх. Вывоз хлеба, вывоз нефти, вывоз леса гарантирует тот приток капитала, который позволит нам если не скоро, то все-таки итти вперед. Финансовая блокада при росте значения русского экспорта на мировом рынке не может удаться. Бойкот же нашего вывоза вообще невозможен: чересчур много различия в интересах 24-х европейских государств, чтобы создать такой единый фронт против нас. Нас будут, быть-может, щупать не только финансовыми средствами, но, как показала Грузия, и другими способами. Но и мы имеем щупальца. Роль наша на Востоке увеличивается, национальный вопрос у наших соседей на Западе обостряется, не говоря уже о перспективах пролетарской борьбы,—так что у нас в средствах борьбы недостатка нет, только эти средства борьбы очень мало похожи на пацифизм. Возьмем главного нашего мирового противника—Америку. Казалось бы, что́ мы можем сделать Америке? Но, ведь, мы с Америкой находимся уже в очень тяжелой схватке в Китае. Америка в Китае имеет в руках половину прессы, бесконечное количество торговых палат, громадные госпитали, как средства влияния на народные массы, еще большее количество школ. Мы этих средств не имеем. Но когда в пекинском университете студентам была предложена анкета, кто—друг Китая, 400 человек высказались за Сов. Россию и 100—за Америку. Что означает анкета студентов? Чем было студенчество в России до 1905 г.? Общественным мнением страны, мнением будущих представителей русской буржуазии, пролетариата и кре-

стьянства. Китай—страна старой цивилизации, где наука имеет огромное значение. Там мнение студенчества—это в разрезе общественное мнение наиболее живой части нации. Этот маленький эпизод означает, что Сов. Россия самым своим существованием, при мизерных средствах воздействия на Китай является громадной общественной силой. Тот факт, что вопреки запретам Англии и Америки китайское правительство должно было нас признать под напором не только интеллигенции, но и военных кругов У-Пей-Фу, доказывает что мы потенциально являемся более грозным врагом американского хозяйничанья в Китае, чем Япония, имеющая там большие военные ресурсы, но возбудившая против себя народные чувства. И когда господа „пацификаторы" думают, что мы боимся этого пацифистско-демократического периода, то они ошибаются. Сов. Россия смотрит на попытки создания против нее единого фронта капиталистических держав с полным спокойствием. Она убеждена в одном,—что эти попытки приведут к обострению революционных кризисов не только в Европе, но и в Азии.

Каковы перспективы движения в Китае и на Востоке вообще? Идея удушения сотен миллионов проснувшихся уже есть идея бредовая. Только отсутствие всякого понимания условий исторического развития у идеологов и руководителей капитализма может создавать у них такую иллюзию. Китайское демократическое движение, революционно-националистическое, будет в ближайшие годы развиваться с громадной силой, и оно создаст для капиталистических держав орех, который будет очень трудно раскусить. Развитие этого движения приведет на Дальнем Востоке к совершенно новым перегруппировкам. Япония, которая переживает глубокий внутренний кризис, в случае победы демократических революционных элементов может изменить всю политику в Китае. Она может сделаться одним из организаторов Китая. То, что сейчас кажется полной утопией, через два года может стать фактом. В этом направлении уже работают известные силы. Русско-китайско-японское сближение лежит в области полной возможности. И если Германия исчезла, как мировая держава, то она все-таки исчезла не совсем. Союзники отняли у нее те привилегии, которые сами имеют на Дальнем Востоке, и от которых мы добровольно отказались. Поэтому германский капитализм, исключенный из семьи победителей, волей-неволей принужден пытаться завоевать себе место в Китае поддержкой стремлений, направленных на устранение привилегий крупных капиталистических держав. Он этого очень боится, но он будет к этому принужден логикой событий, если история предоставит ему вообще передышку. Англо-американская кооперация, которая является теперь доминирующим фактором в Европе, эта англо-американская кооперация—переходный фазис, и конец англо-американской кооперации будет гвоздем в гроб демократическо-пацифистской эры. Еще не видна на открытой арене

борьба Америки с Англией, но она уже есть налицо: когда встал вопрос, будет ли новая германская денежная система равняться по фунту стерлингов или по доллару, пресса, которую не читают широкие массы, но которая представляет финансовые интересы, была поприщем боев между английскими и американскими финансовыми кругами. Эта борьба в будущем только усилится. Мелкая буржуазия неспособна осуществить ни демократии, ни мира,—она уже сделалась орудием в руках финансового капитала, и Персель, председатель английского съезда трэдюнионов, не знал, какой важности вопрос затронут, заметив, что в момент прихода к власти рабочего правительства в Англии и левого блока во Франции так бесшабашно распоряжаются английские и американские банкиры. Мелкая буржуазия может артачиться, но не в состоянии бороться с финансовым капиталом, а на смену этой так-называемой демократическо-пацифистской эре скоро придет новая—схватка империалистических держав.

Но была ли эта эра случаем, останется ли она без всяких последствий? Эта эра, или, точнее, этот исторический зигзаг, имеет определенную историческую функцию. Эта историческая функция состоит в расшатывании последних иллюзий, которые сейчас являются основной силой капитализма. Громадные рабочие массы в Европе, даже в Германии, убеждены теперь в том, что и для них началось лучшее время, что Лондонская конференция означает облегчение их положения, если не социализм, то хоть сытный кусок хлеба и отсутствие опасности войны, нового империалистического насилия. На основе этих иллюзий мы имеем теперь в Европе не обострение классовой борьбы, не полевение рабочих масс, а историческую заминку в мировом масштабе, имеем усиление II Интернационала, усиление соц.-демократов везде, где они есть. Это факт, который надо видеть, которого нельзя замазывать. Этому факту не противоречит полевение настроения основных кадров Коминтерна. Это полевение выражается не в обострении массовых движений,— которые, наоборот, отсутствуют целиком,—а в стремлении ярче выразить коммунистическую идеологию. Коммунистические рабочие не видят на ближайшее время перспективы борьбы за власть, поэтому сближение с социал демократическими рабочими считают менее важным, чем сохранение во время роста демократических иллюзий крепкого коммунистического ядра. Полевение рабочих-коммунистов представляет собой оборонительную меру против поправения рабочего движения в целом, но если данный исторический зигзаг кончится банкротством, то это банкротство покажет, что попытка мелкой буржуазии распутать узел не удалась. Оно означает крах последней иллюзии, а крах пацифистской иллюзии расшатывает важнейшие основы империализма. И если, по окончании этого зигзага, массы перейдут к наступлению на мировом фронте, к новой драке, буржуазия будет уже иметь дело не с пролетариатом 1923 года, а с пролетариатом, который прошел

опыт этого периода. Сегодня соц.-демократия II Интернационала является на деле экспонатом финансового капитала. Когда тов. Троцкий это сказал в своем докладе об Америке, то многим это показалось слишком острой формулировкой. Но достаточно ознакомиться со всей меньшевистской печатью, ведущей кампанию в защиту плана Дауэса, прочесть, что соц.-демократия пишет о заслугах американских банкиров в деле умиротворения вселенной, чтобы убедиться, что соц.-демократия, которая не в состоянии была решить мировые вопросы в борьбе с капиталом, которая, бунтуя против тяжелой индустрии, связываясь с мелкой буржуазией,—вместе с этой мелкой буржуазией переживает состояние такой беспомощности, что должна сказать: „Мы не можем, но Рокфеллеры, Морганы и др. смогут". Они „смогут", но смогут только по-империалистски, и поэтому вызовут новые обострения классовой борьбы; если события будут развиваться медленным темпом, когда начнет действовать доклад экспертов, тогда он выразится в неслыханных тяготах для рабочего класса; но, по всей вероятности, революционный подъем начнется значительно раньше. И наш способ ускорить надвигающиеся события состоит в том, чтобы расценивать знаменитую эру пацифизма и демократии не как маневр или как хитрую механику, не как простую закулисную игру, игру пешек, но как процесс исторического развития, подготовляющий банкротство соц.-демократии, и суметь и себя, и широкие рабочие массы подготовить к этому периоду. И говорить или думать о том, что период мировой революции кончается организацией капитала в международном масштабе руками английского и американского капитализма,—это была бы идея, которая не соответствует всей структуре современного капитализма. Мир настолько велик, что было бы утопией думать, что даже самая сильная капиталистическая группа сможет его организовать. Силы, противодействующие этому, слишком значительны. С точки зрения национально-капиталистических организмов и Франция будет защищаться, и Германия, и Япония. Германские капиталисты, как только считают, что французские штыки притупились, тотчас подымают голову. Что означает теперь их протест против обвинения Германии в том, что она начала войну? Это означает, что германские капиталисты сказали: „Раз вы согласились уйти из Рурского бассейна, то мы уже можем подымать голову". Но Франция, которая теперь беспомощно стоит перед англо-американским капиталом, не ушла из Рурского бассейна, а если завтра понадобится, то французский капитал наложит такие подати на народные массы, что получит средства для того, чтобы попытаться сбросить иго англо-американского капитала. Буржуазия разбита на группы, и, как ни велика сила американского и английского капитализма, завести порядок от Ванкувера до Москвы через Пекин—трудноватое дело, тем более трудноватое, что везде в движении находятся миллионные массы. Стабилизовать капи-

тализм можно только за счет масс. Эти массы, думая, что мировой капитал даст им хлеб, могут на-время подчиняться, но они скоро убедятся, что капитализм только усилит их эксплоатацию. Поэтому нет места для мысли о капиталистическом тресте, который сможет завести свой „порядок“ и дать миру „мир“. Это капиталистическая утопия, которая скоро обанкротится и лишний раз покажет, что мировой капитализм в теперешней империалистической фазе может дать только войну, только обострение противоречий,—и линия международной революции, которая еще много раз будет итти через заминки и зигзаги, пойдет вперед.

IV.

Девять месяцев английского рабочего правительства.

1. Возникновение рабочего правительства.

Рабочая партия стала во главе английского правительства после 23 лет своего существования. До 1900 года в английском парламенте заседал только один раз человек, считавший себя представителем пролетариата. Это было в 1848 году, когда вождю революционного крыла чартистов Фергюсу О'Коннору удалось пробраться в парламент. Его выбор был слабым отголоском в стенах парламента грозы, бушевавшей в продолжение десятков лет за стенами представительства английской буржуазии. Оторванные от работы в деревне, до глубины своей потрясенные переходом Англии от мануфактуры к машинному производству, придавленные государственным долгом, оставленным наполеоновскими войнами, массы молодого английского пролетариата потрясали основы английского буржуазного общества. Они хотели задержать развитие капитализма уничтожением машины, мечтали о спасении путем кооперативов, которые должны были позволить всякому устроить свой тихий уголок, охраненный от бурь капитализма; они пытались дать бой капитализму, создав мощное объединение профсоюзов, и, наконец, начали борьбу за избирательные права, видя в них путь к завоеванию государственной власти. Буржуазные историки Англии пытаются забыть этот бурный период, пытаются забыть, как конституционное английское правительство вело гражданскую войну против рабочих, как расстреливало их пачками на улицах городов, как посылало в тюрьмы сотни пролетарских борцов, как ссылало их в карательные колонии. У буржуазных историков есть основания стремиться вырвать из сознания рабочего класса Англии эту славную страницу его истории, ибо она опровергает утверждение, что так-называемая английская демократия сложилась путем спокойного

развития. Но эту историю фальсифицируют не менее вожди английской Рабочей партии. Достаточно указать на историю английских трэд-юнионов Сиднея Вебба, министра торговли в теперешнем рабочем правительстве, в которой весь героический период английского рабочего класса дан не только в филистерски-реформистском освещении, но прямо в изуродованном и исковерканном виде. А чего стоит факт, что Рамсей Макдональд, премьер-министр английской Рабочей партии, в своей книге „О программе Рабочей партии" даже не упоминает имени О'Коннора, как первого рабочего представителя в английском парламенте. Вожди английской Рабочей партии не менее боятся революционных традиций английского пролетариата, чем их боится английская буржуазия. И они правы. Чартисты не имели общепризнанной теории; но если смотреть не на то, что написано в программных бумагах движения, а на то, во что выливается оно в борьбе, то движение чартистов представляло собой массовое революционное выступление пролетариата в борьбе за власть. У них было, правда, еще много иллюзий. В то время как одни из них надеялись посредством установления всеобщего избирательного права легко получить большинство в парламенте и таким путем провести социализм, другие выдвигали уже идею предоставления политических прав только трудящимся. В общем же чартистская масса хотела сражаться за освобождение рабочего класса всеми средствами, вплоть до вооруженного восстания. Дети бурного революционного периода развития английского капитализма, чартисты, в массе своей, чужды были филистерству, думающему, что можно произвести самый великий переворот в мире, не наступая никому на мозоль.

Хотя в чартистском движении представители того направления, которое возглавляют теперь вожди Рабочей партии, Ловет и его друзья, были в безнадежном меньшинстве, оно все-таки пало. Оно пало в первую очередь потому, что громадный рост капитализма, который начался после 1848 года, позволил английской буржуазии создать для части английского рабочего класса условия, примирившие ее с капитализмом. Капиталистическое развитие континента, развитие английских колоний создали громаднейший спрос на изделия английской промышленности. Эмиграция рабочих (в первую очередь в Америку) улучшила условия на рынке труда. Отмена пошлин на съестные припасы удешевила жизнь. Английский рабочий класс, разделенный на рабочую аристократию, которая не хотела бороться, и на низшие слои, которым трудно было бороться, оставил буржуазии власть, не посягая больше на нее в продолжение десятилетий. Тогда буржуазия перестала бояться предоставления рабочим избирательных прав. Она знала, что пролетариат не употребит их против нее. Время-от-времени буржуазные партии выдвигали рабочих кандидатов и проводили их в парламент, но не в качестве рабочих представителей, а в качестве представителей либерализма.

Они заседали в либеральной фракции и кичились тем, что представляют не рабочий класс, как таковой, а, как все прочие почтенные люди, интересы нации и государства.

Вне парламента существовали рабочие социалистические организации. Такой была социал-демократическая федерация, такой была Независимая рабочая партия. Между ними были тактические разногласия. В то время как социал-демократическая Рабочая партия выступала сторонницей марксизма, Независимая рабочая партия отрицала даже понятие классовой борьбы. В то время как социал-демократическая федерация стремилась путем пропаганды создать основной кадр борцов за социализм, Независимая рабочая партия считала, что только участием в практическом движении, участием в трэд-юнионах, избирательных коммунальных кампаниях можно объединить значительное количество рабочих вокруг социализма, идеи которого она понимала по-реформистски. Несмотря на этот ярко выраженный оппортунистический характер Независимой рабочей партии, она встречала полное сочувствие Энгельса, который не верил, что можно путем абстрактной пропаганды завоевать английские рабочие массы для социализма. Он надеялся, что Независимая рабочая партия, завоевывая рабочие массы, в процессе борьбы, из ее уроков усвоит себе лучше ее смысл, чем из пропагандистских брошюр. Но опыт опроверг не только надежды Энгельса на развитие Независимой рабочей партии от оппортунизма к революционному социализму, он опроверг и надежды на то, что она завоюет значительные рабочие массы. У нее было всего на несколько тысяч членов больше, чем у социал-демократической федерации: массового движения она никогда не представляла.

Ухудшение положения английской буржуазии на мировом рынке, благодаря капиталистическому развитию Америки, Японии и Германии, рост империалистских стремлений, беспрерывные вооружения,—все это повлекло за собой ухудшение положения английских рабочих. Английская буржуазия перешла к борьбе даже против таких рабочих завоеваний, как полная свобода трэд-юнионов. Это был переломный пункт в истории английского рабочего движения. Когда английские суды приняли решение, ставящее под знак вопроса развитие английских профсоюзов, они создали комитет, который должен был представлять интересы английского рабочего класса. Из этого комитета и вышла Рабочая партия. Рабочая партия не представляет партии в европейском смысле этого слова. У нее нет своей программы, у ней нет своих собственных организаций. Она представляет собой блок профсоюзов, кооперативов и социалистических организаций для защиты интересов рабочего класса в парламенте, т.-е. по существу организацию для проведения в парламент рабочих кандидатов. Только в 1906 году ей удается провести первые две дюжины депутатов. В парламенте они выступали уже формально как особая группа, но так как у них нет общей программы, т.-е. объединяющего их взгляда на направление общественного развития

и на задачи рабочего класса, то само собой понятно, что они по всякому практическому вопросу разбиваются на группу либеральную и на группу, представляющую в смутной форме социалистические стремления. Очень редко происходят в парламенте столкновения между ними и представителями буржуазных партий, столкновения, показывающие, что в Рабочей партии есть зачатки будущей организации классовой партии пролетариата. Приходит война. Рабочая партия становится на защиту английского империализма. Такие из ее вождей, как Рамсей Макдональд, которые принадлежали к пацифистскому крылу и, оставшись верными своим пацифистским настроениям, были против войны, отошли на задний план, предоставив играть первую скрипку обыкновенным либеральным политикам, как Гендерсон, или таким тупым заправилам профсоюзной бюрократии, как Клайнс. Вожди Рабочей партии выступают руководителями вербовочной кампании в королевскую армию. Они соглашаются на приостановку действия законов об охране труда, на прикрепление рабочих к фабрикам, они входят в правительство, как лакеи империализма. Но война и ее неслыханные бедствия убивают дух спокойствия и подчинения буржуазии, царивший в рабочих массах. Среди углекопов Уэльса и рабочих амуниционных фабрик Шотландии возникает живое революционное движение. В первый раз пропаганда идей классовой борьбы, идей революции находит массовый отклик. В первый раз английские буржуазные министры в этих округах слышат возгласы ненависти и презрения из уст рабочего класса. Так как вожди трэд-юнионов предали профсоюзы в руки буржуазии, рабочие создали комитеты фабричных старост, которые руководят забастовками. Рабочая партия и ее вожди выступают защитниками капитализма против этой революционной волны. Но волна растет под влиянием русской революции. Господа Гендерсон и Рамсей Макдональд пытаются удержать ее тем, что время-от-времени говорят революционные фразы. Макдональд заявляет о своей солидарности с русской революцией, Гендерсон говорит о том, что рабочие вернутся с поля сражения не только в другом настроении, чем они туда отправлялись, но что они вернутся умеющими употреблять оружие. Но эти фразы служат лишь прикрытием для их постоянной борьбы против революционных тенденций в английском рабочем движении. Война кончается, одна волна рабочего движения за другой ударяется об основы капитализма, но английскому пролетариату жестоко приходится расплачиваться за то, что в продолжение десятилетий он был чужд революционной борьбы, что не создал себе революционной организации, которая могла бы объединить его борьбу. Некому возглавить движение, некому объединить разрозненные выступления пролетариата для единого штурма. Первые три года после войны, годы массовых непосредственных действий рабочего класса, проходят слишком быстро, чтобы могла создаться мощная революционная организация английского пролетариата. Из обломков обеих социалистических партий, из рабочих, выдви-

нутых революционным движением Шотландии, возникает коммунистическая партия Англии. Но она еще слаба не только количественно, она еще не умеет внести свои революционные идеи в рабочее движение. Она еще не умеет найти путей для подхода к массе, и она оставляет, таким образом, поле сражения вождям Рабочей партии, которые приходят туда не для того, чтобы бороться во главе масс, а для того, чтобы явиться посредниками между рабочими массами и капиталистами, т. е., чтобы в самые острые моменты борьбы внести в массы не уверенность в собственные силы, а дух сомнения, дух компромисса. Само собой понятно, что такой политикой Рабочая партия не могла создать в рабочих массах энтузиазма, что она не могла сплотить их вокруг себя. Ее силы были достаточны для того, чтобы раздробить рабочее движение, сделать невозможной его победу, но не для того, чтобы создать силу, способную бороться хотя бы за реформы. При выборах после окончания войны Рабочая партия оказалась не в состоянии завоевать значительного количества мест в парламенте. Мало того: ее парламентская фракция представляет в нем собой группу, неспособную делать даже то, что чувствуют и думают английские рабочие. Она неспособна использовать испуг буржуазии, она неспособна преследовать ее, когда буржуазия под нажимом рабочих масс должна итти на уступки, должна делать опасные для себя маневры. Достаточно указать на то, что когда Ллойд-Джордж принужден был назначить правительственную комиссию для изучения вопроса о национализации рудников и шахт, чтоб удержать углекопов от их захвата, когда эта комиссия под председательством судьи Санки высказалась принципиально за национализацию, вожди Рабочей партии не сумели повести рабочие массы на борьбу за проведение в жизнь этого решения и позволили, таким образом, Ллойд-Джорджу, когда волна революции спала, показать рабочим кукиш. Рабочая партия оказалась не в состоянии создать ни массовых организаций, ни массовой прессы, она осталась в состоянии полной неоформленности, осталась безоружной перед лицом великолепно вооруженного врага.

* * *

Как же это тогда случилось, что Рабочая партия оказалась у власти? Ведь, английский пролетариат был неспособен не только завоевать власть, но даже бороться за нее. Но английская буржуазия оказалась в результате войны в таком положении, что ей стало неслыханно трудно управлять Британской империей. Германия разбита, растерзана, экономически ослаблена, но ослаблен одновременно весь капиталистический мир. Мировая торговля уменьшилась больше, чем на одну треть. Германия перестала пока что быть грозным конкурентом на мировом рынке. Но Соединенные Штаты Америки превратились в величайшую промышленную и торговую державу. Они являются более опасным конкурентом, чем Германия, они превратились в кредитора всего мира. Англия

должна теперь уплачивать Соединенным Штатам одних процентов по займам 300 миллионов золотых рублей. Из 10 миллиардов государственного дохода три миллиарда она расходует на уплату в совокупности своих долгов. Сокращение мирового рынка отозвалось в первую очередь на промышленной Англии. После войны было время, когда государству приходилось содержать из страха перед революционным движением 2,5 миллиона безработных. Еще теперь в Англии насчитывается 1,5 миллиона безработных, на содержание которых уходит 1 миллиард золотых рублей в год, т.-е. столько, сколько не удается пока-что выколачивать союзникам из побежденной Германии. Военный флот Германии уже не существует, но американский флот, созданный во время войны, равен английскому. Германская армия разоружена, но весьма сильна французская. Франция же строит одну воздушную эскадру за другой. Благодаря развитию воздушного флота Англия уже не является недосягаемым для континента островом. Французский воздушный флот может через 24 часа после начала войны разрушить Лондон. В колониях, которым во время войны Англия обещала уступки, силы которых она напрягала неслыханным образом для того, чтобы добиться победы над Германией, растет революционное движение, растет борьба за свободу. Резня в Амритсаре, в Индии, в 1919 году, где сотни мирных граждан были расстреляны в честь Английской империи,—это для Индии то же, что 9-е января 1905 года для русской революции. Вдобавок на рубеже между европейскими развалинами и Азией, находящейся в бурном брожении, из военных волн встал утес—Советская Россия, знамя которой воодушевляет миллионы и миллионы рабочих Европы и втягивает в революционную борьбу миллионы восточных народов.

Навстречу этим потрясениям шла английская буржуазия под руководством Ллойд-Джорджа, который выдвинул программу, единственно могущую еще спасти благополучие английского капитализма. При помощи коалиции обеих капиталистических партий Англии—либеральной и консервативной—он пытался построить вал против революционной волны рабочего класса. Убедившись в невозможности уничтожить Советскую Россию, он решил принудить ее заплатить за свою жизнь отказом от социализма. Он хотел превратить ее в страну, природные богатства которой должны были влить новую кровь в обескровленные артерии капиталистического мира. Он пытался связать Францию при помощи сделок с Соединенными Штатами Америки, Германией и Россией. Но эта программа, которая одна только могла его спасти, оказалась невыполнимой. Советская Россия отказалась вложить свою голову в петлю. Американский капитал отказался от вмешательства в европейские дела, выжидая, пока истощение Европы не отдаст ее в руки американских банков. Маленькая революционная Турция высмеяла смертный приговор, вынесенный ей Ллойд-Джорджем и английским империализмом. С оружием в руках она восстала против вассалов Англии и своей борьбой уси-

лила революционное движение в Индии и Египте. Неудачи Ллойд-Джорджа подорвали к нему доверие английской буржуазии. Консерваторы отказались от коалиции, заявив, что они обеспечат Англии мир и спокойствие. Лорд Керзон открыл действия консервативного правительства новым планом внешней политики, а именно таким, который должен был разделить силы революции. Он заключил мир с Турцией, думая купить Восток и тем легче суметь обрушиться всеми ударами на главную твердыню революции—на Советскую Россию. Но английская буржуазия испугалась риска новой войны с Россией, правильно поняв, что она вызовет развертывание всех революционных сил в Европе и сделает безнадежной мысль об ее умиротворении, а Европа—это, ведь, главный рынок английской промышленности. Неудача Керзона потрясла консервативное господство в Англии, за нею последовала вторая неудача. Видя слабость английского империализма, Франция не уступала в своей политике в Рурском бассейне, захват которого являлся уже вызовом Англии. Рурский захват еще более расшатал германское хозяйство. Консерваторы направили свои взоры на английские колонии. На английской имперской конференции была принята резолюция об усилении экономической связи с колониями. С этой программой консерваторы предстали перед английским народом. Английские народные массы поняли, в чем дело. Таможенные льготы для колоний или не давали ничего, или означали медленный переход к такой таможенной политике, которая для обеспечения английского промышленного экспорта в колонии должна была оградить английский рынок от американского и русского хлеба и сырья, приведя таким образом к повышению цен на съестные припасы в Англии в пользу колониальных фермеров и плантаторов. Английские мелкий буржуа и рабочий с 1846 года не защищали ничего так энергично, как свой завтрак. Консерваторы на выборах оказались биты. Рабочие массы Англии, выведенные из своего спокойствия войной, не веря уже буржуазным партиям, голосовали в количестве 4 миллионов избирателей за Рабочую партию. Нельзя думать, что избиратели Рабочей партии представляют большинство рабочего класса, но ясно, что уже 4 миллиона рабочих высказалось за самостоятельную рабочую политику, направленную против обеих буржуазных партий. Они представляют собой треть английских избирателей. Значительная часть избирателей голосовала еще за либералов и консерваторов, но главная масса рабочего класса, даже не читающая рабочей прессы, имеющей очень маленькое распространение, стоит за самостоятельную рабочую политику.

Консерваторы не получили большинства. Доверие мелкобуржуазных масс к ним настолько подорвано, что либералы не в состоянии создать совместно с ними правительство, не в состоянии даже, пока свежа память о бестолковой политике консервативной партии, решиться на создание правительства, зависящего от поддержки консерваторов. Английский король принужден был при-

звать к власти представителей Рабочей партии. Правительство Рабочей партии для английской буржуазии в ее настоящем положении единственный выход. Но не опасен ли он? Расчет английской буржуазии таков: или Рабочая партия, зависящая в парламенте от поддержки либералов, будет топтаться на месте, будучи неспособна сделать хотя бы один решительный шаг,—тогда она вызовет разочарование рабочих, потеряет их поддержку и будет разбита на следующих выборах; или же она пойдет на ряд решительных мер,—тогда английская буржуазия надеется призраком революции объединить мелкобуржуазные массы вокруг заправил финансового капитала и создать почву для новой коалиции буржуазных партий. Вот расчет английской буржуазии. Как парирует этот расчет английская Рабочая партия?

2. Стратегическое положение и цели английского рабочего правительства.

Знакомство с работой, произведенной английским рабочим правительством за девять месяцев его существования, имеет громадное международное значение.

Первым вопросом, который бросается в глаза, является вопрос о том, почему английская Рабочая партия не заключила при выборах 1923 г. сделки с либералами, или почему после выборов не вошла в коалицию с либеральной партией. Такая политика отвечала бы вполне теоретической позиции вождей английской Рабочей партии. Они отклоняют теорию классовой борьбы, они отклоняют революцию, как путь к социализму, для них социализм является результатом „органического“ развития, постепенных реформ, ряда компромиссов; с этой точки зрения самое простое—заключить компромисс с либералами, создать таким образом правительство реформ, располагающее твердым парламентским большинством. И два года тому назад, когда Рабочая партия высказывалась против компромисса с либералами, „Нью Стэтсмен“,—орган фабианцев, издаваемый теперешним министром торговли рабочего правительства Сиднеем Веббом, заявил иронически, что, мол, это очень хорошая резолюция, но она будет отменена в тот же самый день, когда встанет вопрос о власти. Но вопрос о власти встал, а Рабочая партия не посмела заключать предвыборного блока с либералами и тридцать процентов своих мандатов завоевала в треугольных округах, пользуясь тем, что голоса буржуазии разделились между либералами и консерваторами. Когда результат выборов определил, что консерваторы самостоятельного большинства не имеют, Рабочая партия, получившая больше мест и голосов, чем либералы, и сделавшаяся по английскому конституционному обычаю руководящей партией оппозиции, решила взять власть в свои руки, имея за собой только треть избирателей. Она даже не пыталась сговориться с либералами насчет коалиционного правительства. Она не сделала этого по той причине, что стоя-

щие за нею рабочие массы не хотели даже слушать о коалиции с буржуазией.

Почему германская социал-демократия, имеющая за собою 50 лет борьбы с буржуазией, смогла навязать своим членам, большинству германских рабочих, коалицию с буржуазией, и почему английская Рабочая партия, партия самого умеренного рабочего класса в Европе, не могла пойти на коалицию с буржуазией? Причиной этого непонятного на первый взгляд явления служат разница в тенденциях английского и германского рабочего класса и разница в положении обеих стран. Германский рабочий класс действует в стране побежденной и разоренной. Благодаря этому, одна его часть поняла, что нет другого выхода, кроме революции,—и в Германии со времени войны складывается сильное массовое революционное крыло пролетариата. Другая часть, представляющая собою старшее поколение более квалифицированных рабочих ошеломленная событиями, свалившимися на ее голову, не веря в свои собственные силы, боясь революционных потрясений, попятилась назад от классовой борьбы к классовому сотрудничеству. Стоя во главе этой части рабочего класса, социал-демократия повела политику сделки с буржуазией. Социальные потрясения в Англии меньше, чем в Германии; рабочих, решившихся на гражданскую войну, понятно, незначительное количество; но передовая часть рабочего класса, пережившая войну, видевшая, как английская буржуазия обеих партий обманывала все ее надежды, нарушала все свои обещания,—эта организованная часть рабочего класса пошла налево: она развивается от сотрудничества классов к классовой борьбе. Английские рабочие находятся на уровне очень примитивной классовой сознательности, они не разбираются еще хорошо во всех скользких, извилистых путях своих реформистских вождей, их можно надуть во всяком сложном вопросе парламентской политики, внешней политики,—но две вещи они понимают ясно и твердо: они хотят иметь собственную власть,—рабочую власть, отклоняют сотрудничество с буржуазными партиями и симпатизируют Советской России, как стране, в которой рабочий класс находится у власти. Это сознание, эта позиция организованных английских рабочих не позволила вождям английской Рабочей партии итти на правительственную коалицию с либералами и, принудив их защищать заем для Союза Советских Республик, сорвала в дальнейшем молчаливую коалицию Рабочей партии с либералами.

Рабочая партия, пришедшая к власти, должна была поставить перед собою вопрос, к чему она стремится. Как правительство меньшинства, она была зависима от буржуазных партий, в первую очередь—от либералов. Чтобы успокоить буржуазию насчет того, что она не только не намерена делать переворота,—в чем ее серьезно никто даже не подозревал,—но не намерена даже вносить беспорядок в аппарат буржуазной власти,—она передала целый ряд наиболее важных для буржуазии

постов представителям старой империалистской бюрократии: так, например, флот – консерватору лорду Черлсуорду, министерство в Индии—сэру Оливье, бывшему губернатору Ямайки. Значение этой скрытой коалиции станет читателю вполне ясно, когда он прочтет следующее место из статьи бывшего министра финансов консервативного правительства сэра Роберта Хорна, посвященной влиянию перехода власти к Рабочей партии на кредит в Англии. Сэр Хорн рассказывает, что сначала некоторые круги капиталистов, боясь реформаторского энтузиазма Рабочей партии, начали вывозить свои капиталы в Америку.

„В этом положении успокаивающим обстоятельством явился факт, что Рабочая партия не имела большинства в парламенте, при помощи которого могла бы провести свою реформаторскую политику. Это обстоятельство уменьшило беспокойство, но не устранило его совсем. Известно, что тогда значительные суммы денег были вывезены из страны, которой предстояли политические потрясения, в страны, где отношения считались более прочными. Влияние этого движения капитала нашло свое выражение в изменениях стоимости фунта стерлингов. 6-го декабря, в день выборов, фунт стерлингов имел цену 4,38 доллара, и на этом уровне он держался с малыми изменениями десять дней. Когда стало ясно, что страна получит рабочее правительство, фунт начал падать и в день отставки Болдуина равнялся 4,20 доллара. Но когда стало известно, что в правительство входят лорд Альден Черлсуорд и лорд Пальмур, мужество вернулось в сердца деловых людей, капитал перестал утекать за границу, и фунт поднялся на 4,30“ (венская „Нейе Фрейе Прессе“ от 2 июля).

Эта страховка по отношению к буржуазии показывала, насколько коалиция с буржуазией была бы по сердцу вождям Рабочей партии; но раз было ясно, что дальше этой скрытой коалиции с буржуазией итти нельзя, вожди Рабочей партии должны были дать себе отчет в том, что, как правительство меньшинства, они не могут удержаться: ибо если даже они отказалась бы от всякой деятельности в парламенте, могущей вызвать разрыв с буржуазией, — хотя возможность этого была сомнительна,—то рабочие в стране, наверное, не дадут удержать себя от классовой борьбы указанием на парламентское соотношение сил, от классовой борьбы, которая, ворвавшись в почтенный вестминстерский курятник, может во всякий момент разрушить парламентскую игру. Надо было ответить на вопрос, каким путем Рабочая партия будет стремиться к тому, чтобы из партии парламентского меньшинства сделаться партией самостоятельного большинства: завоевание такого большинства является, ведь, с точки зрения реформистов, абсолютной предпосылкой реформаторской деятельности, ведущей к социализму. Эта цель в Ан-

гли сама по себе не утопична,— рабочий класс составляет там значительное большинство населения.

Перед Рабочей партией стояли формально два пути. Первый путь состоял в решительном наступлении на буржуазию в парламенте, во внесении ряда основных законов, защищающих интересы рабочего класса, как налог на крупный капитал, национализация горной промышленности; эти требования даже не выходили за пределы капитализма; это были реформистские требования, очень популярные в широких рабочих массах. Дальше, рабочее правительство, следуя по этому пути, должно было внести ряд колониальных реформ, как, например, уравнение Индии с самоуправляющимися белыми колониями, как Канада, Южная Африка, Австралия; эти требования,— тоже не революционные, а реформистские,—завоевали бы рабочему правительству симпатии значительной части индийских националистов. Само собой понятно, что, идя этим путем, вожди рабочего правительства должны были считаться с возможностью парламентского провала; они должны были бы поэтому организовать массовый нажим на парламент, организовать громадные рабочие кампании, угрожающие буржуазии. Таким образом, они или принудили бы буржуазию к уступкам, или же организовали бы силу, позволяющую им с видами на успех итти в новую избирательную кампанию. Но этот путь был закрыт для вождей Рабочей партии, хотя предлагался левым ее крылом. Вожди Рабочей партии понимали, что этот путь означает громадные потрясения в стране, может кончиться гражданской войной, развязать стихию снизу. Этого они больше всего боялись. Что дело обстоит так, об этом свидетельствует сам Рамсей Макдональд в предисловии к новому изданию своей книги „Критический и конструктивный социализм". В предисловии, помеченном июнем 1924 г., он пишет:

„Социализм развивается определенными процессами, какие допускает живущий социальный организм; он не останавливает жизнь общества, дабы попытаться провести новые эксперименты или создать новую систему; обязательства, которые он дает, не могут быть завоеваны завтра, они только накладывают свой штемпель на его беспрерывные действия, он принципиально эволюционен, и хотя он знает, что сопротивление буржуазных интересов и консервативных взглядов может ему нанести временное поражение, он остается эволюционным, ибо он убежден, что, при проведении в жизнь революционных методов, народ, которого реакция довела до революции, должен будет вернуться к эволюции, как только завоюет свободу. Революционные и материалистические направления умов, созданные войной, являются серьезной опасностью для социалистического взгляда на общественные обязанности. Спекуляция сделалась общей, это зло не ограничилось классом, который обыкновенно называют спекулянтами,

а заразило все части народа. Рабочий не должен отказываться от борьбы за улучшение условий, которые не только тяжелы, но и несправедливы: в борьбе за свои цели рабочие подвергаются искушению забыть, что они являются взаимно зависящими частями общественного целого, и что они только себе приносят вред, когда борются с теми, на кого они жалуются, так как наносят вред обществу, к которому принадлежат. Профсоюзы должны считаться с теми же ограничениями, что и капиталисты: они не могут делать завоеваний в ущерб обществу. Никакая система, кроме социалистической, не указывает ясно на пределы разумного движения и не указывает методов, при помощи которых рабочий класс может добиться справедливости. Необходимо постоянно подчеркивать, что общественная помощь, забастовки за повышение заработной платы, ограничения в производстве не только не представляют собой социализма, но могут испортить дух и политику социалистического движения. Социализм требует неограниченной службы обществу, взамен за соответствующие условия жизни. И никто не должен более бороться, чем социалисты, против ошибки, состоящей в требовании, чтобы человек оказывал услуги обществу раньше, чем получит вознаграждение. Но социалист должен смотреть с неудовольствием на последние конфликты между трудом и капиталом,—они противоречат его духу, он считает их неморальными, неэкономическими, ведущими к бедствиям; только когда работники мозга и рук сделают все, что возможно, для общества, они могут создать в нем симпатию и получить от него поддержку, без которой рабочее движение никогда не достигнет своих целей".

Это обвинение вождем рабочего правительства в спекуляции рабочих, которые добиваются увеличения заработной платы, которая теперь ниже довоенной, которые добиваются, чтобы буржуазия не заставляла безработных голодать, показывает, что за утверждением рабочих вождей, что они не могут итти путем революционной мобилизации масс против буржуазии для завоевания большинства, скрывается полное неверие в эти массы. А этим аргументом вожди рабочего правительства объясняют, почему они отклонили вышеразвитый план своего левого крыла. Отклоняя этот план, они заявляли, что рабочая масса не способна к революционным действиям, не хочет их знать, и путь к большинству есть не революционизирование масс решительной политикой рабочего правительства, а доказывание отсталым рабочим массам и мелкобуржуазным элементам страны, что рабочее правительство не хуже всякого другого способно управлять страной, что оно даже может провести, будучи меньшинством, целый ряд полезных, хотя не основных реформ.

Тогда рабочее правительство завоюет доверие и консервативных, и либеральных рабочих, мелких частных собственников и государственных чиновников, интеллигенции, разобьет либеральную партию, вокруг которой собирается большинство этих элементов, и сделается парламентским большинством,—тогда придет для него время основных реформ. Боясь классовой борьбы, английское рабочее правительство поставило ставку на доказательство своей почтенности, своей умеренности, ставку на то, что оно не хуже других партий сумеет руководить буржуазным государством, не потрясая его основ. Эту политику диктовала реформистским вождям, кроме боязни революционного рабочего движения, боязнь революционных движений в колониях, за сохранение которых эти вожди стоят горой. Известный английский либеральный публицист Сайдбоцем назвал в органе Ллойд-Джорджа „Дейли Кроникль" (от 27 мая) политику рабочего правительства „либерализмом с чужого плеча". Людьми „с чужого плеча" называют в Англии людей, покупающих не новое, хотя дешевое, платье, а поношенное платье, которое когда-то принадлежало богатым. Это явление покупки платья с чужого плеча представляет одну из характерных черт английской мелкой буржуазии и мелкобуржуазных рабочих. В то время как французский рабочий гордится своей блузой, отличающей его от буржуа, английский мелкобуржуазный рабочий подражает не только игре и способу мышления буржуазии, но даже пытается нарядиться в поношенный костюм буржуа, дабы все выглядело у него, как у господ. И вот английское рабочее правительство пыталось нарядиться в политику с плеча господ. Если попытаться охарактеризовать одним словом сущность политики рабочего правительства, то это было стремление занять место либеральной партии, сделаться второй либеральной партией.

Присмотримся, как это стремление выразилось во внутренней, колониальной и иностранной политике рабочего правительства.

3. Внутренняя политика.

Главной заботой рабочего правительства за все время его существования было не дать разразиться и обостриться классовой борьбе в стране. Рабочие считали, что раз есть рабочее правительство, то, хотя оно не имеет большинства в парламенте, оно не будет препятствовать забастовкам. Рабочие, слушая предупреждение своих вождей против забастовок, наверное, подмигивали себе, что „наш Мэк хитрит", но они скоро убедились, что они ошибаются. Во время февральской забастовки докеров г-н Макдональд заявил твердо: „Правительство не преминет принять меры, необходимые для обеспечения транспорта продуктов питания, и уже создало основы для соответствующей организации". Когда угрожала забастовка лондонских транспортников, правительство делало все приготовления для использования войск

к обеспечению городского транспорта. На партийной конференции Независимой партии Труда Макдональд заявил: „Мы добиваемся, чтобы промышленность перестала быть полем сражения рабочих и капиталистов, а сделалась местом сотрудничества между ними". Старейший орган английской буржуазии, еженедельник „Экономист", мог заявить 19-го апреля: „Если взять дело в целом, то правительство заняло по отношению к забастовкам энергичную и мужественную позицию и создало убеждение, что оно не хуже правительства всякой другой партии решило во всех этих кризисах поставить на первое место национальные интересы". Эта похвала была вполне заслужена. Правительство Макдональда сделалось не организующим центром рабочего движения, а, наоборот, центром, дезорганизующим в интересах буржуазии рабочее движение. Эту дезорганизацию оно вело, в первую очередь, через профессиональную бюрократию, которая удерживала профсоюзы от забастовок, дабы не создавать затруднений для правительства, якобы, занятого серьезнейшими реформами в интересах рабочего класса.

Первой из этих реформ был бюджет г-на Сноудена. Г-н Сноуден известен в Англии, как знаток финансов; о нем рассказывают, что он в продолжение многих лет подготовлялся к посту министра финансов, составляя для себя ежегодно бюджет, который бы он предъявил буржуазии, если бы пришел к власти. Но когда г-н Сноуден, наконец, занял пост министра финансов, то он взял бюджет, составленный консерваторами, за основу и произвел изменения только в использовании бюджетного излишка в 380 миллионов рублей, который оказался благодаря взвинчиванию некоторых доходов предыдущим консервативным министром. Он, с одной стороны, устранил очень непопулярный налог на капиталистические общества, чем вызвал радость у капиталистов, с другой стороны, понизил ряд косвенных налогов, как, например, налог на сахар, чай, какао и дешовые театральные развлечения. (Потребление сахара в Англии очень значительно— 72 фунта в год на душу населения). Эти понижения налогов удешевили в первый момент на несколько копеек завтрак рабочего и явились той подачкой, которая вызвала приятное настроение в рядах, в первую очередь, хозяек. Теперь, между прочим, это завоевание уже исчезло, крупные спекулянты повысили цены, но, внося свой бюджет, г-н Сноуден разразился большой речью, в которой заявил: „Мое предложение приносит для всякого мужчины, женщины, ребенка в этой стране известное облегчение. Хотя я всегда был того мнения, что государство имеет право, если это считает полезным для нации, напрячь все силы своих граждан, но одновременно я был того мнения, что государство не имеет права кого бы то ни было облагать налогами, если не может доказать, что новый налог будет благодетельным и экономным. Я разделил облегчения, на которые мо-

гут согласиться, так что они должны принести, по возможности, самую большую пользу для возможно большего количества людей. Я это сделал таким образом, что увеличизаю покупательную силу народа и даю таким образом толчок развитию хозяйства и промышленности. Я никогда не упускал из виду необходимости сохранения национального кредита, от которого зависит существование нашей страны".

Сноуденский бюджет вызвал большие похвалы со стороны и либеральных, и консервативных капиталистов. Г-н Ллойд-Джордж приветствовал его следующими словами: „Социалистический бюджет не имеет ничего общего с социализмом, он рассчитан на то, чтобы теперешнюю систему укрепить, а не подорвать. Только год назад Сноуден мотивировал в парламенте предложение о необходимости устранения капиталистической системы .. Его бюджетное предложение не делает ни шага в этом направлении. Это бюджет, который мог бы предложить парламенту либеральный государственный человек, как Гладстон, который верил в существующий общественный порядок, с тем убеждением, что такой бюджет придает этому порядку новую силу. Понижение косвенных налогов, меры для ускорения уплаты государственного долга, устранение ряда налогов, тягостных для промышленности, обещание экономии в расходах,—все это напоминает Гладстона и способно примирить рабочего с капиталистической системой, благодаря чему не будет так необходимо ее устранение. В то время, когда социалистические депутаты высмеивают либерализм, как устаревший обман, их правительство добивается успеха, предлагая бюджет, построенный на основе методов, унаследованных от либерализма. Когда социалисты так приветствовали своего министра финансов при окончании его речи, они в действительности приветствовали триумф либеральных бюджетных традиций".

Бывший министр финансов консерватор Хорн заявляет по поводу выступления Макдональда и бюджета Сноудена: „Не подлежит сомнению, что, пока-что, по крайней мере, рабочее правительство намерено придерживаться политики, против которой не могут ничего сказать даже самые ярые защитники теперешней финансовой системы".

Кроме бюджета, главной реформой, которой гордится рабочее правительство, является закон о постройке домов. В Англии недостает теперь одного миллиона домов, при наличии, вообще, 8 ми миллионов домов. Причина этого положения—та же самая, что во всех других странах. Во-первых, во время войны все силы страны были направлены на создание средств разрушения, во-вторых, для того, чтобы задержать рост недовольства рабочих, правительство запрещало повышать квартирную плату. Таким образом, с одной стороны, уменьшилось число строитель-

ных рабочих, отхлынувших к военной промышленности, а с другой стороны, и для капитала сделалось невыгодным строить дома. Рабочее правительство внесло закон, на основе которого в продолжение 15-ти лет должно быть построено $2^1/_2$ миллиона одноэтажных домиков, предназначенных для рабочей семьи. Так как рабочие не в состоянии уплачивать квартирной платы, которая бы позволила покрыть расходы на эти постройки, то рабочее правительство предложило уплату со всякого вновь выстроенного дома 90 руб. в год правительственной и 40 руб.—муниципальной субсидии. Общая помощь на строительство должна дать 926 миллионов фунтов государственной субсидии и 400 миллионов фунтов муниципальной субсидии. Закон этот вызывает впечатление грандиозной реформы, на которую правительство и муниципалитеты должны израсходовать 14 миллиардов рублей. Все это звучит очень хорошо, на деле же является бумажным проектом, ибо предпосылки этого плана следующие: во-первых, рабочее правительство должно оставаться для этого 15 лет у власти, а пока-что полетело; во-вторых, муниципалитеты не обязуются законом к постройке домов, они только обязаны давать субсидии, если дома будут строиться. Муниципалитеты только в незначительной части в руках рабочего класса. В-третьих, недостает рабочей силы. В Англии было перед войной 776.000 строительных рабочих, теперь их только 717.000; рабочие вернутся на строительную работу, когда им будут обеспечены, по крайней мере, такие же условия, которые существуют в металлургической промышленности. Такого закона правительство не издало. Дальше, правительство не монополизировало в своих руках и руках муниципалитетов строительного дела и торговли строительными материалами; поэтому капиталисты, надеясь на усиление строительных работ, начинают настолько взвинчивать цены строительных материалов, что правительственная субсидия окажется недостаточной. Число домов, которое должно быть построено в первый год, незначительно.

Третьей реформой, проведенной рабочим правительством, было улучшение закона о страховании. Во первых, оно повышает ставки безработных мужчин с 15 до 18 шиллингов в неделю, т.-е. до 9-ти рублей, женщин—с 12 до 15, т.-е. до 7-ми рублей, и детей—с 1 до 2 шиллингов. Во-вторых, оно устраняет так-называемый пробел: по английскому закону 8 недель в год безработный не мог получать пособия, что должно было принудить его искать работу, теперь он может весь год получать пособие. Эта реформа стоит английскому рабочему правительству только 70 миллионов рублей, и поэтому буржуазия могла на нее согласиться. Кроме этой меры, для облегчения положения безработных рабочее правительство, которое шло к власти под лозунгом борьбы с безработицей, никаких мер для ее устранения предложить не сумело. Министр труда Том Шоу заявил в свою

защиту, что он не фокусник и не умеет вытягивать „кроликов из шляпы".

Но, может-быть, наиболее характерным примером нерешительности рабочего правительства является закон о сельскохозяйственных рабочих. Эта часть пролетариата находится в самом тяжелом положении. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих во многих округах ниже пособия, получаемого нищими. Рабочее правительство не сумело добиться центральной регулировки заработной платы, согласилось на решение вопроса о ней районными учреждениями, находящимися, понятно, под влиянием кулаков и помещиков. Если принять во внимание, что роль аграрного капитала в Англии небольшая, что даже в консервативной партии первенствуют промышленные интересы, то ясно, что мы имеем здесь дело даже не с невозможностью преодоления затруднений, а с косностью рабочей аристократии по отношению к рабочим низам.

Вот все реформы рабочего правительства. Они или представляют обещание на будущее, или же вполне скользят по поверхности. Когда Ллойд-Джордж в 1909 году вводил обеспечение рабочих, то это представляло значительно бо́льшую ломку английских традиций и значительно более решительный сдвиг, чем все, что сделало рабочее правительство. От реформ, которые являются его основными боевыми лозунгами, как национализация рудников и копей и обложение капитала, для того, чтобы освободить страну от необходимости расходования трех десятых всех доходов государства на уплату государственного долга, рабочее правительство полностью отказалось до момента, пока будет иметь большинство. Но характерно, что в выборном манифесте, выпущенном теперь, после роспуска парламента, Рабочая партия ни одним словом не оговаривается насчет обложения капитала. Таким образом, не подлежит сомнению, что в случае своей победы оно, ссылаясь на факт, что обложение капитала не являлось предметом выборной борьбы, и что народ не дал своим вотумом согласия на такую реформу, снова откажется от этой меры, так ненавистной капиталистам. Ведь, г-н Макдональд, объясняя в парламенте, почему рабочее правительство не предлагает обложения капиталистов, заявил: „Мы это не делаем, ибо мы—демократы, а народ подачей своих голосов не высказался по этому вопросу, который не представлял предмета выборной кампании". Таким образом, даже теперь, после парламентского провала при борьбе за большинство, Рабочая партия отказывается от одной из основных своих реформистских позиций, ибо,—и этого не надо забывать,—господа реформисты говорили нам всегда: „Вы, коммунисты, хотите сразу экспроприировать буржуазию, и этим достигается только остановка производства и гражданская война; мы, пришедши к власти демократическим путем, без гражданской войны, проведем переход частной собственности в общественную путем такого обложения при-

были, что все средства для развития промышленности окажутся в руках демократического государства". Континентальные меньшевики, австрийские и немецкие социал-демократы, пришедши к власти, везде отказались даже от попытки налоговым путем взять за шиворот буржуазию. Английские меньшевики, Рабочая партия, отказались от этого лозунга, будучи у власти, ссылкой на недостающее им большинство голосов в парламенте, теперь при борьбе за власть устраняют этот вопрос, доказывая этим, что они не способны бороться с буржуазией не только революционно, но даже и по-реформистски.

Господин Ллойд-Джордж не так уже неправ, когда пишет в своей статье от 10 августа, посвященной первому полугодию английского рабочего правительства: „Если иностранцы присматриваются к Великобритании, чтобы видеть, как развивается социалистический эксперимент в великой империи, то они это зря делают. Социалистический эксперимент еще не начался... Ни один садовник не проявил столько ласковой заботы растению, сколько их проявляет английское рабочее правительство для капитализма. Оно избегает всякой попытки нанести ему ущерб. Ежели немного сделано для развития капитализма, то причиной этого является не ненависть к нему, а только неспособность".

Таким образом, внутренний баланс английского рабочего правительства более чем скромен. Это признает даже реформистская „Венская Рабочая Газета". Оно не только ничего не в состоянии было дать рабочему классу, но оно не боролось за свои цели, и если недовольство рабочего класса Англии своим правительством не приняло до этого времени широких размеров, то это только благодаря факту, что английские рабочие делают только первые шаги по пути самостоятельной классовой политики. Но выборы покажут, достаточен ли был сам факт существования рабочего правительства, чтобы двинуть на его защиту против буржуазии значительные новые массы рабочих. Рабочее правительство делало все, чтобы оттолкнуть от себя левые элементы рабочего класса: шпионаж, установленный г-м Гендерсоном, министром внутренних дел, против коммунистов, попытки отрезать коммунистов от рабочего движения путем исключения их из рядов Рабочей партии,—все это является ярким свидетельством того, что рабочее правительство ничего так не боялось, как обострения классовой борьбы. Если оно, вопреки этой своей политике, играющей на-руку английским капиталистам, было принуждено принять бой с английской буржуазией в вопросе о преследовании коммуниста Кембеля за его антимилитаристскую статью, то это показывает не верность рабочего правительства идеям демократических свобод, которые она топтала ногами в английских колониях, а только указывает на наличие подводных камней, с которыми приходится считаться английским реформистам. Точно так же, как английская Рабочая партия принуждена была отказаться от коалиции с либералами из-за настрое-

ния рабочих масс, она испугалась судебного преследования коммуниста. Английские рабочие терпят, когда в Индии сажают в тюрьму революционеров или даже профессионалистов. Но у себя под носом им трудно согласиться с тем, чтобы рабочий, призывающий солдат не стрелять в бастующих, шел за это в тюрьму. В этом снова проявляется инстинкт классовой солидарности английских рабочих. Он еще ограничен пределами Англии или белой расы, он еще не охватывает цветных рабочих, но он уже достаточен, чтобы не оставить свободы действий реформистским вождям. Носке мог расстреливать рабочих, и социал-демократия Германии, несмотря на это, получает миллионы голосов. Но в Англии значительная часть теперешних вождей Рабочей партии, весь идейный штаб Рабочей партии, составляющий так-называемую Независимую рабочую партию, состоит из пацифистов. Найти в мирное время непосредственный переход от пацифизма, от отказа от военной службы к преследованию коммуниста за проповедь отказа служить империалистам — г-м вождям Рабочей партии не удалось, и они принуждены были, служа буржуазии, принять бой на вопросе борьбы против служения буржуазии.

Присмотримся теперь, как ревниво они служили ей в области, где она наиболее щекотлива, в области поддержки колониального владычества английского империализма.

4. Колониальная политика.

Колониальная политика рабочего правительства заслуживает самого тщательного внимания. Она протекала вне непосредственного контроля рабочих масс Англии, еще недооценивающих значение событий, разыгрывающихся у Ганга, Нила, Евфрата и Тигра; поэтому нет области, где бы очевиднее выявился тот факт, что рабочее правительство не только не противодействовало интересам капитализма, но и не хотело ему противодействовать. Мы можем дать только самый сжатый очерк событий, которые заслуживают быть разработанными во всех деталях.

Начнем с Индии. Положение в ней сложилось очень благоприятное для английского рабочего правительства, как правительства реформистского. Национальное движение индийской буржуазии переживает глубокий кризис. Гандизм, политика пассивного сопротивления, обанкротился. Одержала верх фракция, готовая примириться с принадлежностью Индии Британской империи, если только эта последняя согласится дать Индии то самоуправление, которым пользуются белые колонии Англии. Так как экономическое влияние английского капитала в Индии очень сильно, то допущение самоуправления не только не угрожало бы непосредственному господству английского империализма в Индии, но усилило бы его на продолжительный срок. Рост народного рабочего и крестьянского движения только толкнул бы индийскую буржуазию в объятия английского капитала. Поэтому более дальновидные

английские буржуа защищают такую политику маскировки империализма либерализмом. Но даже к такой политике Макдональд оказался неспособен. Он повел в Индии политику самого разнузданного империалистского нажима. Как известно, перед своим приходом к власти Макдональд считал необходимым обратиться с посланием к Индии, в котором, для доказательства своей лойяльности по отношению к английской буржуазии, заявил: „Ни одна партия в Англии не даст себя застращать угрозами насилия или политикой, которая могла бы парализовать работу правительства". Придя к власти, он назначил министром индийских дел даже не либерала Веджвуда, как этого ожидали умеренные индийские националисты, а заурядного губернатора, сэра Оливье, дабы показать индусам сильную руку рабочего правительства. Как эта сильная рука проявляла себя, великолепно изложил наш товарищ Рой, индийский коммунист, в своем открытом письме, адресованном съезду Рабочей партии. Он устанавливает факты, говорящие сами за себя.

Индийские националисты добиваются чрезвычайно скромных реформ. В Индии провинции имеют парламенты, избираемые двумя процентами населения. Но правительства провинций не ответственны даже перед этими парламентами. Националисты тщетно добиваются подчинения провинциальных правительств этим цензовым буржуазным парламентам. Они добиваются самоуправления Индии, даже с тем изъятием, чтобы дела армии и иностранной политики остались в руках англичан; они добиваются, наконец, чтобы большинство бюрократических постов было занято индусами. Для проведения в жизнь этой реформы они требовали созыва конференции из представителей Индии и рабочего правительства. Хотя эти требования были выдвинуты законодательной палатой Индии, рабочее правительство даже не сочло нужным ответить на это предложение. Мало того: в Лондон отправилась индийская делегация с еще более умеренными требованиями. Она не добилась приравнения Индии к положению других, белых английских колоний; эта делегация даже не удостоилась никакого ответа со стороны рабочего правительства. Националистическая оппозиция в центральных провинциях Индии и в Бенгалии отклонила бюджеты провинциальных правительств. Но английские губернаторы господствуют, не считаясь с палатой. Новые выборы не назначены. Вся Индия добивается освобождения из тюрьмы политических заключенных, правительство глухо к этим требованиям. Макдональд выпустил из тюрьмы Ганди, но его губернаторы заполняют тюрьмы новыми пленниками. Об отношении к рабочим даже не приходится говорить. Недавно появилась книга г-жи Брафтон „Положение рабочих в индийской промышленности", дающая прямо кошмарную картину положения индийского пролетариата. Английское рабочее правительство не потрудилось даже послать комиссию для исследования их положения. Профсоюзы остались без прав. Рабочий день не ограничен. Женщины и дети моложе 12-ти лет

работают под землей. На плантациях существуют буквально рабские условия. Стрельба по бастующим в Бомбее прошла без всякого наказания. Эта политика рабочего правительства пугает даже более дальновидных буржуа. Либеральный орган „Нейшен" помещает 27-го сентября статью, в которой говорит: „Индия охвачена теперь более широким и глубоким недовольством, ею труднее управлять, чем когда бы то ни было. Это заметили все, которые следили за сведениями, приходящими из Индии за последние месяцы. Те, кто располагает сведениями из других источников, нежели газетные, знают, что в продолжение последнего года положение с каждым днем ухудшалось". Газета цитирует слова Клемансо, который во время своей последней поездки в Индию сказал английским чиновникам: „Вам нельзя больше управлять Индией по образцу Амритсара" (в Амритсаре, как известно, в 1919 году генерал Двайер расстрелял несколько сот индусов, собравшихся на мирный митинг). Г-н Макдональд, очевидно, думает, что Индией и впредь следует управлять по образцам, полученным в наследство от генерала Двайера.

Еще более яркое выражение получила империалистская политика Макдональда по отношению к Египту и Судану. Как известно, английское правительство в феврале 1922 года объявило Египет независимой страной. Независимость состоит в том, что Египет занят английскими оккупационными войсками, и все требования египетского парламента и правительства об эвакуации войск и предоставлении Египту свободы сношений с другими правительствами встречали со стороны старых английских правительств неизменный отказ. Г-н Макдональд не изменил этой политики ни на иоту. На-днях состоялось его свидание с египетским премьер-министром Заглул-пашой. В отчете об этом свидании, опубликованном 7-го октября, Макдональд заявляет, что английские войска должны оставаться в Египте для охраны Суэцкого канала: „Никакое английское правительство не может уклониться, даже в пользу союзной страны, от защиты такой важной линии британских сообщений". Как бы в насмешку над протестами Египта против английской оккупации, Макдональд предлагает египетскому правительству заключение союза. „Тогда,— говорит он,— присутствие британских сил в Египте опиралось бы на договор, заключенный свободно, на основе равноправия, обеими сторонами, что никоим образом не противоречило бы египетской независимости". Если г-н Макдональд введет еще обычай, согласно которому заключенные в тюрьму будут расписываться в своем согласии на эту меру, то это будет лучшим методом упразднения тюрем на бумаге, и тогда никто не посмеет сказать, что в Англии не воцарилась полная демократия.

Одновременно очень обострился вопрос о Судане. Египет выдвигает требование передачи ему Судана. Мы не беремся защищать в этом вопросе аргументы египетской буржуазии. Насе-

ление Судана состоит не из египтян, а из арабов и племен негритянской расы. Требование Египта опирается на тот факт, что, во-первых, Судан был покорен египетскими войсками, что войска в Судане содержатся за счет Египта (из 12 миллионов рублей в год десять уплачивает египетская казна), что Египту приходится содержать суданскую бюрократию, а, во-вторых, на тот факт, что верхнее течение Нила, без вод которого Египет не может существовать, находится в Судане. Между тем, англичане строят в Макуаре громадные плотины для орошения двух миллионов моргов земли под хлопок. При помощи своих плотин и водных резервуаров они могут в случае конфликта с Египтом отрезать его от вод Нила. Английское правительство в вышеуказанном докладе отвечает через Макдональда на эти требования Египта следующим заявлением: „Англия приняла высокие моральные обязательства по отношению к суданскому народу, она не может допустить расстройства его хозяйства. Она считает себя связанной по отношению к Судану, пока ее дело не будет доведено до конца". В чем состоит ее дело? Это известно,—англичане надеются развить культуру хлопка в Судане до таких размеров, чтобы при помощи суданского, египетского и индийского хлопка вполне освободиться от американской хлопковой биржи. Кроме того, Судан является очень важной частью пути, соединяющего Каир с Южной Африкой. Главный орган рабочей партии „Нью-Лидер" совсем не скрывает этой империалистской подкладки политики рабочего правительства. В статье г-на Брейльсфорда (от 4 июля 1924 года), озаглавленной „Рабочая партия и Судан", мы читаем: „Может-быть, опасно прямо сознаваться в том, что Ланкашир (крупнейший район хлопчатобумажной промышленности в Англии) в своем отчаянии по поводу уменьшения вывоза хлопка из Америки и роста цен на него смотрит на Судан, как на наиболее надежный источник замены американского хлопка. Социалист может знать эти причины, но все-таки не сможет без стыда высказаться против присоединения Судана к Египту". Почему? Вот почему: „Английские офицеры, которые очень плохо умеют справляться с интеллигенцией подчиненных стран, великолепно проявляют себя в отношениях с таким простым народом, как суданцы, которые не предъявляют нахальных требований равенства". И г-н Брейльсфорд, не краснея, рассказывает о подвигах, совершонных английскими империалистами в Судане, и говорит, что египетская буржуазия даже через 25 лет не сумеет проявить такой доблести, а суданцы и через полвека не научатся сами собой управлять. Так что же делать? Само собою понятно, другого выхода нет: англичане должны остаться в Судане. Конечно, этот факт нуждается в некотором прикрытии: Англия может, например, обратиться к Лиге Наций и получить от нее мандат на Судан. Тогда все будет обстоять очень хорошо. Так пишет г-н Брейльсфорд, известный как один из самых ярых пацифистов Рабочей партии,

сбежавший в ее ряды от либералов из-за своего пацифизма. Что значит управлять страной на основе мандата,—это нам великолепно продемонстрировала Англия вообще и г-н Макдональд в частности на примере Месопотамии.

Как известно, оторвав Месопотамию от Турции и заняв ее своими войсками, англичане создали независимое месопотамское государство и осчастливили его королем. Абдул, сын арабского шейха из Мекки Гуссейна, назначенный Англией в венценосцы, был „с энтузиазмом" избран в короли демократическим голосованием месопотамских арабов, которые до этого времени ничего о нем не слышали. Это только подтверждает старую истину, что воля освобожденных народов и английского империализма всегда совпадает. Его брат Фейзал был точно так же избран в короли Сирии. Но тут воля английского империализма, хотя и совпала с желаниями сирийцев, не совпала с желанием французского генерала, который и прогнал Фейзала. Тогда английские империалисты изменили волю месопотамского народа и произвели новые выборы, которые посадили на месопотамский престол Фейзала. Дабы отереть слезы Абдула, триста тысяч жителей Транс-Иордании, дотоле связанные с Палестиной, проявили свою волю к независимости. Абдул сделался транс-иорданским королем. Хозяйничанье англичан в Месопотамии вызвало растущее брожение среди арабов. Англия получила от Лиги Наций мандат на Месопотамию. Но, кроме того, полезно было заручиться согласием месопотамской учредилки, ибо без этого согласия нельзя было воевать с Турцией из-за Моссула и моссульской нефти. Но парламент отказывался ратифицировать договор, отдающий в руки Англии ни меньше, ни больше как месопотамскую армию, месопотамские финансы и месопотамские внешние сношения. Тогда г. Макдональд предъявил королю Фейзалу и месопотамской учредилке трехдневный ультиматум. Английский уполномоченный сэр Перси Кокс напомнил королю, что, по существу, его выбрали английские офицеры, и что без их поддержки и защиты его величество в три дня полетит вверх тормашками. Парламенту сэр Перси Кокс напомнил о судьбах некоторых националистических вождей, которых бог за оппозицию его величеству королю Англии покарал смертью. Ночью, в 12 часов, когда истекал срок ультиматума, парламент, состоящий из 110 членов, принял английский ультиматум 36-ю голосами. 41 член парламента отсутствовали, 24—голосовали против, 9 воздержались. Когда в английском парламенте полковник Кенворти запросил английского министра колоний, рабочего вождя Томаса, почему при таком важном решении отсутствовали 41 депутат, г. Томас, как говорит либеральная „Нейшен", ответил—„с неслыханной легкостью" (другие бы сказали: с медным лбом): „Они были нежелательны". Так английское рабочее правительство расширило владения его величества короля Англии во имя демократии и пацифизма. Если сегодня это же самое рабочее правительство предъявляет ультиматум Турции по поводу Моссула, то оно

уже прямо может сослаться не только на то, что английской буржуазии не хочется терять нефть, а что народ Месопотамии в свободном изъявлении своей воли, по-демократически, в 12 час. ночи, 36-ю голосами поручил рабочему правительству защиту своих интересов против турок.

Товарищ Рой в своем обращении к съезду английской Рабочей партии очень хорошо указывает на то, что господа вожди Рабочей партии не только следуют примеру империалистов, но присвоили себе полностью теорию и идеологию этих империалистов. Все, что они делают, они делают во имя своей „ответственности перед народами, которые вручили им свою судьбу". Товарищ Рой спрашивает: кто и когда просил их нести эту ответственность? На этот вопрос он ответа не получит. Но, к несчастью, рабочим Англии придется перед лицом международного пролетариата нести ответственность за политику своей партии. Г-н Брейльсфорд пишет с глубокой меланхолией в своей выше уже цитированной статье: „Во всей обширной области восточной политики мало явлений, радостных для нас. Индийский кризис не уменьшился под нашим влиянием. В вопросе о Моссуле министерство колоний унаследовало от лорда Керзона невыполнимое требование предоставления Месопотамии нефтяных областей. Большинство греческого населения на Кипре, настаивавшее на объединении с Грецией, получило обычный отказ". Г-н Брейльсфорд сознает, что эта политика рабочего правительства ставит в очень тяжелое положение Рабочую партию. „Не только мы одни, но весь эволюционный социализм во всей Европе будет нести за это ответственность. Левая на всем континенте обвиняет нас в том, что мы добровольно проводим политику рабочего империализма. В наших руках будущее европейского социализма. Неумно рисковать осуждением всей нашей восточной политики в Индии, Египте, Моссуле и на Кипре". Г-н Брейльсфорд ошибается. Никто не обвиняет Рабочую партию в том, что она ведет политику рабочего империализма, нет политики рабочего империализма, рабочий империализм—это вздор. Империализм—политика финансового капитала; и революционные рабочие и народы Востока обвиняют английское рабочее правительство в том, что оно просто проводит политику английского империализма. Г-н Брейльсфорд пытается объяснить эту политику тем, что рабочее правительство есть правительство меньшинства, что оно не свободно в своих действиях. Это просто увертка. Статья самого Брейльсфорда доказывает, что Рабочая партия ведет эту политику, ибо сама стоит на империалистской точке зрения, считает необходимым сохранить колониальное владычество английского капитала. Так оценивают политику рабочего правительства народы Востока. Они приветствовали приход к власти рабочего правительства. Ведь, книга Макдональда о пробуждении Индии по сегодняшний день запрещена

в Индии,—как же можно было не верить заявлениям вождей английских рабочих, распинавшихся в своем сочувствии страдающим народам Востока, метавших громы и молнии против империалистской политики капитала! Народы Востока получили теперь жестокий урок. Это можно было бы приветствовать с точки зрения международного социализма, ибо вера в реформистов не менее вредна на Востоке, чем на Западе, и совсем не плохо, если крестьяне и рабочие Востока узнают, что им нечего ожидать от II Интернационала. Но эта потеря веры в английских рабочих, какой бы временной она ни была, очень тяжело отразится на условиях освободительной борьбы самих английских рабочих. Они могут победить свою буржуазию только в союзе с восстающими против нее рабами Востока. Всякое ослабление доверия восточных народов к английскому рабочему классу ослабит его позиции в предстоящих боях против английской буржуазии и ослабит революционное движение на Востоке. Колониальная политика рабочего правительства принесла рабочему классу Англии вред, над устранением которого придется поработать не один год.

5. Внешняя политика.

Главным подводным камнем, который все время после войны глубочайшим образом беспокоил рулевых английской буржуазии, был вопрос об отношении между Англией и Соединенными Штатами Америки. Об этом вопросе английские политики говорят очень неохотно, как неохотно говорит капитан корабля пассажирам о появившемся на горизонте беспокоящем его облаке. Соединенные Штаты Америки выросли до размеров самой сильной промышленной державы, опирающейся на громадный внутренний рынок. Они сделались первой морской державой, равной по силе Англии, их финансы позволяют им завтра быть сильнее на море, чем Англия. Мало того, отношение к Соединенным Штатам имеет еще одну сторону: Соединенные Штаты являются соседом Канады, наиболее быстро развивающейся из белых колоний Англии. Экономическое развитие, с каждым годом ослабляющее экономическую связь Канады с Великобританией, увеличивает ее связь с Соединенными Штатами. В случае военного конфликта Великобритании с Соединенными Штатами Канада не была бы завоевана Америкой, а ушла бы к ним. На имперской конференции в 1921 году Канада совместно с Австралией добивалась ликвидации союза с Японией, заявляя, что никогда не согласятся на то, чтобы в случае конфликта Соединенных Штатов с Японией Англия могла стать на сторону последней. Когда Ллойд-Джордж заявил канадскому премьеру: „Вы защищаете интересы Америки“, последний ответил: „Канада является американской страной“.

Вашингтонская конференция была первым актом поворота английской внешней политики к Соединенным Штатам. Англия не только согласилась на ликвидацию союза с Японией,

но согласилась на равенство английского и американского флота. Вторым шагом английской буржуазии, направленным на сближение с Америкой, был договор, заключенный консервативным премьер-министром Болдуином осенью 1922 года об уплате долга Америке. Принимая обязательство уплатить 300 миллионов золотых рублей в год Америке, Англия сделала громадную уступку, ибо она ни от Франции, ни от других союзников не могла ожидать уплаты долгов. Все это делала английская буржуазия, будучи убеждена, что нет ничего более опасного для английского империализма, как борьба с американской буржуазией. Точно так же, как на грани XIX и XX столетий английская буржуазия поняла, что она или добьется кооперации с Германией, или дело кончится англо-германской войной, точно так же понимают дальновидные политики английской буржуазии, что если они не хотят в будущем воевать с Америкой, то нужно добиться кооперации с ней во всей области мировой политики. Попытка создания англо-германской кооперации разбилась о вопрос, кто в этой кооперации должен играть роль младшего партнера, ибо на сделку двух равных сторон Англия не шла. Германия не захотела играть роль младшего в союзе, надеясь на использование затруднений английского империализма. При вопросе о создании англо американской кооперации Англия надеется, что она сможет молчаливо руководить Америкой. Но одновременно она видит растущие аппетиты Америки, при сохранении Соединенными Штатами мер предосторожности от того, чтобы не быть втянутыми с военной стороны в европейские дела. Не подлежит сомнению, что Америка требует, как цену кооперации с Англией, прямого английского содействия против Японии, что она, по всей вероятности, для обеспечения Панамского канала потребует отдачи ей английских позиций в Караибском море, что она требует львиной части мировой нефти. Но за все это она не намерена заключить обязывающего ее союза, да пока что не намерена стать в европейских делах открыто и окончательно на сторону Англии.

Еще до своего прихода к власти, Макдональд видел в отношении к Америке главный вопрос английской политики. В своих статьях, напечатанных в конце октября и в начале ноября 1923 г. в „Сандей Таймс“ и нью-йоркской газете „Уорльд“, он ставит вопрос об отношении к Америке, как центральный вопрос. Он считает этот вопрос очень „тонким“, требующим большого терпения, он заявляет, что вполне понимает, что Соединенные Штаты Америки не хотят итти на союз ни с какой европейской державой, он убеждает Соединенные Штаты Америки, что „ни одна партия не будет так точно исполнять международные обязательства, как Рабочая партия... Наше рабочее движение не имело никогда склонности искать коротких дорог к тысячелетнему царству, а если бы имело такую склонность, то русский

пример вылечил бы его от нее". Рекомендуя американской буржуазии свое правительство, он указывает, что англо-американские отношения наиболее бы потерпели от нового таможенного тарифа, принятого Америкой, или от победы консерваторов, стремящихся к тому, чтобы окружить Британскую империю стеною высоких пошлин.

Само собой понятно, что англо-американское сближение, которое выявилось в политике доклада экспертов и на Лондонской конференции, не было делом рабочего правительства, а делом банковских групп Лондона и Нью-Йорка, которые между собою обо всем сговорились. Но правительство Макдональда облегчило это сближение своей ролью не по отношению к Соединенным Штатам, а по отношению к Франции. Банкротство рурской затеи Пуанкаре, падение франка принудило Францию обратиться за помощью к англо-американскому капиталу. Это сделал уже сам Пуанкаре, и, принимая доклад экспертов, уже Пуанкаре отказался от самостоятельного решения репарационного вопроса. Но будь у власти в Англии консерваторы, эта сделка носила бы открыто характер капитуляции французского капитала перед английским и американским. Наличие у власти рабочего правительства с его пацифистской программой позволило вождям французской мелкой буржуазии прикрыть поражение французской буржуазии плащом пацифизма. Это не только облегчило их собственное положение по отношению к французским националистам, но и положение Америки. Соединенные Штаты Америки не договорились еще полностью с английским капиталом, поэтому они не согласились бы взрывать мостов, ведущих к Франции. Если бы Франция была против доклада экспертов, Соединенные Штаты Америки признали бы генерала Дауэса и его план „частным делом", ибо Соединенные Штаты не знают еще, не понадобится ли им еще французское оружие против англичан. Благодаря тому, что Макдональд сумел позолотить неприятную пилюлю Франции пацифистски, Соединенные Штаты могли принять на себя ответственность за Лондонское соглашение, не рискуя разрывом с Францией, который бы очень облегчил положение Англии.

Задача английского империализма состоит теперь в том, чтобы в дальнейшем ослабить позицию Франции. Это нужно английскому империализму не только для обеспечения англо-американского хозяйничанья в Германии, но и для того, чтобы настолько расшатать французский империализм, чтобы он не смог сделаться больше союзником американского империализма против Англии. И снова тот факт, что у руля правления в Англии находятся не английские империалисты, а пацифистское рабочее правительство, очень облегчил задачу английской буржуазии. Мы говорим о вопросе о разоружении и гарантиях мира, который занял всю последнюю сессию Лиги Наций. Многим казалось, что то, что происходит в Женеве, есть пустая болтовня; на деле там происходил бой английского империализма против

французского, а частью против американского. Макдональд определил свою позицию по отношению к этому вопросу уже в цитированных выше статьях. Он заявил, во-первых, что „Англия не заключит в Европе никаких частных союзов и не примет никаких гарантий частного характера"; в переводе с дипломатического языка на человеческий это означает: господа французы, если между вами и Германией дойдет до войны, то не наша задача снова вас спасать. „Задача Англии,— говорит г-н Макдональд,— состоит в том, чтобы в Европе создать известное равновесие сил"; в переводе на человеческий язык это снова означает: Франция чересчур победила Германию, Англии теперь удобно усиление Германии, ибо оно свяжет силы Франции; тогда ни Франция не сможет всеми силами нажимать на английский империализм, ни Америка не сможет использовать Францию против Англии. Эта политика Макдональда потерпела в Женеве известное поражение. Французская мелкая буржуазия, в лице Эррио, заручившись помощью лучших сил французского империализма в лице гг. Бриана и Люшера, перешла к политической контр-атаке, обратив против Макдональда его собственное оружие пацифизма. Так-называемый протокол Бенеша, к которому мы еще вернемся, ибо он является важным документом современной империалистской эпохи, прикрытой пацифизмом, принудил английский империализм все-таки принять ряд обязанностей по защите Версальского договора и границ, им созданных. Не подлежит сомнению, что первый акт английского правительства,—вернется ли к власти Макдональд, или займут его место консерваторы,—будет состоять в саботировании в той или другой форме женевских решений. Но в общем Макдональд защищал очень ловко и очень энергично интересы английского империализма в центральной Европе.

В русском вопросе Макдональд проводил политику английской буржуазии, начатую уже Ллойд-Джорджем. Это была политика включения России в международное капиталистическое хозяйство. Макдональд, точно так же, как Ллойд-Джордж, выступил в защиту английских капиталистов, пострадавших от русской революции; даже пресловутая формула о взаимном признании внутреннего законодательства договаривающихся сторон является только расширением формулы, выработанной Ллойд-Джорджем на конференции в Каннах. Консерваторы и либералы в своей теперешней полемике против Макдональда приводят факт, что он два раза в парламенте высказался против гарантий для русского займа. Макдональд шел на сделку с Советской Россией, сделку того же типа, как та, на которую шел Ллойд-Джордж. Он был сдвинут с этой точки давлением левой части своей партии, которая точно так же, как Эррио, использовала против него пацифистскую фразеологию. Левая часть Рабочей партии чувствует, что по отношению к Советской России дело не идет просто о расширении возможности торговли. Единственный представитель левого крыла Рабочей партии в прави-

тельстве, министр здравоохранения Уитли, выразил эти смутные чувства английских рабочих, говоря, что советское правительство держит в своих руках территории бывшей царской империи не только как приказчик русского рабочего класса, но и международного пролетариата. Английские рабочие начинают понимать, что их собственные интересы требуют сохранения в руках русского пролетариата командных высот хозяйства Советского Союза. Если расшифровать эту мысль, то она означает, что английскому рабочему в случае революции не безразлично, будет ли советское правительство распоряжаться хлебом, или он будет находиться в руках частных спекулянтов. Но в то же самое время, когда революционные английские рабочие попытались толкнуть Макдональда от капиталистической торговой сделки с Советской Россией к началу социалистической смычки с ней, американский капитал пытается оттащить Англию даже от политики Ллойд-Джорджа к политике Юза. Соединенные Штаты Америки добиваются открытой победы капитализма в России. Для этого они считают нужным изолировать Советский Союз. Начиная с торгового договора 1921 года, английская буржуазия, в целях своей конкуренции с Америкой, пыталась договориться с Советской Россией; американские банкиры заявляют теперь английским своим партнерам: вы хотите с нами кооперировать в Германии и в Китае, но между Германией и Китаем лежит Союз Советских Республик, там вы с нами конкурируете; вы уже признали Союз Советских Республик, против этого ничего нельзя сделать, но ни шагу дальше. Россию надо заморозить до момента, когда мы ее окружим со всех сторон, когда можно будет навязать большевикам наши условия.

В Китае англо-американское сближение уже налицо. Еще два года тому назад можно было заметить, что, несмотря на Вашингтонскую конференцию, на разрыв англо-японского союза, разведки Англии и Японии работают друг с другом против Америки. Если теперь следить за английско-американской печатью в Китае, то можно установить дружную совместную работу обеих держав. Характер этого сотрудничества не оставляет никакого сомнения. Г-н Бертранд Рессель, совмещающий в своем лице английского лорда, ученого и философа английского меньшевизма, в своей статье, носящей замечательное заглавие „Британский империализм в Китае: китайские разбойники и британские банки“ („Нью Лидер“ от 19 сентября 1924 г.), принужден признать все то, что мы говорили об английской политике в Китае. Он устанавливает, что „главным грехом Сун-Ят-Сена в глазах британцев является факт, что Сун-Ят-Сен пытается спасти остатки китайской свободы. Банк в Гонконге и Шанхае, который решает, что должен думать английский народ о китайских делах (независимо от того, находится ли у власти ра-

бочее правительство), хочет держать в своих руках все железные дороги и рудники Китая. Сун-Ят-Сен имеет поддержку всех демократических элементов Китая, и если бы он победил, то Китай мог бы защищаться от иностранного нашествия". Признание это не теряет значения от того, что Бертранд Рессель объясняет английскую империалистскую политику тем, что г-н Макдональд не имеет понятия о происходящем в Китае, что его обманывают английские империалистские чиновники. Если бы это даже было правдой,—в чем мы очень сомневаемся,—то это означало бы, что империалистский аппарат Англии ведет свою политику независимо от того, кто у власти. Но в чем состоит характер английской политики в Китае, г-н Рессель устанавливает точно: эта политика состояла при рабочем правительстве в стремлении к экономическому завоеванию Китая, для каковой цели ей понадобилось попытаться задушить демократические элементы Китая. Этого вполне достаточно для характеристики английской политики в Китае, и мы можем совершенно свободно предоставить г-ну Макдональду право на досуге рассказать в своих мемуарах, как его обманывали агенты английского империализма.

Недостаток места не позволяет нам подробно разобрать политику Макдональда в Аравии, Персии и Турции. Никогда за последние годы английский империализм не вел такой энергичной и решительной работы раздробления национального движения на Ближнем Востоке, как он это делает теперь, когда у власти находится рабочее правительство. После ряда лет поддержки Гуссейна и вообще его династии английский империализм выдвигает теперь вахабитов, дабы междоусобицей в рядах арабов воспрепятствовать объединению Аравии. Рабочее правительство подготовляет таким образом завоевание всей Аравии английским империализмом. Мы цитировали статью Брейльсфорда, этого лучшего знатока политики в рядах английской Рабочей партии, который называет борьбу рабочего правительства за Моссул выдвиганием требований, не проводимых в жизнь. Мы не знаем, что означает эта фраза,—указывает ли она на империалистский характер борьбы за Моссул, или же на то, что „Стандард-Ойль"—американский нефтяной трест—не согласится на переход Моссула в руки Шелля, т.-е. английского треста. Имеем ли мы в Аравии и Месопотамии и вообще на Ближнем Востоке уже англо-американское сотрудничество или попытки захвата важных позиций Англией для дальнейших переговоров с Америкой,—неизвестно; но что дело идет о чисто-империалистской политике, это не подлежит ни малейшему сомнению.

Таким образом, обзор девяти месяцев политики английского рабочего правительства в области внешней политики дает нам картину чисто-империалистской политики во всех странах и на всех континентах. Придя к власти, г-н Макдональд заявил, что он „примет мир таким, каким он его най-

дет, и будет строить свою политику сообразно со своим понятием о будущем". Г-н Макдональд принял империалистскую политику и строил ее сообразно с его понятием, что мир должен остаться под властью капитала. Он не только не потряс основ английского империализма, но он добросовестно служил его интересам, налаживая англо-американскую сделку для порабощения всего мира. Г-н Макдональд не может в свою защиту сказать, что он, представляя меньшинство в парламенте, не мог вести собственной политики: ведь, смысл вхождения в правительство мог быть только один—приготовить будущую самостоятельную политику Рабочей партии. Но г-н Макдональд усиливал позиции империализма; это он мог делать только в расчете на то, что его политика и в случае завоевания большинства будет империалистской политикой.

6. Класс против класса.

а) Победа консерваторов и разгром либералов.

Английские выборы кончились совсем неожиданной по своим размерам победой консерваторов и разгромом либеральной партии. Консерваторы получили такое внушительное большинство, о котором, наверно, не смели и мечтать. Разгром либералов превосходит все ожидания. Можно было предвидеть их значительное ослабление, но не полный разгром. Они сами ожидали, что консерваторы не завоюют абсолютного большинства, и что им придется прибегнуть к помощи либералов. Ллойд-Джорджу мерещился уже возврат к власти, которой, если вообще можно в политике предсказывать, он больше не увидит, как своих ушей.

Размеры победы консерваторов так велики, что их нельзя объяснять теми сделками, которые им удалось заключить в ряде треугольных округов с либералами. Приток буржуазных избирателей к консервативной партии был настолько велик, что он может быть объяснен только социальными сдвигами в среде буржуазии. Либералы и консерваторы, которые раньше представляли два класса—промышленных капиталистов и помещиков, в последнее время отличались друг от друга социально только тем, что либералы представляли в большей мере, чем консерваторы, торговую буржуазию. Поэтому главным яблоком раздора между ними был вопрос о свободе торговли. Еще во время выборов 1923 года консерваторы потерпели поражение благодаря тому, что Болдуин неожиданно выдвинул вопрос о предоставлении льготных условий для колоний на английском рынке, что означало медленный переход к покровительственной политике вообще. Несмотря на то, что при нынешних выборах Болдуин пускал пробные шары в этом направлении, и что против этого пытался мобилизовать торговую буржуазию руководящий орган английских фритрэдеров „Манчестер Гардиан", буржуазия побежала, поджав хвост, за консерваторами. В самом Манчестере,

этом центре свободной торговли, либералы побиты. Что кроется за этим сдвигом? Самое простое было бы сказать, что этот поворот вызван боязнью победы рабочего класса, боязнью перед возвратом к власти рабочего правительства. Но это простое объяснение еще не указывает, чего боялись со стороны рабочего правительства. Ведь, Макдональды, Томасы, Клайнсы так мало похожи на большевика из выборного плаката. Они делали все, чтобы доказать буржуазии не только свою лойяльность, но и свою умеренность и готовность защищать интересы буржуазии. Мы думаем, что ближе всего к правде находится суждение осведомительного бюро американских банков „Хели Итон Сервис", которое 9 го октября сообщало из Лондона своим подписчикам:

„Давление британских деловых кругов на либеральную и консервативную партию не позволяет им больше оставлять у власти рабочее правительство. Перемирие было честно сохранено во время лондонских переговоров о плане Дауэса. Но ни одна из старых партий не решалась дальше поддерживать правительство. Женевский протокол и договор о русском займе вызвали опасения у деловых людей. Опровержения премьер-министра и его сотрудников не могли рассеять опасений деловых кругов, что правительство берет курс к созданию государства над государством, и что социалистические идеи чересчур повлияли на позицию английских представителей в Лиге Наций. Британская промышленность находится перед наибольшим кризисом, бывшим когда-либо в ее истории. Торговые переговоры, которые ведут разные народы с Германией, имеют самое жизненное значение для Британии. Предложенный правительством англо-русский договор не мог внушить доверия к тому, что оно сумеет повести переговоры с Германией соответственно интересам Англии. Другими словами, в продолжение ближайших месяцев будут вестись переговоры, касающиеся экономических дел, и промышленные круги пришли к убеждению, что рабочее правительство не является орудием, соответствующим этому. Какие бы формы ни приняла ближайшая политическая борьба в Англии, ее стержнем является бизнес" [1]).

В номере же от 11-го октября этого банковского информационного бюллетеня мы читаем:

„Английские и американские выборы состоятся почти одновременно. Здесь ожидают победы Кулиджа и рассматривают победу английских консерваторов, как конструктивный деловой шаг громадного значения. Большие знатоки считают, что скоро состоятся выборы в Германии и Франции. Экономическая стабилизация, к которой, как ожидают,

---

[1]) Т.-е. интересы кармана.

даст толчок доклад экспертов, приведет, надо надеяться, и к политической стабилизации. Европа вернется от средств, диктуемых отчаянием, к старым испытанным формам правления. Многое, что делала Европа до сего времени, было результатом отчаяния и затрудняло Америке возможность оказать ей помощь".

Агенты-информаторы американских банков—деловые люди и говорят прямо, в чем дело. Доклад экспертов, принятый при помощи II Интернационала, служит целям укрепления европейского капитализма. Но если германский капитализм должен выполнять условия Лондонской конференции, то он должен увеличить экспорт. В январе 1925 года Германия получает на основе Версальского договора свободу заключения торговых договоров. В это время французы будут еще находиться в Руре. Они пытаются использовать оккупацию для завоевания целого ряда торговых преимуществ в Германии, для сделки по вопросу об угле и железе, ввозе текстильных тканей, поставке химических продуктов. Английская промышленность и английская буржуазия должны быть на-чеку. Господин Макдональд очень полезен для влияния на рабочие массы, но вряд ли он наиболее подходящий для торговых переговоров человек. На Германию надо жать изо всех сил, ибо и французы на нее будут жать. А вдруг Макдональд под влиянием рабочих избирателей левого крыла своей партии начнет в этом вопросе вилять, как он делал в вопросе о русском займе? Раз волна рабочего недовольства в данный момент не захлестывает страны, раз Макдональд помог уже ослабить позицию Франции, то теперь можно обойтись без Макдональда, и это даже будет лучше. Стабилизация капитализма должна находиться в руках самих капиталистов. Вот в чем сущность настроений английской буржуазии. Рабочее правительство не внушает ей доверия, как деловой приказчик. К этому можно добавить боязнь того, что рабочее правительство,—хочет ли оно этого, или нет,—будет принуждено зимой предложить парламенту бюджет, идущий навстречу рабочей массе. Наше предположение о роли будущего бюджета, которое мы сделали в статье о роспуске парламента, подтверждает полностью в своей речи от 11-го октября министр колоний рабочего правительства Томас. Он заявил, что атака против рабочего правительства вызвана тем, что следующий бюджет будет опаснее для буржуазии, чем предыдущий. Наконец, не подлежит сомнению, что английская буржуазия оценивает положение в Индии, как очень грозное. „Дейли Телеграф" открыто заявил, что в Индии можно ожидать самых серьезных событий, и что нельзя оставлять судьбу Индии в руках такого слабого правительства, как рабочее. Все это, вместе взятое, создало у английской буржуазии стремление к созданию устойчивого буржуазного правительства. Необходимость устойчивого буржуазного правительства являлась главным лозунгом и консерваторов, и либералов во

время выборной кампании. И эта кампания привела к тому, что буржуазный избиратель отдавал поголовно свои голоса консерваторам, как партии, которая имеет больше всего шансов создать такой устойчивый режим.

б) Поражение Рабочей партии.

Это предрешало поражение Рабочей партии. 30% мандатов она завоевала в так-называемых треугольных округах, т.-е. в округах, где на последних выборах голоса буржуазии разделились на либералов и консерваторов. Раз либеральная масса шарахнулась в сторону консерваторов, рабочее правительство не только не могло увеличить числа завоеванных мест, но оно должно было потерять значительное их количество. Но если вполне вероятно, что никакая тактика не могла предохранить рабочее правительство от такого поражения, то нерешительность рабочего правительства увеличила шансы на поражение. В этом смысле показатель нароль, которую сыграло подложное „письмо Зиновьева". Если бы Макдональд, получив это письмо, немедленно вернулся в Лондон, установил совместно с тов. Раковским подложность письма, затребовал от своих чиновников доказательств подлинности этого „документа" и отдал их под суд, он разоблачил бы перед страной, что консерваторы не боятся во имя своей победы ставить на карту „доброе имя" английского правительства и мирные отношения с Россией. Не подлежит сомнению, что такая решительность выступлений увеличила бы престиж рабочего правительства, внесла бы смятение в ряды противника. Вместо того, из боязни показаться защитником большевиков, Макдональд помог консерваторам взорвать бомбу, направленную против него же самого.

Но, несмотря на то, что рабочее правительство так мало сделало для рабочего класса, что оно так скомпрометировало себя в колониальных вопросах, несмотря на его нерешительность в борьбе против консервативных мошенников, несмотря на то, наконец, что оно не посмело поставить на выборах остро всех жизненных вопросов английского пролетариата, число рабочих голосов, отданных за рабочее правительство, значительно увеличилось по сравнению с выборами декабря 1923 года. Это является доказательством того, насколько сильно стремление рабочих масс Англии к созданию собственной рабочей власти. Это показывает, как преступна была политика, которая боялась апеллировать к пролетарским инстинктам пробуждающегося английского рабочего класса и предпочитала путь завоевания власти при помощи демонстрации благовоспитанности. Благовоспитанных рабочих-министров буржуазия терпела только до тех пор, пока не пришла к убеждению, что может получить более благовоспитанных, и притом более решительных защитников капитализма, в лице консерваторов.

в) Перспективы консервативного правительства.

Консервативная партия Англии, а с ней все капиталистические элементы Европы ликуют. Англия получила „устойчивое" капиталистическое правительство. Европейские короли и банковские диктаторы не будут рисковать при встречах с английскими министрами бизнеса, что до них донесется вдруг запах рабочего подвала, от которого, быть-может, не избавились благовоспитанные рабочие министры по пути с рабочего митинга на королевский бал или заседание с банкирами. Но так же, как иллюзионисты II Интернационала ошибались, принимая за власть министерское кресло, так же ошибаются буржуазные иллюзионисты, мечтатели о возврате к предвоенным условиям господства буржуазии, принимая устойчивость распределения парламентских кресел за устойчивость социальных и мировых отношений. Господин Болдуин, великий любитель торговли йоркширскими свиньями и хороший делец металлургической фирмы „Болдуин Лимитед", ведь, был уже у власти, он уже один раз обещал Англии „порядок и спокойствие", он и тогда имел самостоятельное большинство в парламенте, которое ему позволяло много лет занимать совместно со своими консервативными депутатами парламентские и министерские кресла. Все физические предпосылки для прочного сидения у него были, и несмотря на это, господин Болдуин сам распустил парламент для того, чтобы получить разрешение избирателей на проведение таможенных реформ. Некоторые упрекали его в том, что он бесится с жиру. Но хотя господин Болдуин, как полагается человеку с чистой совестью и хорошим кошельком, не страдает отсутствием жира, он мог ответить своим критикам: „От хорошей жизни не полетишь!" Он принужден был из тишины парламента выйти в открытое бурное море избирательной борьбы, ибо английскому капиталу не по силам топтаться на месте. Связь с его белыми колониями ослабляется. В Индии с Египтом кипят конфликты, благодаря безработице обескровливается английский капитализм. Господин Болдуин пытался в 1923 году открыть себе путь к империалистическому лечению язвы Великобритании. Он был отброшен выборами в декабре 1923 года. Но все эти вопросы не исчезли, они умножились лишь новыми вопросами, вызванными к жизни докладом экспертов. Советская Россия за это время усилилась, положение в Китае требует серьезных решений. Правительство Болдуина будет принуждено пойти на целый ряд шагов, которые обострят его внутреннее и международное положение.

Но за это время вырос и английский рабочий класс. Он прикоснулся к власти, он был отброшен от нее коалицией буржуазных партий. Прав был тот английский либерал, который во время выборов в письме в редакцию „Манчестер Гардиан" пред-

остерегал от поддержки консерваторов, указывая на то, что при преобладании пролетариев в английском населении нет ничего более опасного, как ясная картина разделения всей Англии на пролетариев и капиталистов, которая будет налицо в случае крупной победы консерваторов. Консервативное правительство сумеет устойчивость парламентских кресел превратить в относительную социальную устойчивость только тогда, когда и поскольку ему удалось бы упрочить капитализм английский за счет английского пролетариата. Это будет требовать борьбы, борьбы и еще раз борьбы. В этой борьбе английский пролетариат вырастет, в этой борьбе он сделается решительнее, и мы убеждены, что правительство господина Болдуина не доживет до своего конституционного срока.

Англия входит в период обострения внутренних и внешних отношений. Если мелкобуржуазное правительство Макдональда добилось сотрудничества с С. Штатами в целом ряде вопросов путем подчинения американскому руководству, если оно шло на большие уступки французскому правительству, то консерваторы попытаются вести политику твердой руки и по отношению к Америке и Франции, и по отношению к Германии, России и Китаю. Тень лорда Керзона снова появилась во время выборов.

Союз Советских Республик с большим спокойствием будет ожидать развития английской политики. Первый танец начнется на „ефтом же самом месте", на месте явного, наглого подлога, который английское правительство предъявило советскому в приложение к дипломатической ноте, как будто конверт, в который вкладывают дипломатические ноты, есть средство для вывоза нечистот, производимых в министерстве иностранных дел Англии. В интересах самого английского консервативного правительства лежит скорая ликвидация этого инцидента. Она бы облегчила дальнейшие сношения обеих держав. Эти сношения необходимы независимо от того, кто находится у власти в Англии. Они для Англии теперь еще более необходимы, чем раньше, ибо международное положение Советского Союза значительно усилилось после признания его Францией. Факты — это очень упрямые вещи,—говорят англичане. И если английское правительство не будет считаться с этой умной поговоркой английского народа, то хуже будет не для фактов, а для английского правительства.

V.

Новое империалистическое наступление на Востоке

Нигде действительный смысл так-называемой эры демократического пацифизма не вскрылся так ясно, как именно на Востоке. И самое замечательное то, что с обнаружением его смысла истории не приходилось ждать. Уже до момента падения правительства Макдональда действия правительства Макдональда по отношению к Востоку ярко показали, что так-называемая эра демократического пацифизма (эти слова теперь звучат прямо смешно) представляет собою не что иное, как соглашение англо-американского капитализма насчет мер, при помощи которых нью-йоркские и лондонские банки могли бы создать на Дальнем Востоке условия для его капиталистического закабаления, а на Ближнем Востоке—для укрепления империалистической политики Англии. Поддержка английским и американским капитализмом У-Пей-Фу в борьбе с Чжан-Цзо-Лином, означавшая не что иное, как попытку выжить ослабленную Японию из завоеванных ею на севере Китая позиций; действия английского и американского капитализма против правительства Сун-Ят-Сена; одновременные попытки англичан в Персии поднять феодальную знать Арабистана против центральной власти, стремящейся создать в Персии национальную бюрократию и армию, эту основу буржуазного государства; вся позорная политика английского правительства Макдональда в Месопотамии, навязывающая путем террора месопотамскому парламенту признание английского протектората, политика интриг в Аравии и, наконец, заявление лорда Пармура и Макдональда в лондонском парламенте, сводившееся к тому, что Судан будет египетским, а Египет останется в руках Англии,—все это делает теперь безнадежным попытку представить дело так, что понадобилось падение Макдональда, дабы открыть путь английскому империализму к новому нажиму на Восток. Не может быть даже речи ни о чем подобном. Консервативное правительство может с полным спокойствием говорить критикующим его представителям Рабочей партии: мы боремся за то же

самое, за что вы боролись, и если нам приходится в этой борьбе принимать более острые меры, чем те, которые вы принимали, то это есть только результат обострившегося положения, а не изменения политики.

Наступление английского империализма началось с Египта. Консервативный английский писатель Гарвин называет в еженедельнике „Обсервер" убийство английского главнокомандующего сирдара Ли-Стека громом с ясного неба. Что это убийство—гром, который отзовется раскатами по всему Востоку, это не подлежит ни малейшему сомнению, но утверждение, что гром этот грянул с ясного неба, предполагает очень короткую память у читателя. Египетский вопрос явился с момента окончания войны одним из нарывов на теле Англии. Дело не только в том, что уничтожение формального турецкого суверенитета над Египтом, явившееся последствием вступления Турции в войну, поставило на очередь необходимость выяснения отношений Англии к Египту. Объявление английского протектората встретило уже не тот Египет, который существовал в момент, когда, пользуясь задолженностью хедива, Англия пыталась захватить страну Нила. Тогда она встретила отпор только у незначительной части египетского народа в лице слабой его армии, руководимой Араби-пашой. С того времени прошло 40 лет капиталистического развития Египта. Капитализм избегал развивать в Египте промышленность, дабы он остался поставщиком хлопка для Англии. Но простой факт ведения товарного хозяйства, простой факт растущей эксплоатации и обнищания масс, простой факт развития туземной бюрократии создали значительный кадр интеллигентов, формирующих национальное чувство народных масс и достаточное, хотя политически не оформленное, национальное самосознание в Египте. Чтобы мировая война не сократила роста национального движения, получившего такой сильный толчок от турецкой революции, позаботилась эксплоатация сотен тысяч египетских крестьян в „трудармиях", созданных английским командованием во время операции на Синае. Игра Антанты с идеей самоопределения усилила смелость напора националистического движения, поэтому объявление протектората вызвало бешеный отпор египетской общественности. Все, что переживал Египет с 1919 по 1922 г., со времени разразившейся над берегами Нила национальной забастовки железнодорожников и телеграфных служащих,—демонстрация студентов, агитация в прессе и на собраниях, создание тайных организаций и парламентская оппозиция,—все это дает картину, совершенно отличную от той, которая так мила сердцу империалистов. Англия должна была отступить перед египетским национальным движением, конституция 1922 г. является свидетельством этого отступления. Это отступление было, однако, только формальным. Англия признала независимость Египта, но отложила на будущее время решение вопроса о Суэце и Судане, вопросов о положении иностранцев и об отношении Египта к иностранным державам. А для предопределения решения этих вопросов она оставила в Египте

свою армию. Страна с 13 миллионами населения не смогла навязать с оружием в руках свою волю английскому империализму, английский империализм не сдаст египетских позиций без того, чтобы в буквальном смысле слова не поставить Египет на колени. Англия захватила Египет ради Суэцкого канала, этой важнейшей артерии, связующей хрупкий организм английской империи. И Англия, не будучи разбита, не выпустит из рук Суэца. Потеря Суэца означала бы освобождение Индии. Понятно, Англия могла бы итти на такую „интернационализацию" Суэцкого канала, которая прикрывала бы международным флагом господство Англии. Но никогда на действительную сдачу Суэцкого канала в руки Египта английский империализм не пойдет.

Но Египет теперь—это не только Суэцкий канал. Это—хлопок. Достаточно бросить взгляд на таблицу мирового сбора хлопка за период с 1911 по 1923 г., чтобы это стало ясным.

Мировой сбор хлопка с 1911/12 по 1922/23 гг. (в тыс. тонн).

ГОДЫ.	Всего.	В том числе.			
		Соедин. Штаты.	Ост-Индия.	Египет.	Остальн. страны.
Средн. за 1911/12—1913/14 .	5.336,6	3.431,3	900,9	327,6	676,8
„ „ 1914/15—1916/17 .	5.207,2	3.140.0	899.3	247,3	920,6
„ „ 1917/18—1919/20 .	4 252,5	2.626,7	760.9	231,9	633,0
„ „ 1920/21	4.477,1	2.914,0	616,8	271,2	675,1
„ „ 1921/22	3.831,9	1.897,2	1.010,9	210,4	713,4
„ „ 1922/23	4.315,8	2.355,6	1.019,8	203,8	736,1

Что говорит эта таблица? Она указывает, во-первых, на уменьшение мирового сбора хлопка. Хлопок является одним из наиболее необходимых условий экономического могущества Англии. Англия и теперь еще имеет больше веретен, чем Америка, Франция и Германия, вместе взятые. Соединенные Штаты Америки имеют $37^1/_4$ миллионов веретен, Франция—9.600.000, Германия—9.500.000, в Англии работает $56^1/_2$ миллионов веретен, т.-е. $^1/_3$ всего числа веретен в мире. Только 11—12 миллионов веретен обслуживают внутренний рынок Англии, 44 миллиона работают для мирового рынка, в то время как Соединенные Штаты вывозят только 5% производства своих 37 миллионов веретен за границу. Так как Англия живет мировой торговлей, а текстильная промышленность является одной из главных отраслей промышленности в Англии, то факт уменьшения производства хлопка уже сам по себе, в первую очередь, угрожает Англии. Но производство хлопка не только уменьшается,—одновременно растет использование американского хлопка Америкой. Вывоз хлопка из Соединенных Штатов Америки уменьшился в 1923 г. на $^2/_5$ по

сравнению с 1913 годом. Одновременно растут цены на хлопок: в то время как в 1913 г. фунт хлопка стоил 13 центов, он в июле 1924 г. стоил 33 цента. Вопрос увеличения производства собственного хлопка сделался одним из жизненных вопросов Англии. Ей удалось путем ряда усилий увеличить производство индийского хлопка, и она делает все, чтобы поднять производство хлопка в Египте. Производство хлопка в Египте переживает кризис, вызванный целым рядом экономических и технических условий: отсутствие натуральных удобрений делает необходимым увеличение искусственных и, вообще, улучшение техники производства. Сбор хлопка с кантара площади уменьшился за период с 1895 г. до 1913 г. на 41%.

Английское правительство было принуждено искать причину падения производства, и специальная комиссия, занимающаяся этим вопросом, пришла к убеждению, что причины эти нужно искать в ухудшении почвы, благодаря системе двухлетнего плодосмена, в недостаточном орошении, недостаточном снабжении навозом, дегенерации семян, благодаря недостаточно тщательному их отбору, и работе жучка-долгоносика. Поднятие производства хлопка требует, если перевести эти технические вопросы на социальный язык, уменьшения эксплоатации феллахов, улучшения состояния их культуры. Колониальный капитализм, представляющий собой систему беспощадной эксплоатации, неспособен совершить этот переход на более высокую, более интенсивную ступень эксплоатации и должен искать спасения в расширении области эксплоатации. Расширение хлопководства на юге Египта, передвижение английского капитализма к истокам Нила, — вот выход, на который решился английский империализм. Для того, чтобы поднять культуру хлопка в Судане, надо, во-первых, заняться орошением этой области. Область между Голубым и Белым Нилом, так-называемая долина Гезира, может дать много миллионов хлопка: для этого необходимо только построить плотину, задерживающую воды Нила, и на этот шаг решился „Суданский синдикат", который взял в свои руки развитие хлопководства в Судане. Долина Гезира имеет около 800 моргов земли, пригодной для хлопководства. Английское правительство строит железную дорогу, соединяющую эту долину с портом Судана. Главной помехой явилось противодействие египтян постройке плотины на верхнем течении Нила, ибо это угрожало бы Египту ослаблением и так недостаточного египетского орошения.

Боясь настроения египетского населения, английское правительство соглашалось до этого времени ограничить количество земли в долине Гезира, в которой должно быть проведено орошение. Теперь убийство английского главнокомандующего в Египте дало консервативному правительству предлог для ликвидации всех помех против создания хлопковой колонии из Судана. Колонии находятся непосредственно в руках Англии. Судан был, как известно, завоеван египетскими войсками под руководством Китченера. Подавление восстания махдистов, издержки которого покрыл

несчастный египетский феллах, кормящийся хлебом, водой и хлопковым маслом, кончилось договором между египетским правительством и Англией, который установил кондоминиум над Суданом. Суданом заведывала египетская бюрократия. Только самые высокие посты находились в руках англичан. Войска в Судане—египетские. Первое, что навязал английский империализм египетскому правительству после убийства Ли-Стека, было отозвание египетских войск и переход управления Египтом полностью в руки англичан. Вторым пунктом английского ультиматума было заявление о том, что Англия отклоняет всякие ограничения, области в долине Гезира подлежат орошению. Таким образом, английский империализм создал для „дальнейших переговоров" с Египтом новый факт: вместо кондоминиума в Судане—непосредственное подчинение Судана Англии. Английский империализм угрожает теперь Египту не только со стороны Средиземного моря и Индийского океана, но и с юга, поднимая над ним меч угрозы задержки вод Нила, которая означала бы смертный приговор для всякой жизни в Египте. Египет лежит в данный момент в состоянии полного бессилия у ног генерала Оливье. Забастовка железнодорожников и телеграфистов на линии Хартум—Каир и демонстрация студентов не могут преодолеть пушек и танков, которые ежедневно показывает на улицах египетских городов английский сатрап. Само собой понятно, что в стране, уже пробужденной, в которой массы уже находятся в движении, империализм не может господствовать в таких открытых, в таких жестоких формах без того, чтобы привести к открытому столкновению сил колониальной революции и империалистической контрреволюции. В цитированной уже статье Гарвин предупреждает гуманитарную публику, которая перепугана всеми этими восстаниями и демонстрациями в Египте, что эти 3 дня после убийства генерала Ли-Стека Англия находилась в громадной опасности, что только демонстрирование решительности и силы спасли положение. Но нельзя ежедневно „демонстрировать решительность и силу" без того, чтобы не обессилеть.

Египет чересчур слаб, чтобы изолированно победить английский империализм. Но почва Египта вулканическая, и земля дрожит под ногами английского империализма в Египте. И Англия знает, что стоит только случиться первому крупному затруднению, связывающему ее силы,—и она станет в Египте перед массовым восстанием, перед революционным движением, которое будет угрожать если не сердцу английского империализма, то тончайшему соединительному нерву его.

Одновременно с египетскими событиями Англия имеет ряд серьезных поражений в других странах Востока. Арабская политика Англии означала попытку объединения арабских племен при помощи династии Хашемитов. Гуссейн—в Мекке, Фейзал—в Багдаде, Абдул—в Транс-Иордании должны были, с одной стороны, не допустить объединения всех арабских племен в одно целое, а с другой стороны, держать всю Аравию в руках Англии и для

Англии. Одновременно Англия подкапывалась под французский империализм, держащий в своих руках Сирию. Эта ставка бита. Династия Хашемитов оказалась чересчур слабой для роли, предназначенной ей английским империализмом. Король Фейзал находится в Месопотамии под растущим давлением арабского местного населения, враждебного английскому империализму. Он держится исключительно штыками Англии и поэтому не может поддерживать Англию. Гуссейн уже сметен напором центрального арабского племени вахабитов. Английский империализм пытается взять к себе на службу и главарей этих племен, с королем Ибн-Саудом во главе, но это очень краткосрочная комбинация. Арабское движение, которое такой внимательный наблюдатель, как известный немецкий арабист, профессор Мартин Хартман, уже перед войной высоко ценил, представляет теперь силу более высокую, крупную, чем это учитывается обыкновенно в европейских кругах. Вахабитские племена представляют собою наиболее примитивную, но в военном отношении наиболее сильную и одновременно в национально-религиозном отношении наиболее активную часть Аравии. Попытка опереться на них не сулит благих результатов, и поэтому Англия смотрит с тревогой, как это увидим дальше, на дальнейшее развитие событий.

Попытка оторвать Арабистан с южно-персидской нефтью от всей Персии, дабы объединить в своих руках одновременно моссульскую и персидскую нефть, кончилась неудачей. Национальное буржуазное движение в Персии, находящее свое парламентское выражение в меджилисе и военное—в создании солдатами Ризахана персидской армии, оказалось сильнее, чем это хотели допустить агенты английского империализма в Персии, не видящие из-за подкупных дипломатов растущей национальной силы.

Этот ряд поражений поставил английский империализм перед общим вопросом искания новых гарантий для укрепления своего господства на Ближнем Востоке. Что угрожает этому господству? Три фактора: 1) национальное движение мусульманского мира, 2) влияние на этот мир русской революции и 3) конкуренция империалистских держав, ослабляющая каждую из них. Английская политика по отношению к магометанским народам прошла после войны целый ряд фаз. В 1919—1920 гг. Англия ведет лобовую атаку на национальное движение на Ближнем Востоке, она ведет руками греческих наемников войну с Турцией, пытается репрессиями задавить национальное движение в Египте, ища в арабском движении опору для себя. Персии она пытается навязать договор, делающий англичан хозяевами положения.

Одновременно она путем интервенции пытается задавить русскую революцию, как очаг колониальной революции. И, наконец, ведет систематическую войну с Францией, захватившей Сирию, из-за влияния на Восток. В 1922 г. мы видим попытку сговора с мусульманским движением и отделения его от Советской России. Англия признает независимость Египта, после поражения в Малой Азии пытается добиться соглашения с Турцией, ищет соглашения

с Персией, разорвавшей договор 1919 г. В то же время Керзон предъявляет ультиматум Советской России. Теперь эта политика обанкротилась. Англия ухудшила свои отношения с Советской Россией, с Египтом, вводит в Египте режим дикого террора, терпит поражения в Аравии, в южной Персии. Только в Турции, ослабленной долгим финансовым бойкотом, в Турции, где стоят на очереди неотложные экономические потребности крестьянских масс и идет глубокое социальное расслоение, английский империализм медленно продвигается вперед, имеет шансы на закрепление за собой моссульской нефти путем финансовых подачек. В этом тяжелом положении английский империализм пытается добиться нейтрализации хотя бы одного источника своего ослабления, а именно—конкуренции с другими империалистическими державами, в первую очередь с Францией. Сама Франция очень напугана растущим национальным движением в своих магометанских колониях. Достаточно взять в руки только-что появившуюся в Париже за псевдонимом „Африканец" книгу: „Руководство моссульской политикой", чтобы видеть, как Франция оценивает растущее национальное сознание магометанских народов. Давая картину развития этого движения в Турции, Персии, Афганистане, Египте, Марокко и Тунисе, автор указывает на то, что в 1900 г. во всем мире издавалось не более 200 магометанских газет, в 1910 г. их было 1.000, теперь эта цифра удвоилась. „10 лет назад,—говорит автор,—интеллигентный марокканец не интересовался вопросами мусульманского движения, он поддерживал только религиозную связь с Меккой. Теперь марокканская молодежь читает не только развившуюся марокканскую прессу, но читает газеты Туниса, Египта и проявляет живейший интерес ко всему, что происходит во всем магометанском мире". Только-что пришедшее к власти правительство Эррио назначило комиссию для исследования вопроса о расширении самоуправления Туниса. Когда империалисты начинают говорить о самоуправлении, то это доказывает, что уже находятся в движении силы, которые борются за свободу, и назревает опасность мусульманского движения во всем мире, угрожающая и французскому империализму. Значение Средиземного моря получило яркое освещение в поражениях испанцев в западном Марокко. Этот момент используется английской дипломатией для попытки заключения новой сделки между Францией и Англией о взаимной поддержке против мусульманского движения. Она готова признать Францию наследником Испании в Марокко, требуя от французского империализма, чтобы он не накладывал руку на Танжер, лежащий напротив гибралтарской крепости. Танжер должен остаться интернационализированным, а на деле находиться в руках Англии. Обе стороны—и Франция, и Англия—должны отказаться от всякой борьбы друг с другом. Французское правительство должно отказаться от использования египетских затруднений Англии. В Сирии и Аравии английские и французские проконсулы должны помогать друг-другу в борьбе с магометанским движением. В Турции должна быть

ликвидирована англо французская конкуренция. Первое известие об этой попытке создания англо-французской Антанты на Ближнем Востоке вызвало не только беспокойство во всех центрах мусульманского движения, но и появление на сцене кандидата в союзники в лице Италии. Но Италия требует для себя за участие в этом союзе вознаграждения, то-есть она пытается использовать опасность, угрожающую английскому и французскому империализму, для укрепления собственных позиций.

На Дальнем Востоке англо-американская кооперация, направленная на воссоединение под руководством У-Пей-Фу Китая, географическое положение которого между реками Хуанхо и Янтсекиангом делало его объектом постоянного нажима англо-американского капитала, кончилась пока-что крупным поражением. К власти вернулась японофильская партия анфуистов, являющихся в общекитайском масштабе вывеской Чжан-Цзо-Лина, положение которого в Манчжурии делает его, добровольно или невольно, выразителем японских интересов в Китае. Соединенные Штаты и Англия не успокоятся после этого поражения. Попытка консолидации сил У-Пей-Фу в занятых им территориях продолжается, т.-е. продолжается организация гражданской войны в Китае для... пацификации Китая. Англия и в данном случае совместно с Америкой сделает все, чтобы включить в свой фронт и Францию, которая до этого времени фрондировала против них на стороне Японии, на Японию же подготовляется материальный и моральный нажим. 150 миллионов, которые Япония в этом году задолжала, не в состоянии были покрыть ее потребностей в притоке капитала, вызванных не только землетрясением, но и состоянием японского торгового баланса и, вообще, общим хозяйственным положением страны. За первое полугодие 1924 г. Япония ввезла на 64 миллиона иен больше, чем вывезла. Япония нуждается в частных кредитах для финансирования своего ввоза. Она принуждена продавать и закладывать акции своих промышленных заводов в Америке. Америка подготовляет грандиозные маневры, которые должны состояться в начале 1925 года. Весь американский флот, находящийся и в Тихом, и в Индийском океанах, выступает соединенно. Остановившись в феврале около Сан-Франциско, он проплывает к Гавайским островам, чтобы продемонстрировать Японии военную мощь американского капитала.

1925 год будет годом наступления мирового империализма по всем фронтам Ближнего и Дальнего Востока. Но это империалистическое наступление является только отчасти результатом усиления империализма. Только в отношении Соединенных Штатов Америки можно говорить об увеличении сил империализма. Что же касается Англии и Франции, то обострение их империалистического нажима есть выражение ослабления, боязни, тревоги за будущее. Их наступление является встречным наступлением против растущего национального движения всего Востока.

1925 год будет годом пробы сил, годом крупных империалистских конфликтов и революционных движений на Востоке.

VI.

Итоги „эры демократии и пацифизма".

Минувший год, который дал миру доклад экспертов, который видел возникновение рабочего правительства Англии, приветствовавшегося всей международной социал-демократией в качестве начала новой исторической эры, который ликвидировал во Франции правительство национального блока, который начал ликвидацию режима фашизма в Италии, — дошел до своего конца. Вся международная буржуазная печать, подводя его итоги, величает его годом стабилизации капиталистического хозяйства и укрепления мира. Коммунистический Интернационал, международный рабочий класс, привыкшие строить свою политику на холодном учете фактов, а не на иллюзиях, должны предпринять обозрение перемен, происшедших в продолжение этого года, ответить на вопрос о том, представляет ли этот год действительно стабилизацию международного капитализма, означает ли эта так-называемая стабилизация уменьшение классовых противоречий между капиталистическими странами, сулит ли она обострение революционной борьбы пролетариата или, наоборот, уменьшение возможности конфликтов между буржуазными странами.

1.

В хозяйственном смысле этот год является безусловно годом значительных изменений. Эти изменения произошли или с особой силой проявились в трех областях.

Соед. Штаты Америки вернулись в Европу. Этот факт выразился в сумме одного миллиарда ста миллионов долларов, вывезенных американской буржуазией за границу за 11 месяцев 1924 года, в то время как вывоз капитала из Америки за предыдущие годы выражался в значительно меньших суммах.

Вывоз Англии и в этом году не превзошел цифр предыдущих лет. Он держится на высоте 50 миллионов фунтов. Участие С. Штатов в кредитовании мировой промышленности и торговли имеет не только непосредственное крупное значение, давая ка-

питалистическому хозяйству Европы приток основного и оборотного капитала, но, — что усиливает доверие буржуазии других капиталистических стран, — ускоряет ее попытки восстановления кредита. Характерным в этом смысле является усиление иностранной работы голландских банков.

Доклад экспертов, ратифицированный Лондонской конференцией союзников при участии С. Штатов Америки, является исходным моментом этого поворота. Председатель английского „Оверси Банк", который занимается специально финансированием заграницы, определил следующими словами значение доклада экспертов:

„Очень легко подвергнуть критике решения, содержащиеся в докладе экспертов. Но значение его состоит не в том, будет ли он проведен в жизнь тем путем, который предполагает сам доклад, а в том, что он дал передышку на несколько лет не только Германии, но всей Европе. Он дал возможность французскому правительству уйти из Рурского бассейна и создал условия для вывоза без большого риска капитала в Германию, без которого экономическое возрождение этой страны невозможно".

Вторым фактом, бросающимся в глаза, является известная стабилизация денежной системы в целом ряде стран. Эти страны—Германия, Польша, Венгрия, Австрия. Если еще добавить, что балтийские страны уже раньше имели стабильную валюту, то мы получаем восстановление аппарата товарообмена во всей центральной Европе, которая, как известно, являлась главной полосой опасностей, угрожающих после войны международному капитализму. В двух крупных европейских странах, во Франции и в Италии, этот год, наоборот, был годом крупных потрясений денежной системы. Во Франции катастрофическое падение франка могло быть удержано только при помощи „спасительных" действий Моргана, в Италии кризис фашизма отбросил лиру ниже уровня, на котором она находилась накануне победы фашизма. Но если возвращение С. Штатов Америки в Европу является результатом экономических перемен, которые можно считать постоянными, а именно—такого накопления капитала, что вывоз его является неотвратимой необходимостью для американского финансового капитала, то стабилизация центрально-европейских валют окончательной считаться не может. Она не отвечает торговому балансу целого ряда стран, осчастливленных теперь стабильными валютами. Германский торговый баланс за 1924 год заключен с дефицитом в два миллиарда 700 милл. золотых марок, торговый баланс Австрии, — страны с промышленностью, значительно перерастающей потребности австрийского рынка, — глубоко пассивен. Стабилизация центральной Европы, являющаяся результатом неслыханного налогового нажима и финансовой помощи английского и американ-

ского денежного рынка, не может считаться окончательной.

Третий экономический факт, бросающийся в глаза, — это отсутствие промышленного подъема в Европе. Соед. Штаты Америки преодолели депрессию лета 1924 года, но английское хозяйство находится все еще в состоянии прострации. 1924 год кончается для Англии значительным перевесом импорта над экспортом, при чем скрытый английский импорт, который перед войной служил прикрытием этого недочета, значительно уменьшился. Франция, которая больше других стран оправилась экономически от войны (см. интереснейший доклад английского торгового агента во Франции: „Report on the economic condition in France revised to june 1924", London, 1924), находится в отношении металлургической промышленности перед очень тяжелыми перспективами. Ее металлургическая промышленность должна еще завоевать себе международный рынок. Вопрос о рынке является центральным вопросом и для Германии. От того, будет ли он решен или нет, зависит удача плана Дауэса. Но не только европейский и английский капитализм стоит перед этим вопросом. Перед этим вопросом стоит и американский капитализм. Основой этого вопроса является факт, что во время войны буржуазия расширила свою промышленную базу в Англии, в С. Штатах Америки, в Японии, в Италии, отчасти и во Франции, в годы инфляции расширила свою промышленную базу Германия. С момента восстановления международного кредита и денежной системы буржуазия начинает тем более ощущать, что все ее вопросы сводятся к вопросу о расширении рынка. Борьба за условия расширения мирового рынка с каждым днем все более становится главной пружиной мировой политики международного капитализма.

Приведенные выше факты, имеющие очень крупное значение для оценки ближайших перспектив, не отвечают на вопрос, имеем ли мы дело с „окончательной" стабилизацией капитализма в европейских размерах на промежуток многих лет, или нет. Капиталистическая печать, которая пытается представить дело так, что эта стабилизация уже произошла, подменяет действительность своими желаниями. Исход борьбы за стабилизацию европейского капитализма будет зависеть от двух факторов: от хода борьбы за расширение мирового рынка и от хода классовой борьбы в Европе. К первому вопросу мы вернемся еще в дальнейших своих рассуждениях. Что касается последнего, то о нем буржуазная и социал-демократическая печать очень охотно умалчивает по понятным причинам. Так как классовая борьба пролетариата против попыток стабилизовать капитализм за его счет и на его спине мешает этой стабилизации, то ничего удивительного нет, что буржуазия и социал-демократия, сделавшие из стабилизации капитализма главную свою политическую задачу, заявляют: если клас-

совая борьба пролетариата мешает стабилизации капитализма, то тем хуже для классовой борьбы пролетариата. Но классовая борьба пролетариата не исчезает от анафемы, провозглашенной жрецами золотого тельца. Борьба против тяжелого бремени „косвенных" и прямых налогов, которые буржуазия взваливает во всех странах на рабочий класс и мелкую буржуазию, борьба против дороговизны и против увеличения рабочего дня будет усиливаться по мере того, как наступление капитализма, на почве его стремления к своей стабилизации, усилится. В данный момент отлив революционной волны, характеризующий 1924 год, еще не уступил место новой сильной волне рабочего наступления. Но было бы близорукостью, свидетельствующей о ликвидаторских настроениях, не считаться с вероятностью прихода в продолжение ближайших лет новой волны массовой пролетарской борьбы. Не подлежит сомнению, что эта борьба начнется, как борьба за ближайшие экономические потребности пролетариата. Но вопрос в том, удержится ли она в этих рамках, зависит от целого ряда факторов. Во-первых, от общей мировой обстановки, в которой будет находиться капитализм, т.-е. от остроты его собственных противоречий, состояния его конфликтов с колониями и полуколониальными странами, с Союзом Советских Республик, и, наконец, от успехов, которые сделает наша борьба с социал-демократией, от организационного и политического состояния коммунистических партий. Поэтому надо дать себе отчет о степени остроты внутренних противоречий международного капитализма и его противоречий по отношению к рождающемуся в СССР социалистическому миру, как и к рождающемуся в колониях молодому капиталистическому миру.

2.

Когда летом прошлого года международная буржуазия и социал-демократия столько говорили об эре демократии и пацифизма, мы, ища основ этой шумихи, определяли, что если отбросить всю демагогию защитников капитализма, которым пацифистские и демократические басни нужны для того, чтобы помочь американскому и английскому финансовому капиталу провести их политику создания полуколониального режима в центральной Европе, то стержнем не подлежащего сомнению сдвига в мировой политике является факт создания на известное время сотрудничества английского и американского финансового капитала.

Английский и американский финансовый капитал, как вообще английский и американский капитализм, являются самыми грозными конкурентами в мировом масштабе. Полем их конкуренции является весь мир. В целях этой конкуренции С. Штаты Америки окружили свою промышленность стеной форднейевского тарифа. Он должен затруднить произведениям европейской и в первую очередь английской промышленности доступ на американский рынок, обеспечив американским трестам го-

сподство на этом рынке по высоким монопольным ценам, он должен им одновременно дать возможность понижения цен на внешних рынках. Английский капитализм выдвигает в ответ идею „охраны промышленности", провозглашенную в качестве программы консервативного правительства. Борьба английского и американского капитала в самых острых формах, вплоть до устройства революций (см. бразильские события) ведется на южноамериканском рынке. В Аргентине, например, этой старой колонии английского финансового капитала, удалось американскому капиталу, который до войны там находился на третьем месте (после Германии), занять позицию, равную Англии. На Дальнем Востоке, где Америка перед войной играла незначительную роль, она с каждым годом больше вытесняет не только Японию, но и Англию. На Ближнем Востоке Англия пытается через непосредственный захват Судана, через создание там, как и во всей Экваториальной Африке, хлопковых плантаций, через усиленную поддержку хлопководства Индии добиться, по возможности, независимости от американского хлопка. Развернув нефтяную промышленность южной Персии до таких размеров, что она покрывает уже 30% английского потребления нефти, английское правительство добилось от своих марионеток в Ираке отдачи ему в эксплоатацию моссульской нефти, и только боязнь будущего парламента затрудняет Фейзала окончательно подписать этот договор. В центральной Европе происходит беспрерывная борьба американского и английского капитала за обеспечение командных высот в германском хозяйстве. Борьба за международные долги, борьба за то, сколько и на каких условиях Франция уплатит С. Штатам и Англии, является не чем другим, как борьбой за подчинение Франции английскому или американскому капиталу. Англия является страной наиболее высоких податей. Если бы Америка предоставила Франции более льготные условия при уплате долгов, чем она предоставила их Англии, обязавшейся в продолжение 60 лет уплачивать по 30 миллионов фунтов, то это не только бы затруднило Англии ее конкуренцию с металлургической и текстильной промышленностью Франции, но вдобавок, наверно, дало бы американскому капитализму возможность выторговать от французского другие уступки, усиливающие позицию американского финансового капитала на французском рынке. Борьба за регулирование международного железного и стального рынка, которая происходит теперь в связи с франко-германскими переговорами о торговом договоре, является также частью этой проблемы. Создание франко-германского стального треста, за которым стоял бы американский финансовый мир, означало бы удар по английской стальной промышленности, находящейся в очень тяжелом положении.

Короче говоря, англо-американская конкуренция является крупнейшим фактором, составляющим подоплеку очень многих процессов, происходящих в капиталистическом мире. Но кто из этого делает вывод о несуществовании англо-аме-

риканского сотрудничества, тот по-детски упрощает мировую политику. Господствующим вопросом буржуазии в данный момент является стабилизация капитализма, невозможная без упорядочения валют, укрепления международного кредита и открытия новых рынков. Пока эти вопросы не решены, английский и американский капитал не могут поставить в центре своей политики борьбы за то, кто будет первенствовать в этом стабилизованном капитализме. Англо-германская конкуренция была уже под конец XIX столетия центральным экономическим фактором. „Сетурдей Ревью" уже в 1896 году заявляет от имени английских империалистов: Германия должна быть уничтожена. Но пока Англии не удалось при помощи японского оружия уничтожить русскую опасность в Азии, вождь английского империализма Джоэ Чемберлен пытался совместно с министром иностранных дел, лордом Лендсдоуном, добиться не только соглашения с Германией, но англо-германо-японского союза. Англия и С. Штаты начали политику сотрудничества на Вашингтонской конференции в 1921—22 году для того, чтобы создать единый фронт против Японии, вытолкнуть ее с позиций, занимаемых ею в Китае, и обеспечить после совместными усилиями условия для расширения китайского рынка. Англия и Америка, несмотря на свою конкуренцию на Дальнем Востоке, сотрудничают там друг с другом. Это сотрудничество перенесено и на европейские дела. Так же, как на Дальнем Востоке надо было ликвидировать Японию, политическими средствами борющуюся за преобладание, не соответствующее ее экономическим ресурсам, так и в Европе задача состояла в том, чтобы Францию, пытающуюся использовать свою военную силу для превращения Германии в свою колонию, поставить на свое место и заставить ее отказаться от роли фактора, усиливающего европейскую экономическую анархию. Раньше, чем может разыграться борьба между Англией и Америкой за преобладание в центральной Европе, центральная Европа должна была быть вырванной из когтей революции, рождающейся из недр экономического хаоса. Это является целью англо-американского сотрудничества при проведении в жизнь доклада экспертов.

Под знаком этого сотрудничества стоял 1924 год. В этом сотрудничестве Соед. Штаты Америки имеют безусловно перевес, но кончать это сотрудничество, сделать борьбу с Англией центральным пунктом своей политики С. Штаты еще не могут. Они не могут этого сделать не только потому, что упорядочение капиталистического хозяйства в Германии еще не обеспечено, но и потому, что это привело бы немедленно к такому усилению вооружений, что война могла бы явиться неизбежной раньше чем это желательно и С. Штатам. Они имеют громадный флот, но не имеют достаточного количества морских баз; они проникают экономически в целый ряд стран, но не имеют еще системы союзов и полусоюзов, обеспечивающих им прикрытие в случае войны. Насколько они еще психологически не подготовлены к

ведению войны, это лучше всего видно из той борьбы, которая происходит по сегодняшний день в республиканской партии против малейшего намека на возможность для Соед. Штатов Америки впутаться в союз с какой-либо из европейских держав. Поэтому в тот самый момент, когда Англия посылает директора Английского банка Нормана в Вашингтон для переговоров о том, чтобы американские банки взяли на себя поддержку фунта, когда он дойдет до паритетного курса с долларом, они могут протестовать против увеличения дальнобойности американских морских орудий. Одновременно с этим протестом против усиления самостоятельной американской военной силы английское правительство берет на себя постройку Сингапурской базы, которая должна помочь ему в проведении политики сотрудничества с американским империализмом на Дальнем Востоке против Японии.

1924 год был одновременно свидетелем временного ослабления англо-французской борьбы. Франции не по силам было не только обострять свою борьбу за гегемонию в Европе, но она была принуждена отступить в целом ряде позиций. Она обязалась очистить Рурский бассейн, сохраняя за собой теоретическое право на самостоятельные карательные экспедиции против Германии. Очистит ли она его на деле, это будет зависеть от хода событий в Европе, а особенно в Германии. Французские империалисты спекулируют на том, что усиление националистических элементов в Германии, выразившееся теперь в создании правительства Лютера, которое, прикрываясь плащом делового кабинета, на деле является правительством блока тяжелой промышленности и помещиков, т.-е. старого империалистического блока, господствовавшего в Германии перед войной, позволит им начать новый вооруженный поход против Германии. Английский империализм не только не сопротивлялся на деле продолжению до осени французской оккупации Рура, но остался сам в Кельне для облегчения французам их оккупации, которая была бы очень затрудненной в случае ухода англичан, ибо линии сообщения французских войск, находящихся в Руре, идут через Кельн. Он сделал это по той причине, что, во-первых, стремится совместно с Соед. Штатами заручиться французской помощью против Японии, ликвидировать попытки Франции, проявившиеся во время гражданской войны в Китае, вести на Дальнем Востоке самостоятельную политику, во-вторых, для того, чтобы добиться прекращения самостоятельной политики Франции на Ближнем Востоке. Свидание Чемберлена с Эррио, наверно, не привело еще ни к каким окончательным результатам. Но не подлежит сомнению, что предметом переговоров было создание англо-французского сотрудничества на Ближнем Востоке и на востоке Европы. Борьба Англии и Франции в Ангоре, которая так ярко проявилась во время турецко-греческой войны, которая продолжалась до последнего времени в Сирии, должна уступить место совместному нажиму

обеих держав на Турцию, правительство которой ведет очень осторожную политику по отношению к иностранному капиталу вообще. Обе страны должны сообща бороться с националистическим движением в северной Африке. Позиция, занятая французским правительством по поводу английского наступления на египетское правительство, показывает, что Англия добилась уже известных результатов в этой области.

Как долго будет продолжаться это сотрудничество? Критический пункт его придет неминуемо в обоих случаях — и в случае экономического подъема, и при его отсутствии. Французское правительство и французская буржуазная печать ставят перед английским правительством вопрос: что же будет, если Германия не сможет или не захочет исполнять обязательств, принятых на себя в Лондоне? Как же Франция может принять на себя обязательства уплаты своего долга по отношению к Англии, если не знает, будет ли она от него освобождена в случае, если сама не получит денег от Германии? На этот вопрос отвечает известный консервативный публицист, господин Гарвин в „Обсервере". Нечего ставить такие вопросы, ибо, если придет крах Лондонского договора, то этот крах поставит под знак вопроса вообще все мировое положение, взаимоотношения всех держав. Но этот критический пункт, который на случай краха лондонского компромисса Гарвин допускает, как вещь, сама собой подразумевающуюся, придет также в случае экономического подъема. Экономический подъем привел бы через расширение рынков к усилению Германии, Франции, Японии, — вообще всех стран, которые теперь покорно шли под ярмо англо-американского капитализма для того, чтобы получить необходимые им кредиты. Эта зависимость уменьшится в случае экономического подъема, в случае решения вопроса о межсоюзных долгах. От этого, понятно, не исчезнет преобладание Англии и Америки на мировом рынке, но это, во-первых, уменьшит зависимость других стран от них, а, во-вторых, обостряя англо-американскую конкуренцию, даст этим странам возможность поднять голову.

Англо-американское сотрудничество, которое Англия пытается дополнить блоком с Францией на Ближнем Востоке, пока-что является главным элементом стабилизации капитализма в Европе и уменьшения, хотя бы внешних проявлений, борьбы в лагере европейского капитализма. Но одновременно оно приводит к обострению позиции этого англо-американского блока по отношению к СССР и колониальным народам.

Основной причиной обострения отношений руководящих капиталистических держав к СССР, колониальным и полуколониальным народам является борьба за рынок. После поражения антисоветской интервенции против СССР, целью которой являлось непосредственное военное уничтожение первого рабоче-крестьянского государства, не

было общей согласованной капиталистической политики по отношению к СССР. Англия подходила к этому вопросу именно с точки зрения конкуренции с С. Штатами, с точки зрения борьбы за источники сырья, независимые от американского капитализма, и за рынок для английских промышленных изделий. Она надеялась, что ей удастся довести советское правительство до замаскированной капитуляции, до отказа от социалистического строительства, до отмены монополии внешней торговли. Надежды Ллойд-Джорджа базировались на убеждении, что новая экономическая политика является на деле только прикрытием перехода к совсем старой экономической политике капитализма, что экономические затруднения СССР позволят английскому капиталу добиться его возврата к положению, когда Россия являлась житницей Англии, а Англия — мастерской России. В этой политике за Англией следовали те державы, которые, нуждаясь, как и она, в увеличении своего промышленного экспорта, одновременно хотели освободиться от сырьевой и хлебной зависимости от Соед. Штатов, затрудняющих импорт промышленных изделий. Эта политика, начавшаяся признанием де-факто и разными промежуточными формами дипломатических сношений, привела, наконец, к признанию де-юре со стороны всех руководящих европейских держав. Эта политика породила сильнейшее разочарование среди ведущих ее капиталистических держав. Новая экономическая политика оказалась не спуском на тормозах к капитализму, а процессом общего экономического подъема советского хозяйства, который позволяет советскому правительству медленно, но постоянно усиливать социалистические элементы этого хозяйства. Америка держалась вдали от этой политики. Переживая громадный аграрный кризис, она не чувствовала себя заинтересованной в ускорении возрождения советского земледелия, т.-е. в ускорении экспорта советского хлеба на мировой рынок. Если этот увеличенный экспорт дал бы одновременно СССР возможность увеличить в известной мере промышленный импорт из-за границы, то он, в первую очередь, пошел бы на пользу промышленности стран, географически более близких СССР. Соед. Штаты Америки пытались поэтому всеми силами саботировать английскую политику сближения с СССР.

Победа консервативного правительства в Англии, являющегося в первую очередь непосредственным представительством промышленных кругов, вызвала изменение в английской политике по отношению к СССР. В то время как Ллойд-Джордж надеялся на ход развития, который принудит СССР сделать необходимые уступки, консервативное правительство хочет добиться этих уступок непосредственным нажимом. Он должен выразиться в систематическом финансовом бойкоте, в затруднениях, чинимых русскому вывозу, и в политическом нажиме через западных соседей СССР. Обострение отношений с этими государствами, в совокупности насчитывающими больше 40 миллионов населения, опасность войны на протяже-

нии от Черного моря до Финского залива должны принудить СССР либо к более или менее открытой ликвидации монополии внешней торговли, либо к принятию на себя таких долговых обязательств, которые имели бы своим последствием ликвидацию советской промышленности и открытие советского рынка для товаров капиталистических стран. В этой перемене английской политики, выражающей стремление промышленных кругов скорым темпом добиться открытия и расширения русского рынка, несомненную роль сыграли С. Штаты Америки, которые за совместные действия в центральной Европе требовали от Англии выравнения политической линии по отношению к СССР. Перемены, подготовляющиеся в американской политике по отношению к СССР и нашедшие свое выражение в отставке Юза, состоят в том, что С. Штаты Америки готовятся признать СССР для того, чтобы держать в своих руках политику всего капиталистического мира по отношению к Советскому Союзу. Америка будет приманками кредитов, угрозой финансового и политического нажима добиваться коренных уступок со стороны СССР, а в случае неудачи постарается не допускать никаких частичных сделок между советским правительством и отдельными капиталистическими странами. Бешеное использование всей международной капиталистической прессой событий в Грузии, событий в Ревеле,—все это показывает, что Америка и Англия не намерены довольствоваться финансовым бойкотом СССР, что они пытаются создать вокруг нее атмосферу, позволяющую перейти к более непосредственным методам нажима.

Отношение Англии и Америки к колониальным и полуколониальным народам Ближнего и Дальнего Востока находится в той же плоскости борьбы за включение их в капиталистический товарооборот. Эта политика встречает теперь больше затруднений, чем перед войной. Во-первых, капиталистические державы, все без исключения, теперь политически слабее, чем до 1914 г. Народные массы этих капиталистических стран раньше мало обращали внимания на то, что происходит вне Европы. Да, рабочие массы еще недостаточно активны в вопросах международной политики. Ленин указал нам в одном из последних своих политических выступлений, в инструкциях делегации русских профсоюзов, отправлявшейся на Гаагскую конференцию мира, каким непозволительным легкомыслием была бы попытка утешиться мыслью, что новая мировая война невозможна. Но все-таки эти массы живо реагируют на происшествия в колониях, инстинктивно чувствуя, что из этих конфликтов может вырасти новая международная схватка. Мобилизация значительных сил для войны с Китаем вызвала бы крупные политические затруднения. Но и война эта сама по себе представляла бы несравненно больше затруднений, чем до 1914 г. Народные массы колониальных и полуколониальных стран находятся в состоянии растущего возбуждения. Мы не говорим даже о таких странах, как громадный Китай или Египет, лежащий под носом Европы. Нет ничего ха-

рактернее для оценки этого возбуждения, царящего в странах Востока, как происшествия в Ираке, — стране, как известно, не имеющей никакого промышленного населения, в стране племен, живущих разобщенной жизнью на очень низком культурном уровне. Англичане под контролем военной силы производят в этой стране выборы в парламент, состоящие на деле в назначении депутатов шейхами и английскими офицерами. Эти депутаты живут в большинстве на деньги, получаемые от английских оккупантов, в руках которых и король Фейзал является простой марионеткой. И, несмотря на все это, англичане принуждены прибегать к самым грубым методам воздействия на парламентское правительство для проведения в жизнь своих требований. О подкупленных иракских нотаблях можно сказать то, что говорила старая шутка о венгерском дворянстве, что оно продает свое отечество, но затем забывает доставить товар покупателю. Причина этого странного проявления патриотизма состоит в том, что подкупленные нотабли неслыханно боятся базара, боятся общественного мнения страны, враждебно настроенной против английских оккупантов. Не организованное еще в политически окрепшие партии национальное сознание восточных стран живо, чутко реагирует на империалистскую политику закабаления. Можно сказать, что вряд ли открытый раздел восточных стран теперь еще возможен. Империализму приходится прибегать к политике кулис, создаваемых при помощи местной феодальной знати, к политике использования распрей, оставленных восточным народам в наследство феодальной эпохой или же создаваемых молодым капиталистическим развитием. Эту политику ведет Англия в Аравии и Персии, эту политику вели Англия и Америка в Китае. Эта политика в состоянии задерживать рост национального единения восточных стран, но не в состоянии ускорить расширение колониальных рынков. Или эта политика, полная нерешительности и виляний, политика поисков новой лошади, которая, авось, вывезет, окончится банкротством, оттянет процесс ускорения капиталистического развития восточных стран, или она уступит место более решительному военному нажиму, который придется предпринять, несмотря на всю боязнь тяжелых осложнений. Мы думаем, что после известного периода колебаний английская и американская буржуазия пойдут на этот риск, и что мы стоим на Востоке перед началом глубоких потрясений и серьезных империалистических конфликтов.

Насколько осложнилась империалистическая политика в странах Востока, показывает неудача, которой окончилась политика отрыва колониальных движений от движения пролетарского, каким является СССР. Эти попытки делали в свое время Ллойд-Джордж и лорд Керзон, с той только разницей, что Ллойд-Джордж пытался добиться сделки с СССР и одновременно задушить более слабую Турцию, в то время как Керзон, наоборот, обеспечивал себе мусульманский тыл для нападения на СССР. Теперь мы ви-

дим одновременную подготовку атаки против рабоче-крестьянского государства и против колониальных народов. Это изменение империалистической стратегии является результатом, во-первых, провала попыток разъединения, а во-вторых, роста смычки между колониальными движениями и СССР. Не удалось натравить на СССР Турцию, поэтому Турция теперь враг, против которого создается коалиция балканских стран, направленная одновременно и против СССР. Растущее сближение СССР с китайскими народными массами, которое принудило все борющиеся за власть элементы Китая стремиться к сближению с рабоче-крестьянским правительством, представляет крупнейшее поражение англо-американского империализма на Востоке. Неудача попытки объединения Китая под руководством У-Пей-Фу, который, уже благодаря своему местопребыванию, находился под самым сильным давлением англо-американского капитала, неудача попытки выбить Японию из ее манчжурской позиции показали англо американскому капитализму всю опасность положения на Дальнем Востоке. Заключение советско-японского договора показывает, насколько сильна необходимость сближения СССР с народами Востока. Япония, зависящая после землетрясения больше, чем когда бы то ни было, от англо-американского денежного рынка,—Япония, которая, уже благодаря переживаемому социальному кризису, больше, чем какая бы то ни было другая капиталистическая держава боится сближения с СССР, принуждена была завязать дипломатические сношения с Союзом Советских Республик, ибо это является для нее единственным и последним средством выйти из полной изоляции, в которой она находится на Дальнем Востоке. Господствующей теперь в Японии помещичье-военно-плутократической клике вряд ли будет по силам перейти от политики империалистической эксплоатации к политике дружеского сотрудничества с Китаем, без которого, в свою очередь, невозможно ее сотрудничество с СССР; но необходимость такого сотрудничества трех великих держав Дальнего Востока настолько диктуется всей обстановкой, что она безусловно ускорит развитие внутреннего кризиса в Японии. Приход к власти торговой буржуазии является предпосылкой создания дальневосточного блока против англо-американской кооперации.

3.

Подводя итоги внешне-политического развития за истекший год, которое шло под флагом эры демократии и пацифизма, надо сказать: эта эра родилась из известных успехов англо-американского капитализма на пути к стабилизации капиталистического хозяйства в Европе. Но эти успехи не только не окончательные, но они упираются в вопрос о рынках, которого англо-американский капитализм еще не решил, а только поставил. Попытка решить этот вопрос вызовет глубокий конфликт капиталистического мира с СССР и странами Востока, — конфликт, который мо-

жет сорвать всю политику стабилизации капитализма. По мере неудач в этом конфликте, еще даже в фазе его дипломатического и экономического развертывания, англо-американский блок будет находиться под угрозой распада, ибо эти неудачи лучше, чем что бы то ни было, вскроют различия интересов английского и американского капитализма и противоречивость интересов англо-американского блока и капиталистических стран, ему подчиненных. СССР не только имеет союзника в лице западно-европейского пролетариата и угнетенных народов Востока, но имеет также возможность путем целого ряда мер нейтрализовать ряд капиталистических держав, пробить брешь в едином фронте, который англо-американский капитал пытается создать против советского государства. Спекуляция англо-американского капитализма на силу экономического давления, на невозможность для СССР продолжительной политики выжидания окажется иллюзорной. Страна в 130 миллионов человек имеет громадные внутренние ресурсы даже при том хозяйственном состоянии, в котором она находится сейчас. Капиталистический рынок настолько диференцирован, что попытка закрыть его для русского вывоза окажется вздорной. А это даст СССР средства, позволяющие ему выждать окончания финансовой блокады.

Эра „демократии и пацифизма" стоит перед глазами народных масс обнаженная, без всяких прикрытий и демократии, и пацифизма, как голая политика окрепшего в нескольких странах капитализма, пробующего решить проклятые вопросы путем порабощения Востока и социалистической республики рабочих и крестьян. Обещав народным массам укрепление мира, она порождает новые конфликты, которые могут завершиться вооруженной борьбой. Задача коммунистических партий состоит теперь не только в том, чтобы уже с фактами в руках показать народным массам весь обман так-называемого пацифизма Морганов и II Интернационала, но одновременно мобилизовать свои силы против нового наступления, подготовляемого международным капитализмом на Востоке Европы и в Азии.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
I. Барометр выборов.	
1. Бесплодность империалистско-консервативного режима	11
2. Фашистский вал против пролетариата	28
3. Новый фактор	41
4. Что же дальше?	43
II. Доклад Дауэса.	
Предисловие	46
1. Исход борьбы за Рур	48
2. Падение франка	52
3. Политика рабочего правительства Англии	58
4. Возвращение Америки в Европу	62
5. Предложения экспертов	68
6. Причины германской капитуляции	74
7. Лондонская конференция	76
8. Внешне-политические перспективы Лондонского соглашения	84
9. Второй Интернационал и Лондонское соглашение	88
III. Что такое „эра демократического пацифизма“?	
Вступление	92
1. Возникновение „демократическо-пацифистской“ эры	95
2. Проверка „демократическо-пацифистской“ эры	101
а) Репарационный вопрос	102
б) Отношения к Сов. Союзу	104
в) Интервенции в Китае	109
г) Лига Наций — обеспечение мира	116
3. Сущность „демократическо-пацифистской“ эры	120
4. Ближайшие перспективы „пацифистско-демократической“ эры	125
IV. Девять месяцев английского рабочего правительства.	
1. Возникновение рабочего правительства	135
2. Стратегическое положение и цели английского рабочего правительства	142
3. Внутренняя политика	147
4. Колониальная политика	153
5. Внешняя политика	159
6. Класс против класса	165
а) Победа консерваторов и разгром либералов	—
б) Поражение Рабочей партии	168
в) Перспективы консервативного правительства	169
V. Новое империалистическое наступление на Востоке	171
VI. Итоги „эры демократии и пацифизма“	179

Библиотека Института Ленина при Ц.К. Р.К.П. (б.)

13616
2р.

1 руб. 25 коп.